

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1981

Делегат XXVI съезда КПСС, начальник управления Томскимстрой Петр Георгиевич Пронягин.

XXVI съезду КПСС — достойную встречу

Фото С. ПЕТРУХИНА

ПРОЕКТОМ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ ПАРТИИ НАМЕЧЕН ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ МОЩНОСТЕЙ ТОМСКОГО КОМБИНАТА — ГИГАНТА ХИМИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ.

В печати опубликовано постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ об итогах Всесоюзного социалистического соревнования и награждении победителей переходящими Красными знаменами. Среди победителей соревнования и город Томск.

Наш репортаж — о томском гиганте нефтехимии, сооружение которого развернулось в десятой пятилетке.

Гранулы пропилена, которые вы видите на снимке, пока еще не томские... Чтобы получить их, осталось сделать совсем немного.

К этим гранулам шли томичи всю минувшую пятилетку. Отвоевав у тайги и болот сотни гектаров, они поставили здесь десятки современных промышленных зданий, переплели их вязью трубопроводов, окружили вышками электропередач, проложили под землей водные, канализационные, телефонные артерии...

Гигант сибирской нефтехимии на Томи по проекту охтинского научно-производственного объединения «Пластполимер» сооружают строительные коллективы разных министерств. Томичам помогают монтажники и наладчики из самых различных уголков страны — Подмоскovie и Урала, Степногорска и Красноярска, Кемерово и Гусиноозерска, Волгограда и Новополюска... Промышленные предприятия более чем из шестидесяти краев и областей страны прислали сюда свою продукцию, чтобы, собранная воедино, дала она жизнь Томскому нефтехимическому, его первой очереди.

Завершением напряженного труда многотысячного коллектива строителей, монтажников, пусконаладчиков, эксплуатационников в канун XXVI съезда КПСС должна стать команда «Пуск!». Тогда заработает вся технологическая

НАКАНУНЕ

Слесари-монтажники Геннадий Бахтин и Анатолий Жиглов.

1

2.

3

Здесь хранится продукция завода.

ПУСКА

См. стр. 4.

Вещи, которые вы видите на снимках [1—5], сделаны из гранул полипропилена.

Аппаратчица Елена Курильчик и инженер-химик Надежда Гуляева.

Рассказываем о делегатах XXVI съезда партии

Жамал вышла из дома и пошла в сторону гор, к свекловичным полям. Поля отдыхали и грезили о весне, а у Жамал в памяти еще жила последняя уборочная страда. Кругом тогда высились бурты свеклы, сыто урчал комбайн, и одна за другой подъезжали к нему машины. Плоды были крупные, сочные, и она опытным взглядом прикинула, что, пожалуй, сахаристость будет высокой — процентов 15. Тут подбежала к ней Шами Абазова — в глазах восторг, губы в свеклоном соке, руки землей перепачканы. Девчонкой еще совсем пришла к ней в звено сразу после школы:

— Жамал-апа, какая же у нас свекла, слаще всех, я сравнивала, Жамал-апа...

что год обещает быть трудным, и сказала:

— Ну, здравствуй, поле, вот я снова пришла к тебе. Двадцать вторую весну прихожу и смотрю, как тебя вспахивают и засевают, двадцать первую осень урожай убираю, а ты не скудеешь, все щедрее становишься. Где ж ты силы берешь, поле?

Но молчало поле, да, по правде говоря, и не ждала от него ответа Жамал. Она знала его до малейшего бугорка, до последней ложбинки, знала, сколько оно выпьет воды за лето, сколько нужно удобрений, чтобы свекла получилась сахаристой. По одному виду растений, понимала, какой помощи они ждут от нее. И тогда тревоги поля становились ее личными тревогами...

Когда в Меркенском райкоме партии я попросил первого секретаря райкома Рафика Шакировича Асадулина рассказать, почему именно Жамал Омаровой доверено представлять коммунистов области на XXVI съезде КПСС, он сказал:

— Казалось бы, в ее биографии ничего особенного нет. Сразу после школы стала свекловичницей. Работа трудная, подчас грязная, но Жамал доказала, что и такая работа может стать творческой. Дело даже не в том, что звено Омаровой получает хорошие урожаи. Некоторые свекловоды добивались и более высоких урожаев, но то бывал кратковременный взлет. Дело в том, что Омарова всегда на высоте, постоянно. Из выращенной ею свеклы сделано столько сахара, что он обеспечил бы не на один год большой город. Она настоящий коммунист, член райкома партии, неравнодушный и честный человек, способный постоять за свои убеждения. Жа-

вреда приносит. Поэтому и в плохие годы наше звено всегда с урожаем. Вот и весь секрет...

— Правильно сказала, Жамал, — поддержала ее подруга по звену Кумускуль Карибаева.

— Однажды Жамал повела нас на завод, чтобы мы посмотрели, как делают сахар из нашей свеклы, — добавила Атыркуль Ахатаева. — И там одна работница вдруг сказала, что всем свекла хороша, только сахару в ней маловато, плохо, наверное, ее растили. Нам стало так неловко, потому что кое-кто из нас в то лето действительно ленился...

— А потом оказалось, что Жамал ту экскурсию специально устроила. — Куляш Асатаева и все остальные засмеялись.

— Скажите, Жамал, что вам в людях не нравится больше всего? — спросил я.

— Равнодушие. Равнодушные всегда помета делу.

— С кого вы брали пример в жизни?

— С целинников. Всегда восхищалась их подвигом. Они проложили первые борозды на мертвой земле. Они начинали жизнь там, где ее, в сущности, до них не было... Вот только что прошел на телевидении документальный фильм «Целина» по книге Леонида Ильича Брежнева. И я увидела, что время высветило в обычной хронике тех дней их истинный героический смысл. Я увидела людей, о которых сегодня рассказывают легенды.

— Вы делегат предстоящего партийного съезда. Что бы вы сказали, доведись вам выступить на нем?

— То же самое, о чем говорила только что. И о своих подругах, о нашем общем деле. Сказала бы огромное спасибо нашей партии за заботу о людях...

Потом все вместе мы пошли на их поле. Оно начиналось сразу за околицей села. Жамал посмотрела на него задумчиво и сказала, что завтра приведет сюда младшего сына. Он должен увидеть пустое поле. Потом она приведет его, когда появятся всходы, а в третий раз — на уборку. Пусть Самат поймет, на какие чудеса способна земля, если отдать ей все тепло человеческих рук. Может быть, в этом поле и его судьба.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

ЗДРАВСТВУЙ, ПОЛЕ!

Все рассмеялись. Каждый год эта сцена повторялась, потому что каждый год в звено Жамал Омаровой, лучшее звено свекловодов колхоза имени XXII партсъезда, приходили после школы девчонки...

Самая тяжелая операция — прореживание (ее еще называют прорывкой). Весь день, пригнувшись к земле, надо ходить вдоль густых свекловичных всходов и удалять слабые ростки, а заодно и сорняки, прореживать рядки, чтобы дать более сильным растениям простор для развития. Слов нет, лучше бы это делала машина, как делает она все остальное. И машина такая существует, но колхозники в ней разочаровались: она не умела «думать». Машина с математической точностью через определенный интервал прореживала растения. Но в этом интервале она могла вместо свеклы оставить сорняк или вместо сильного — слабый росток. В ней не было души, а это сказывалось на урожае...

Можно было делать иначе — приглашать на прорывку людей со стороны, как это часто бывало в других звеньях. Дело шло чуть лучше, но только чуть, потому что не у всех пришлых людей был интерес к этой работе, да и сноровка не та, что также отражалось на урожае. Звено Омаровой решило обходиться своими силами, памятуя простую истину: не поленишься лишней раз нагнуть — свекла уродится и сладкой и обильной. Вот почему звено Жамал Омаровой досрочно выполнило пятилетку, получив с гектара в среднем по 500 центнеров свеклы, тогда как по району в среднем выходило только 380...

Жамал подошла к краю поля, присела на корточки и зачерпнула пригоршню холодной земли. Она была сухая и казалась мертвой. Нынешней зимой снега совсем не было. Жамал подумала,

Тогда исчезал покой и у колхозных механизаторов, но, странное дело, они дружно просились в ее звено. И появлялись тогда осенью на учительском столе полтора десятка школьных сочинений на тему «Как мы провели каникулы», которые начинались одинаковой фразой: «Летом мы работали с мамой на свекловичном поле. Помогали. Было трудно, но интересно. Мы узнали секрет земли. Оказывается, в ней много сахара, и поэтому свекла получается сладкой...» И появлялись тогда на поле Омаровой гонцы из соседних колхозов, просили ее открыть секрет: почему у них на такой же земле, в таких же условиях урожай получается ниже?

— Секрета нет, — отвечала Жамал, — просто все мы очень стараемся работать...

Разочарованные гонцы уезжали, не заметив самого главного в ее словах — очень стараемся. Конечно, в этой фразе подразумевалось гораздо больше, чем сказано, но Жамал немногословна и не умеет рассказывать о себе. Она считает, что лучше всяких слов скажет о ней и ее подругах поле в период уборки. Оно — зеркало их летних забот...

мал — общественный деятель, дважды избиралась депутатом Верховного Совета Казахской ССР, а сейчас депутат сельского Совета. Наконец, она тонкий и чуткий воспитатель. И не только потому, что растит пятерых детей. Люди из ее звена уходят почему-то очень редко...

Так сложилось, что ответ на это «почему» я получил сразу же, как только приехал в колхоз. Жамал сказала:

— У нас звено — как одна семья. — И, увидев, что я не совсем понимаю, к чему она клонит, терпеливо объяснила: — В семье не бывает нелюбимых детей, верно? Бывают трудные, и таким вниманием всегда больше. Так и в нашей работе... И еще бывают годы урожайные, бывают неурожайные. Погода — она и есть погода. Засуха для всех засуха. Это как болезнь, которая одного с ног сбивает, а другой, хоть и страдает, но легче ее переносит. Потому что организм у него сильнее, закаленный. Нас выручает наше отношение к земле. Мы все работы делаем вовремя, а главное — на совесть. Поэтому нам засуха или беда какая меньше

Пос. Костоган.
Джамбулская область.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 7 (2796)

14 ФЕВРАЛЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1981

ЧУЖОЙ БОЛЕЗНИ НЕ БЫВАЕТ...

— Сегодня миллионы советских людей, изучая проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии, заглядывая в годы восьмидесятые, с гордостью отмечают свершения десятой пятилетки. Свершения во всех сферах нашей жизни. И в связи с этим не могли бы вы, Владимир Васильевич, рассказать, как изменилось лицо здравоохранения республики за годы десятой пятилетки?

— В Российской Федерации на страже здоровья людей сегодня стоит полумиллионная армия врачей. В своей деятельности они исходили и исходят из тех высоких задач, которые были поставлены перед ними Леонидом Ильичом Брежневым на XXV съезде КПСС: «Среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей.»

Ежегодно в республике расширяется сеть крупных многопрофильных областных, краевых, республиканских и центральных районных больниц. Так, в последние пять лет вступило в строй сорок стационаров, от шестисот до тысячи коек каждый, почти девяносто современных поликлиник, десять кардиологических корпусов, восемьдесят родильных домов на десять тысяч мест. Это, конечно, серьезно укрепило материальную базу здравоохранения в республике.

К тому же в эти годы в городах и селах РСФСР открыта без малого тысяча новых аптек. Треть из них — раньше намеченного срока.

— Известно, что одним из важнейших направлений в развитии советского здравоохранения было и остается приближение врачебной помощи к труженикам полей. Между тем в почте «Огонька» есть читательские письма с вопросом: что делает Министерство здравоохранения РСФСР для жителей сельских местностей?

— За годы десятой пятилетки значительно приближена к сельскому населению специализированная медицинская помощь. На базе крупных центральных районных больниц организовано свыше шестисот межрайонных специализированных отделений. Возросло в полтора раза количество самостоятельных сельских врачебных амбулаторий.

«Большим местом» в деятельности врачей на селе был специальный транспорт. Сегодня можно с удовлетворением отметить, что все центральные районные больницы полностью обеспечены, как говорится, «колесами». Девяносто восемь из каждых ста участковых больниц также имеют свой транспорт.

Большое внимание уделяется организации медицинской помощи сельскому населению Нечерноземной зоны РСФСР. За истекшую пятилетку здесь введено в действие районных больниц на десять тысяч коек, построено три современных комплекса областных больниц. Ускоренными темпами ведется сооружение пятнадцати крупных многопрофильных республиканских, краевых и областных больниц на тысячу коек каждая. Активно и широко внедряются новые виды специализированной врачебной помощи — кардиологическая, кардиохирургическая, пульмонологическая и другие. Развивается реанимационная помощь при тяжелых заболеваниях.

— Но, видимо, остаются проблемы, Владимир Васильевич, которые все еще ждут своего решения?

— Да, конечно. О них четко сказано в проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии. Речь идет о повышении уровня и качества медицинского обслуживания населения, о дальнейшем расширении сети учреждений здравоохранения, совершенствовании их структуры, рациональном размещении, прогрессивных формах организации труда врачей, медицинских сестер, фельдшеров, санитарок.

Из задач, которые надо будет нам решать в одиннадцатой пятилетке, я бы на первое место поставил проблему совершенствования руководства всей службой здравоохранения — начиная от участкового врача и кончая главврачом республиканской больницы. Это позволит повысить и качество медицинского обслуживания населения.

Ждет своего продолжения активизация профилактического направления в медицине. Наше министерство совместно с отраслевыми ЦК профсоюзов, министерствами и ведомствами уже наладило широкое изучение условий труда и быта на заводах и фабриках. Это дает нам возможность снижать профессиональные заболевания рабочих и работников, а следовательно, более активно участвовать в решении общих экономических задач — повышении производительности труда и интенсификации производства.

Сегодня в Российской Федерации создано 29 республиканских и 110 межобластных специализированных центров. В XI пятилетке нам предстоит районировать эти центры с таким расчетом, чтобы любой житель республики при необходимости находился в «сфере их деятельности» и без лишнего хлопот получил необходимую медицинскую помощь.

За последнее десятилетие значительно увеличилась сеть детских больниц и поликлиник, а также родильных домов. В новой пятилетке строительство детских лечебно-профилактических учреждений продолжится. Одновременно будем вести активную профилактическую работу с юными гражданами республики, уделяя большое внимание закаливанию детского организма. Для этого в поликлиниках создаются дошкольно-школьные отделения, в которых есть все специалисты, а в некоторых из них — спортивные врачи. В этой работе мы наеемся на помощь органов народного образования, комитетов физической культуры и спорта. И в первую очередь местных Советов, предприятий, которые ведут строительство дошкольных и школьных учреждений. Наш долг — чтобы все дети занимались физкультурой и спортом.

Одна из проблем, которую предстоит решить — усовершенствование службы «Скорой помощи». Недалеко ушло то время, когда роль «Скорой» ограничивалась медицинской помощью на месте или транспортировкой больного в первую попавшуюся больницу, где оказалась свободная койка. Не были исключением случаи, когда по дороге в больницу случались трагические исходы. А врач, хоть он и всячески старался, был бессилен чем-либо помочь. Два десятилетия назад достижения науки позволили начать значительную перестройку «Скорой». Опыт ленинградских медиков, создавших специализированные бригады «Скорой», нашел

распространение и в других городах республики. Сейчас только в Российской Федерации организовано около девятидесяти выездных кардиологических, травматологических, реанимационных, педиатрических и других специализированных бригад. Это позволило уже на месте вызова или по пути следования к стационару оказывать пострадавшему квалифицированную медицинскую помощь, включая реанимацию...

Хочется особо подчеркнуть, что все бригады, о которых я рассказывал, укомплектованы специалистами, в совершенстве владеющими не только новыми методами экспресс-диагностики, но и лечения. Сейчас идет совершенствование этой службы — создается больницы скорой помощи, идет их объединение со стационарами.

— Что это даст человеку, внезапно попавшему в беду?

— Ныне значительно расширяются показания к госпитализации больных. Теперь можно госпитализировать и людей, которые ранее считались нетранспортабельными. В городах, где уже созданы такие больницы скорой медицинской помощи, госпитализация пострадавших от инфаркта миокарда в первые же сутки возросла с 56 процентов в 1969 году, до 100 процентов в 1979-м. Это позволило резко снизить смертность, ускорило процесс выздоровления.

— Не могли бы вы перечислить города, где уже существуют такие больницы?

— Только в Российской Федерации их больше сорока. Многие из них открыты за годы десятой пятилетки. Одними из первых стали обладателями таких комплексов жители Пензы, Ростова-на-Дону, Волгограда, Мурманска, Саратова, Владивостока. Аналогичные службы созданы в Москве, Ленинграде, Челябинске. Опыт их работы красноречиво свидетельствует о реальной возможности значительно улучшить качество медицинской помощи людям с тяжелыми и острыми формами заболеваний. Мы наеемся, что к концу XI пятилетки по всей республике вступят в строй новые, хорошо оснащенные больницы «скорой».

Слушаю министра и вспоминаю недавнюю поездку в Челябинск.

...Мягкий солнечный свет заливает просторный коридор кардиологического отделения городской больницы «скорой помощи». Здесь в одной из палат лежит человек, перенесший два инфаркта. Тысячи километров прошел он фронтовыми дорогами, ранен был не однажды. Уцелел, домой вернулся. Трудился, растил детей. Но война все чаще стала напоминать о себе «прямыми попаданиями» в сердце.

Заведующая отделением Татьяна Михайловна Чурон открывает дверь в палату. С кровати поднимается улыбочный, чуточку грузный человек. Пожимая руку, представляется: «Виктор Сергеевич Боcharов». И тут же шутливо: «Кавалер двух обширных инфарктов. И тем не менее каждое утро занимаюсь гимнастикой. Чувствую себя хорошо. Через неделю рассчитываю быть дома».

Когда дверь в палату закрывается, главный врач больницы Я. Копелевич рассказывает: «Преимущество больниц скорой помощи в мобильности их персонала, абсолютной его готовности к любой операции. Если машина выезжает за больным, у которого инсульт, то в нашем неврологическом отделении и ее приходу уже готова специальная бригада. А когда доставляется больной с острой почечной коликой, то его тут же обследует уролог, а не дежурный терапевт. Одним словом, в таких боль-

ницах до минимума сведена потеря времени, которое часто играет решающую роль в борьбе за жизнь человека». Главный врач показывает пухлую папку с историей болезни людей, перенесших повторный, а в ряде случаев и третий инфаркт. Благодаря своевременным умелым действиям «Скорой» они снова вернулись в строй.

Большинство работающих здесь врачей начинали с санитаров, фельдшеров «Скорой». Работали, учились, совершенствовались знания. Добрый десяток лет жизни отдали «Скорой», любят и знают свое дело. Сейчас строительство больницы завершается. В ней будет пятнадцать специализированных отделений. Челябинские партийные и советские организации делают все, чтобы эта стройка не затянулась. А пока ряд отделений новой больницы работает с повышенной нагрузкой.

Но вернемся к беседе с министром. — Владимир Васильевич, успехи советского здравоохранения очевидны. Это сказывается и на повышении уровня здоровья народа, значительно продлении активной жизни советского человека. И тем не менее более пятидесяти тысяч писем в год доставляют московские почтальоны в дом в Вадковском переулке, где разместились ваше министерство. Что заставляет людей браться за перо?

— Чаще всего к нам обращаются за оказанием специализированной помощи. До недавнего времени, например, многие просили направить их на лечение в Московскую научно-исследовательскую лабораторию экспериментальной и клинической хирургии глаза, возглавляемую известным офтальмологом, профессором Федоровым. Именно здесь впервые в нашей стране было разработано и широко внедрено в практику оперативное лечение заболеваний и травм глаза с использованием искусственного хрусталика и протеза роговицы. По возможности мы удовлетворяли просьбы.

Сейчас специализированные отделения по микрохирургии глаза открыты в Ленинграде, Горьком, Саратове, Омске, Челябинске, Красноярске и других городах республики.

Много писем в адрес министерства приходит от больных, желающих пройти курс лечения в Курганском научно-исследовательском институте клинической ортопедии и травматологии, руководимом лауреатом Ленинской премии профессором Илизаровым. С каждым письмом мы разбирались особо. Помогали в первую очередь тем, кому была необходима помощь специалистов именно этого института. Одновременно, стремясь решить проблему в масштабе республики, мы организовали обучение врачей-травматологов методам лечения, применяемым в Курганском институте. Сейчас почти в шестистах больницах 250 городов РСФСР проводится лечение с применением аппаратов Илизарова. Таких примеров много.

Примечательно, что в развитии специализированных видов медицинской помощи первую скрипку играют республиканские научно-исследовательские институты и медицинские вузы. Одним словом, внимательно изучая почту министерства, мы тем самым постоянно в курсе важнейших проблем, которые беспокоят жителей республики.

— Но есть, видимо, и письма-жалобы?

— Да, жалуются, и нередко. Немало пишут нам о фактах нарушения врачебной этики, о бездушии и формализме в работе того или иного медика.

— Как помогли письма министерству улучшить деятельность медицинских учреждений?

— Изучая и анализируя почту, мы пришли к выводу, что многих пациентов не устраивают часы работы поликлиник. Учитывая это, большая часть поликлиник переведена на другой, более удобный для пациентов режим работы: с половины восьмого утра до двадцати одного часа. Если раньше вызов врача на дом прекращался в полдень, то теперь запись продлена до восемнадцати часов. Много справедливых нареканий было по поводу приема больных в субботу. «Для болезней не существует выходных дней», — писал нам из Красноярского ветерана труда товарищ Королев и пояснял: — Бывает, в свой выходной просидишь к дежурному врачу час-другой, а потом уходишь не солоно хлебавши. Время работы поликлиники подошло к концу, а хвост очереди убавился только наполовину. Теперь принято решение: в большинстве городских поликлиник прием по субботним дням будет вести и часть участковых терапевтов.

По просьбе больных во многих поликлиниках значительно увеличено число специалистов, ведущих амбулаторный прием. Так что наряду с терапевтами, хирургами, невропатологами, рентгенологами появились эндокри-

нологи, ортопеды, урологи, специалисты по рефлексотерапии, лечебной физкультуре и т. д. Большое внимание уделяется теперь бальнеологическим методам лечения в поликлиниках. Значительно расширился арсенал средств и методов, применяемых в физиотерапии. В историях болезни начали появляться записи специалистов лечебного питания...

Восемьдесят процентов всех больных получают медицинскую помощь именно здесь, в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Тем не менее это, пожалуй, одно из самых узких мест в нашей работе.

Встречаются еще, к сожалению, среди участковых врачей «специалисты», привыкшие смотреть больного «на скорую руку». Справедливости ради надо отметить, что зачастую на плечи участкового врача ложится непомерно большая нагрузка. И тем не менее это не дает права человеку в белом халате проявлять небрежность при исполнении своих служебных обязанностей. Большие перемены в жизни участкового врача появились после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения». Идет разукрупнение участков, что позволит врачу, ведущему прием, более вдумчиво подходить к своей работе, не перекладывать ее на плечи специалистов из соседних кабинетов, а действовать в контакте с ними. Сейчас участковые врачи в первую очередь направляются на курсы повышения квалификации и усовершенствования. Им увеличены заработная плата и количество отпускных дней. Надеемся, что все это положительно скажется на их работе.

И в поликлинике и в стационаре ныне значительно больше внимания стало уделяться проблемам медицинской этики. Не зря говорят, что лежат и доброе слово врача, и улыбка медицинской сестры, и чуткое отношение санитарки, и заботливость всего коллектива. Воспитывать в этом духе медицинский персонал — одна из задач главного врача, фигуры чрезвычайно важной в системе советского здравоохранения. Забот у него много. Но среди них едва ли не первостепенная — воспитание медицинского персонала. Чтобы для стража здоровья советских людей неизменной нормой его деятельности стали слова когда-то принятые им присяги: «Бережечь и развешивать благородные традиции отечественной медицины, во всех своих действиях руководствоваться принципами коммунистической морали, всегда помнить о высоком призвании советского врача, об ответственности перед народом и Советским государством».

— Владимир Васильевич, вы напомнили о присяге врача, о медицинской этике... Но вот недавно я побывал в крупном лечебном центре и наблюдал там такую картину. Огромный диагностический кабинет, десятки сложнейших приборов ведут исследования больного человека. За толстой свинцовой перегородкой с крошечным окошком виднеется лицо врача, который монотонно через микрофон подает больному команду, как ему надлежит встать, вздохнуть, куда повернуться. Все это длится довольно долго, а в заключение отрывистое: «Одевайтесь, вы свободны». И сухой щелчок, означающий, что микрофон выключен. Не кажется ли вам, Владимир Васильевич, что современная уникальная медицинская аппаратура порой исключает живое общение врача с пациентом, столь необходимое для человека, попавшего в беду?

— Вы правы. Достижения медицинской науки и техники, современные приборы и аппараты позволяют нам изучать тончайшие механизмы жизнедеятельности организма больного, малейшие патологические отклонения. Однако я убежден: какие бы сложные исследования ни проводил врач, он обязан воспользоваться таким сильнодействующим «лекарством», как эффект чуткости. «Этой силой», — справедливо замечал Пришвин, — поэты одухотворяют природу, а врачи больных поднимают с постели. Мы ведем решительную борьбу с формализмом в работе медицинского персонала. Ведь специализация советского медика с его первых шагов предполагает высокую нравственность как первостепенный профессиональный признак.

Мы гордимся, что врач в нашей стране — одна из самых массовых и уважаемых профессий. И сейчас, когда вся наша страна готовится к XXVI съезду КПСС, могу с уверенностью сказать, что советские медики будут бережно хранить верность благородному делу, которому они служат.

Беседу вел В. ЗАСЕЕВ.

НАКАНУНЕ ПУСКА

См. II обл.

цепочка, которая принесет в цех грануляции готовый порошок полипропилена. А здесь он превратится в гранулы, которые поплывут по трубам в огромные серебристые емкости склада готовой продукции.

Полипропилен — ценный продукт химической промышленности. Он идет на детали кораблей, самолетов, автомобилей, станков, бытовых приборов. Он легкий, негигроскопичен, прекрасный диэлектрик. Из него делают также пленки, трубопроводы, сверхпрочные канаты, товары народного потребления — «вечные» ковры, трикотаж, обувь... С пуском томского завода производство полипропилена в стране возрастет больше чем втрое.

Команда «Пуск!» звучала на томской площадке уже не раз. Впервые это слово было произнесено на насосной станции первого подъема, после чего вода Томи пришла на промышленную площадку.

Но лучше проверим сегодняшнюю готовность объектов пусковой нитки.

Бригадир СМУ-1 Владимир Ширяев: «Котельная ТНХК дает пар, горячую и деминерализованную воду».

Начальник строительного комплекса Кирилл Тыдыков: «Во все цехи первой очереди пришел азот. Сроки монтажа оборудования и пусконаладочных работ сокращены вдвое».

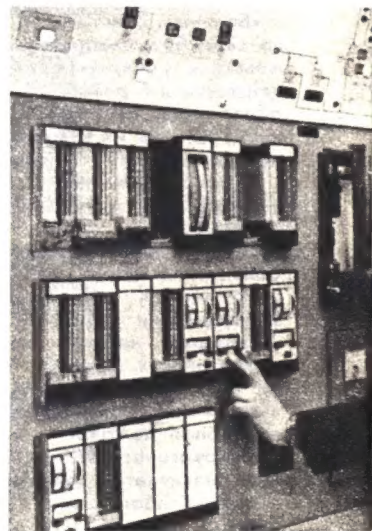
Начальник смены Томского нефтехимкомбината Владимир Юртаев: «Водородная станция уже через два часа после комплексного опробования выдаст продукт высокого качества».

Главный инженер Томского нефтехимического Владимира Набоиха: «Завершается комплексное опробование товарно-сырьевого цеха, который примет продукты и сырье свыше шестидесяти наименований. На выходе цеха полимеризации и сушки, грануляции, производства катализаторов...»

За этими сообщениями — напряженный высокопроизводительный труд создателей Нефтехима. За ними повседневный героизм тысяч рядовых тружеников, инженеров, руководителей, когда ценой огромных усилий приходится наверстывать упущенное. За ними огромная помощь министерств, областной и городской партийных организаций, для которых Томский нефтехимический — главная стройка. Главная потому, что она даст дальнейший импульс развитию производительных сил Западной Сибири, росту производства товаров для народа.

И если на площадке обозначался прорыв, сюда немедленно отправлялось подкрепление. Так было в январе минувшего года, когда об-

Машинист
компрессорных
установок
Сергей Лопухов.

ком КПСС принял решение о концентрации людских и материальных ресурсов на ТНХК, когда комсомол прислал на площадку ударные отряды монтажников. Так было при монтаже трубных сборок, когда на помощь пришла целая армия специалистов аргонной сварки. Так было при монтаже сотен километров линий теплогазопроводов, сооружении котельной...

Здесь Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Каждый считает своим долгом сегодня не уходить с рабочего места, не перевыполнив тематического задания, каждый считает делом чести сегодня трудиться так, чтобы открытие XXVI съезда КПСС ознаменовалось рапортом из Томска: «Есть полипропилен!»

Знаком особого внимания к создателям гиганта нефтехимии на Томи стало избрание делегатом XXVI съезда КПСС начальника управления Томскимстрой Петра Пронягина. Бывший партийный работник, а ныне руководитель крупнейшего строительного подразделения, он все силы, весь опыт и талант организатора отдает любимому делу, буквально живет нефтехимическим комбинатом.

— Строительство мы ведем комплексно, — рассказывает П. Пронягин. — В прошлом году в районе нефтехимкомбината сдали в эксплуатацию мощности птицефабрики на шесть миллионов бройлеров в год, тепличного комбината на восемнадцать гектаров закрытого грунта. Ну, а главная стройка, конечно, Нефтехим. Здесь проходят проверку, накапливают опыт и закаляются кадры. Рождаются истинные герои, чей пример становится образцом для многотысячного коллектива. Это их руками создается могущество, которым с каждым днем прирастает Сибирь. И как прирастает: ежедневно на стройке осваивается полмиллиона рублей капитальных вложений.

Коммунистов нефтехимического будет представлять на XXVI съезде и еще один делегат — почетный шеф стройки, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Николай Рукавишников. Побывав в Томске в конце декабря 1980 года, он заявил: «Верю, что томский полипропилен к съезду будет!» И сколько радости, гордости за свой труд было у монтажников бригады Станислава Демидова, когда бригадир получил от Рукавишникова учрежденный космонавтами приз! Соревнование за обладание призом идет уже более трех лет.

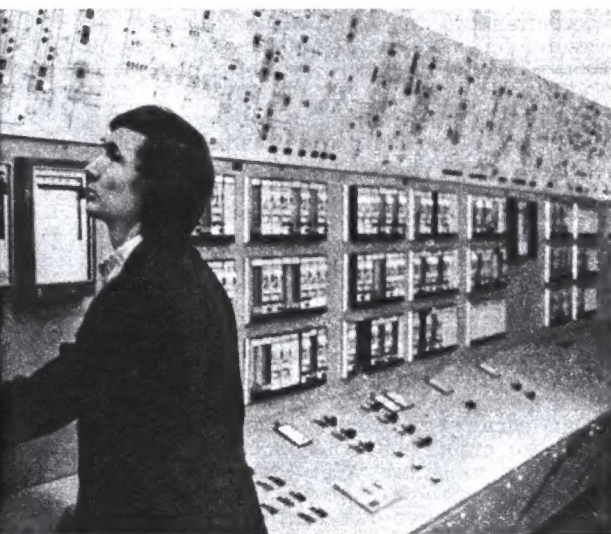
Большую работу ведет штаб строительства, возглавляемый секретарем обкома КПСС Александром Бортниковым. В центре внимания штаба — самые злободневные вопросы.

Томский нефтехимический уверенно шагает к пуску.

А впереди — новые рубежи, новые горизонты. Предстоит полностью завершить дела на производстве полипропилена, сдать в третьем квартале под монтаж производство метанола. Затем пойдут заводы формалина, полиформальдегида, карбамидных смол, этилена и пропилена. Такова программа до 1985 года.

У первой очереди томского гиганта счастливый день рождения — день открытия XXVI съезда КПСС. В добрый путь, Нефтехим!

С. АНДРЕЕВ,
редактор спецвыпуска областной
газеты «Красное знамя» на строительстве
Томского нефтехимического комбината

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ФОРМУЛА И ЖИЗНЬ

Владимир НИКОЛАЕВ

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ?

В ходе избирательной кампании 1980 года многие обозреватели отмечали консервативные взгляды Рональда Рейгана. У них были основания, об этом свидетельствовала полувековая его деятельность — радио и телекомментатора, затем актера и, наконец, политика. Снявшись более чем в пятидесяти фильмах, он все же больше проявил себя не на актерском поприще, где критики считали его «компетентным профессионалом с ограниченными возможностями». В Голливуде он запомнился как президент гильдии киноактеров. В мрачный период маккартизма он в полном соответствии с духом времени боролся против «тайных планов коммунистов» захватить Голливуд. Его заметил большой бизнес и передвинул с актерской сцены на политическую. Новая карьера больше удалась Рейгану. Он был губернатором Калифорнии. Дважды — в 1968 и 1976 годах — пытался стать кандидатом в президенты США от республиканской партии, а в 1980-м, наконец, стал таковым и затем победил на выборах демократа Картера.

Учитывая свой немалый опыт, Рейган вел последнюю кампанию более гибко, чем в предыдущие годы. Начав ее с обычных для него рубричек и лозунгов, он затем, по мере приближения к финишу президентской гонки, постепенно, но весьма целенаправленно смещался с правого политического фланга к центру, чем, кстати, успел вызвать раздражение среди своих крайне правых сторонников. Можно, например, легко проследить эволюцию его взглядов (или лозунгов, менявшихся из тактических предвыборных соображений?) по поводу войны и мира. Чем ближе был день выборов, тем умереннее высказывался обычно воинственный Рейган. На этот факт тогда обращали внимание все средства американской информации, не говоря уже о тех же средствах в других странах. Такая линия поведения полностью отвечала в целом антивоенным настроениям американских избирателей (о чем убедительно говорили результаты опросов общественного мнения).

В сфере других проблем, особенно внутренних (безработица, инфляция), Рейган тоже сумел сыграть на настроениях американцев, крайне недовольных экономической ситуацией в стране и обвинявших во всех бедах Картера и его администрацию.

Немало внимания в своих предвыборных высказываниях Рейган уделил моральному здоровью нации. Оно действительно пришло в упадок. С моей точки зрения, еще неизвестно, что больше угрожает Америке — экономический кризис или моральный. Я имею в виду резкое падение нравов. Ду-

маю, что в этой области ситуация еще хуже, чем в экономике. Для излечения последней Рейган и его администрация предлагают конкретные меры. Время покажет, будут ли они эффективны. А вот в области морали все ограничивается одними благими пожеланиями. Но и они в ходе избирательной кампании не могли не найти отклика среди американцев, страдающих от грязи, которой затопляет всю страну мощная индустрия разврата и порока.

В борьбе за голоса избирателей Рейган использовал и недовольство американцев засильем бюрократического аппарата центральной власти, его возросшим влиянием на общество, огромными расходами на его содержание (и одновременным ростом налогов). Вот одно из характерных высказываний Рейгана: «Столица нашей страны стала центром системы приятельских отношений, действующей к своей собственной выгоде и во все большей степени пренебрегающей интересами трудящегося человека, который поддерживает ее своими налогами». Несмотря на известный налет предвыборной демагогии, такие призывы тоже могли завлечь избирателей.

Все эти и другие факторы способствовали успеху Рейгана на выборах, и ныне его приход в Белый дом рассматривается многими обозревателями как победа так называемого неоконсерватизма. Понимать этот термин, по всей видимости, надо так: старый американский консерватизм типа, скажем, голдуотеровского приказал долго жить; на смену ему пришел вот этот самый неоконсерватизм, то есть политика по сути своей консервативная, но якобы идущая в ногу со временем. Что ж! Присмотримся повнимательнее к некоторым житейским и философским характеристикам этой политики.

Прежде всего: кто стоит за ней? Вспомним, с чего начался в Вашингтоне праздник по поводу избрания Рейгана президентом. С завтрака, который ему устроил калифорнийский миллионер Холмс Татл. Вместе с другими такими же денежными тузами это он шестнадцать лет назад положил начало политической карьере Рейгана. В торжествах по случаю прихода в Белый дом нового хозяина приняли участие, по выражению газеты «Вашингтон пост», «сливки из сливок». Это ликование богатых американская пресса назвала «самыми дорогостоящими празднествами в американской истории»; полагают, что они обошлись примерно в 8—11 миллионов долларов. Вот, например, расценки, которые были приняты во время официальных четырехдневных торжеств: билет на театральные представления — от 100 до 1000 долларов, право на участие в обеде или ужине — 500 долларов с человека.

Актерская выучка во многом помогла Рейгану во время его избирательной кампании, а большой бизнес сделал все остальное, главное. Один из ближайших сподвижников Рейгана, его, можно сказать, наставник, мультимиллионер Альфред Блюмин-

дейл утверждает: «Руководить правительством все равно, что руководить «Дженерал моторс». Соединенные Штаты — это те же «Дженерал моторс», увеличенные вдвое или втрое. Мы окружим Ронни (уменьшительное, интимное, ласкательное от Рональда, имени Рейгана. — В. Н.) опытными людьми, теми самыми, которых мы нанимаем для нашего собственного бизнеса». Все верно. Стоит взглянуть на состав правительства Рейгана, чтобы убедиться в том, что оно состоит в основном из банкиров и бизнесменов. Сам Рейган никогда не делал секрета из своих тесных связей с большим бизнесом, в ходе последней избирательной кампании он обещал ему предоставить еще больше прав и преимуществ.

Итак, казалось бы, вот она, одна из самых отличительных черт так называемого неоконсерватизма — теснейшая связь политики с бизнесом. Но ведь так было в США всегда! «Различные исследования показывают, — пишет газета «Нью-Йорк таймс», — что от трети до половины высших федеральных постов занимают представители корпоративного мира, вне зависимости от того, кому принадлежит кресло в Белом доме». И еще за полвека до прихода Рейгана в Белый дом американский президент Г. Гувер говорил: «Едиственная функция правительства состоит в создании условий, благоприятных для развития частного предпринимательства».

Что еще лежит в основе неоконсерватизма? Один из его главных идеологов, профессор нью-йоркского университета Ирвинг Кристол, утверждает, что «неоконсерватизм начинается с отрицания социализма». Но, простите, какое уж это «нео»?! Старо, как мир. Одним из идеологических бастионов нынешнего консерватизма является Гуверовский институт войны, революции и мира, который был создан еще в 1919 году для «разоблачения вредности доктрин Карла Маркса». Примечательно, что этот институт, как и другие родственные ему «научные центры», существует на деньги большого бизнеса, который отнюдь не вчера обратился к помощи такого рода учреждений.

Другой характерный признак деятельности сегодняшних консерваторов — их обращение к церкви. Но и это не новинка для политики такого сорта. Правда, сегодня в США танDEM церкви и политики особенно бросается в глаза. Влияние религиозных проповедников с политическим уклоном особенно велико на телевидении. Это не случайно, поскольку телевизор давно стал самым главным учителем американца. 36 телеканалов и 1300 радиостанций регулярно передают проповеди для десятков миллионов американцев. Известно о тесных связях религиозных «звезд» телевидения с лидерами неоконсерватизма.

И еще одно соображение по поводу неоконсерватизма. В ходе избирательной кампании 1980 года иные обозреватели пытались взглянуть на распри между республиканской и демократической партиями как на конфронтацию консерватизма с либерализмом. Известный историк А. Шлезингер, по-моему, не без оснований заявляет: «Трудно понять, как либерализм мог стать предметом спора в 1980 году, если его не было в помине в Вашингтоне... Картер же использовал либеральную фразеологию лишь как средство демагогии».

В итоге выходит, что так называемый неоконсерватизм — штука давно всем знакомая. Его можно было бы назвать «новым старым консерватизмом». Это, собственно, и делает известный обозреватель Джеймс Уигхарт, когда говорит, что неоконсерваторы «предлагают американцам, по сути, замену либерализма «нового курса» тем, что во многих отношениях представляет собой новую версию консерватизма «старого курса», который доминировал в американской политике в первой части этого столетия, пока не был сметен Франклином Рузвельтом». Верное, на мой взгляд, наблюдение, но вот «сметен» — слишком сильно сказано. Вспомним, что на смену Рузвельту пришел Трумэн...

БУДЕМ РЕАЛИСТАМИ

Есть, конечно, нюансы и в консерватизме тех или других правящих американских администраций. «После четырех лет серятин высший класс вновь возвращается в Вашингтон», — не без самодовольства отметил Чарльз Вик, один из сподвижников Рейгана. Да, Картер из его глухой провинции внешне проигрывает по сравнению с калифорнийской элитой. Картер порой бродил по Белому дому в джинсах и свитере и бегал в толпе трусдой, а Рейган давно врос в смокинг и до сих пор (несмотря на свои 70 лет) увлекается верховой ездой. Но не эти мелочи жизни определяют суть американской политики, всегда консервативной в своей основе. Из такого ее характера проистекают вещи посерьезнее.

Не будем забираться в далекую историю, вспомним ее новейший период. К сожалению, сегодня на память приходит печально известная в свое время пресловутая «доктрина Трумэна». Американский историк Д. Ерджин пишет: «Доктрина Трумэна обязала Соединенные Штаты к глобальной борьбе против Советского Союза. Американские руководители отныне усматривали русские интриги в любом местном кризисе». Этот свой курс Трумэн выдвинул в 1947 году, провозгласив тем самым «холодную войну». Мир страдал от нее долгие годы. Наконец разум стал одерживать верх, наступили годы разрядки. Помните, их начало было связано с именем американского президента Никсона? Ни для кого не были секретом его политические взгляды, его прошлое. Но разрядка явилась велением времени, и американская администрация не могла больше ей противиться. Мы знали, с кем имеем дело, но шли на переговоры, развитие сотрудничества, потому что в наш ядерный век другой альтернативы нет. Мы были реалистами. И остались ими.

При Картере снова повеяли ветры «холодной войны». В начале 1980 года в своем послании «О положении страны» он как бы повторил трумэнскую доктрину. Вскоре вслед за этим его политическая карьера печально закончилась.

Известно, что приход Рейгана к власти не был отмечен у нас в стране какими-либо враждебными заявлениями в его адрес и в адрес его новой администрации. И вдруг во время своей первой пресс-конференции Рейган уже в качестве президента США допустил, мягко говоря, несколько передержек, направленных против нас. Он сказал, в частности, что «разрядка до сих пор была уличей с односторонним движением, которой Советский Союз пользовался для достижения собственных целей», и что разрядка выгоднее Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам. Далее он обвинил нашу страну в стремлении к «созданию всемирного социалистического или коммунистического государства». Тут уже получился просто конфуз. В связи с этим заявлением журналисты настойчиво атаковали на пресс-конференции представителя Белого дома, требуя от него сообщить, располагал ли президент какими-либо фактами, когда говорил о «стремлении Советского Союза к мировому господству». В ответ они услышали: «Я не могу ответить на этот вопрос». Вот тебе и на!.. Вслед за этим последовало другое обвинение в наш адрес, на сей раз в причастности к «международному терроризму». В заявлении ТАСС по этому поводу ясно объяснено, насколько авторы этого клеветнического утверждения запороговались: если следовать их логике, то к террористам они должны были бы отнести и Джорджа Вашингтона и других «отцов-основателей» США, руководивших борьбой американских колоний за независимость.

Ну, зачем же так?! Мы всегда были против полемики по обывательскому образцу: «Дурак!» «Сам дурак!» Мы не за ругань и взаимные оскорбления, а за переговоры по вопросам, представляющим взаимный интерес. И это не только мы так думаем. Процитированные выше слова из выступления Рейгана на пресс-конференции и другие нелепые обвинения в адрес Советского Со-

юза неприятно поразили не только нас. Они вызвали недоумение и отрицательную реакцию среди многих западных политиков и обозревателей. Народы ждут от Советского Союза и Соединенных Штатов не конфронтации, а конструктивного диалога.

И здесь, по-моему, уместно привести одну цитату из «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Вот она:

«Мировоззрение Рейгана, родившегося в начале XX века, сформировалось много лет назад, и события последних десятилетий мало повлияли на его основные взгляды. Он говорит как человек глубоко убежденный, проникнутый безграничной верой в свою родину и ее историческую миссию в мире. Рейган заявляет, что коммунизм — его заклятый враг. В риторическом плане он рисует мир в черно-белых красках. Это мир союзников и противников, патриотов и злодеев, лояльных друзей и не заслуживающих доверия врагов. Это мир, где сложное соотношение сил, оттенки и нюансы часто теряются и забываются и где активный национализм многих других народов едва распознается или плохо доходит до сознания».

Есть у американцев определенные слова и выражения, имеющие, я бы сказал, почти магическое значение. «Формула» — одно из них. В англо-русских словарях оно недаром переводится в двух значениях: формула, рецепт. На многие случаи жизни американец разрабатывает себе «формулу», чтобы потом жить по ней, не задумываясь (например, формулу страхования). Часто такие рецепты сочиняют для него те, кому это выгодно. Сочиняют и вдалбливают в голову с помощью пропагандистской машины. Так, врагами разрядки и советско-американского сотрудничества был придуман и запущен в обиход лозунг: «Красный — значит, опасный». И провокационный шум о «советской угрозе» стал одной из главных тем буржуазной пропаганды. При этом, с одной стороны, легче выколачивать деньги на вооружения, с другой — можно внить Советский Союз во всех бедах, снимая с себя всякую ответственность.

«За всеми беспорядками, которые происходят в мире, скрывается Советский Союз», — заявил Рейган в интервью корреспонденту «Уолл-стрит джорнэл». По этому поводу «Нью-Йорк таймс мэгэзин» писал: «Даже если сделать скидку на гиперболы, характерные для предвыборной кампании, резкие антисоветские высказывания Рейгана все время звучали тревожно». Это когда он был кандидатом в президенты. Из Белого дома такие заявления будут звучать еще тревожнее. Они не могут не настораживать.

В канун недавних выборов Рейган, отвечая настроениям широких американских масс, говорил и такое: «Дело мира не знает никаких партий. Дело мира выше всех честолюбивых личных устремлений. Дело мира требует, чтобы мы апеллировали к тому, что нас объединяет, а не разъединяет». И еще тогда же он заявлял, что будет «вести с Советским Союзом переговоры столько времени, сколько потребуются для достижения сбалансированного и справедливого соглашения об ограничении вооружений, рассчитанного на улучшение шансов на мир». Да, так он говорил. «Ему поверили», — писал после выборов журнал «Тайм».

Пытаясь всесторонне охарактеризовать Рейгана, «Нью-Йорк таймс мэгэзин» пишет, что он, «будучи губернатором Калифорнии, умерял свою риторику реализмом». Хотелось бы верить, что ему это качество присуще...

Нет, формула о «красной опасности» никак не согласуется с правдой жизни, с логикой исторического развития. Если американским лидерам что-либо не по душе в тех или других районах земного шара, мы в этом, право, не виноваты. Происходящие там перемены не подвластны ни им, ни нам. Они носят объективный характер. Точно так же стала объективной силой воля народов к миру, их стремление к разрядке. Вот это уже не формула, а реальность. С ней нельзя не считаться!

Под заботливым крылышком.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Пекинские марионетки на экспорт.

По стойке «смирно».

ПЛЕЧО СМЕЖНИКА

С приподнятым настроением уходили мои товарищи по работе с памятного собрания, на котором обсуждался Проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Ведь на этом собрании мы не только заглядывали в будущее, но и подводили итоги прошлого, которые вызывают у нас, рабочих, законную гордость.

Продукция нашего завода хорошо известна. Только в десятой пятилетке гидрогенераторы с сибирской маркой были отправлены в адрес Ингурской, Нижне-Камской, Чебоксарской и других гидро- и теплоэлектростанций нашей страны, а также за рубеж: на Кубу, во Вьетнам, Венгрию... Сегодня 44 изделия завода имеют Знак качества, а совокупная мощность всех выпущенных генераторов

составляет сейчас, образно говоря, более тридцати планов ГОЭЛРО. По праву наш коллектив гордится и тем, что оборудование, изготовленное на заводе, установлено и на Рефтинской ГРЭС на Урале.

Достигнутые результаты, сама жизнь ставят сегодня перед нами новые задачи, зовут к новым высотам. Вот поэтому особенно внимательно наши рабочие читали четвертый раздел в «Основных направлениях», в котором говорится: «В энергетическом машиностроении обеспечить значительное наращивание производства оборудования для атомных, гидро- и теплоэлектростанций». Эти слова относятся непосредственно к нам, к нашему заводу. Становятся особенно зримыми огромные перспективы дальнейшей работы. В очередных пятилетках Сибирский завод

тяжелого электромашиностроения будет ежегодно выпускать до двенадцати уникальных гидрогенераторов, десятки турбогенераторов, до трех тысяч крупных электрических машин.

Даже простое перечисление дает возможность увидеть размах предстоящего дела. Оно нашему коллективу по плечу. Ведь успех в конечном счете зависит от людей, а люди у нас трудятся замечательные. Токарь механосборочного цеха, Герой Социалистического Труда В. П. Глушатов, лауреат Государственной премии токарь-карусельщик А. А. Дубчак, мои товарищи по цеху Н. Н. Терентьев и В. Ф. Ушаков — можно назвать еще многих, кто идет в первых рядах гвардейцев пятилетки. Я знаю, все они пристрастно и по-деловому обсуждали проект ЦК КПСС к предстоящему съезду партии, вносили свои

предложения. Мы хорошо понимаем, что намеченные рубежи потребуют от нашего коллектива новых усилий. Поэтому-то во время обсуждения и были определены такие главные направления: резко увеличить количество изделий, выпускаемых со Знаком качества, а также усилить работу по развитию бригадных форм труда. То есть повысить коллективную ответственность за конечный результат работы. Все это непосредственно скажется на росте производства.

Есть у нас и свои проблемы. Одна из них: очень часто подводят смежники. Нечеткие поставки, срывы договоров мешают, выбивают из колеи. Надо ли разъяснять, как это пагубно влияет на весь производственный цикл? И мне хочется, чтобы четвертый раздел «Основных направлений» был дополнен такими словами: «Повысить ответственность предприятий-смежников за четкое выполнение договорных условий». Думаю, что это положение будет дисциплинировать руководителей и рабочих, тогда станет меньше простоев, а значит, и повысится эффективность нашего труда, быстрее войдут в строй важнейшие объекты будущих пятилеток.

П. ЦЕЛИКОВ,
токарь ордена Трудового
Красного Знамени
Сибирского завода тяжелого
электромашиностроения,
член цехового партбюро

Новосибирск.

КРЫЛАТОЕ И М Я

Генеральному авиаконструктору Олегу Константиновичу Антонову исполнилось 75 лет. Он — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, академик АН УССР, депутат Верховного Совета СССР... Мы взглянем лишь на некоторые вехи его жизни.

Еще совсем ребенком услышал он взволнованный рассказ о фантастическом перелете через Ла-Манш французского летчика Луи Блерио (трудно поверить, что он современник тех невероятно далеких младенческих дней воздухоплавания!) и решил научиться летать. Едва овладев грамотой, он перерывал книжные развалы, выискивая любые технические сведения о строительстве летательных аппаратов. Когда ему было шестнадцать, пришлось первое «признание». Журнал «Смена» опубликовал рисунок его планера, отметив хорошую проработку и зрелость конструкции. А уже второй планер, «Голубь», сконструированный и построенный под его руководством в кружке саратовских школьников, поднялся в небо. Эта работа Олега Антонова была отмечена специальной грамотой. Так в семна-

дцать лет он достиг того, на что иному, даже весьма талантливому человеку потребовалось бы полжизни, а то и вся жизнь.

В двадцать пять лет он — руководитель конструкторского бюро, его планеры выпускаются серийно, на них учатся летать многие, впоследствии прославленные летчики, устанавливаются десятки мировых рекордов... В годы войны О. К. Антонов — первый заместитель А. С. Яковлева и принимает самое активное участие в разработке и выпуске грозных истребителей Як-3.

Детище молодого конструкторского бюро под руководством Антонова — АН-2, созданный тридцать три года назад, побил все существующие рекорды долгожительства самолетов, эксплуатировался в тридцати странах, летает и сейчас на тысячах местных авиалиний... В этом же ОКБ создавался первый в стране транспортный газотурбинный самолет АН-8, первый отечественный турбовинтовой самолет большой вместимости для перевозки пассажиров — АН-10, который на Всемирной выставке в Брюсселе был награжден Большой золотой медалью... В два — два с половиной раза пре-

взошел по эффективности применения подобные машины зарубежных фирм транспортный самолет АН-12. За его создание ведущим специалистом во главе с О. К. Антоновым присуждена Ленинская премия... А вспомним знаменитый «Антей», прозванный «летающим собором», который на несколько лет опередил мировое самолетостроение... А известный всем АН-24, который в отдельные годы перевозил более трети всех пассажиров Аэрофлота...

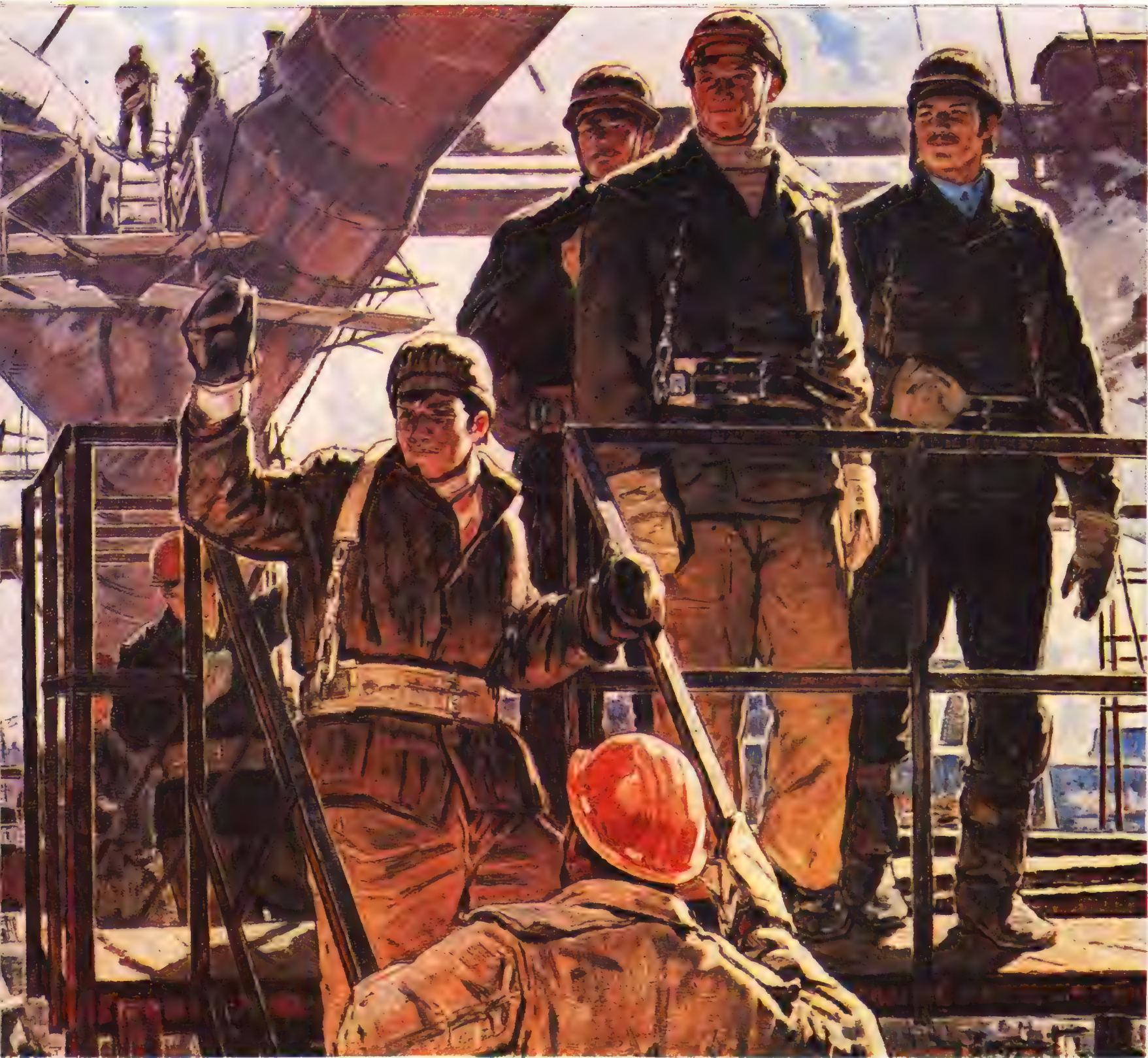
Планеры и самолеты — основное, главное увлечение Олега Константиновича, но далеко не единственное: вырастил сад, увлекается спортом — отлично играет в теннис; глубоко и тонко разбирается в живописи и сам пишет маслом. Он может по памяти воспроизвести конструкции летательных аппаратов Леонардо да Винчи и прочесть лекцию о его художественном творчестве; увлекается кибернетикой, музыкой, литературой. Второе издание книжки своих новелл он назвал «Десять раз сначала». Добротный, точный язык его прозы сохранился и в другой книге — «Для всех и для себя», хотя в ней подняты сложнейшие вопросы совершенствования показателей планирования производства... Олег Константинович уверенно водит не только автомобиль — он летал на всех своих планерах и самолетах и не только в качестве пассажира. Что же еще? Конструирует мебель и сам отлично одурует рубанком, любит дома поработать за верстаком.

Он энергичен, общителен. Газета итальянских коммунистов «Унита» своим читателям так представляла его: «Конструктор самолетов эlegantный, с хорошими манерами настоящего артиста, обладает рафинированным умом, склонным анализировать, разговаривает на английском и французском языках». Ему присущи парадоксальность суждений, мягкий юмор и постоянная внутренняя готовность действовать, заряжать своей энергией окружающих.

С. КАЛИНИЧЕВ,
фото Н. Козловского,
сборки «Огонька»

Э. Козлов. Род. 1926. ПРИЗЫВ. 1980.

Е. Жерdziцкий. Род. 1928. ВАХТЕННЫЕ ПЯТИЛЕТКИ. 1975.

ЗЕМЛЕ, НА КОТОРОЙ ЖИВУ

СУДЬБА

Судьба моя, не пойму я,
Отчего у нас постоянно
Разногласия возникают?

Когда я тебя просил,
Чтобы ты на меня не взваливала
Чрезмерные огорчения и заботы,
Ты так ухитрилась меня навьючить,
Что, неся эту тяжкую кладь,
Я не раз ощущал, как земля
Прогибалась под моими ногами.

И сегодня —
Уж черт с тобою! —
Если так мне и впрямь суждено,
Давай наваливай на мои
терпеливые плечи
Все, что давно припасла,
Все остатки злосчастия,
Лиховетья и кривды,
Только бы мне не оставить
Запасы твои в наследство
Моим друзьям и согражданам,
Земле, на которой живу.

Прошу, хоть на этот раз
Не подведи носильщика.

ФРАНТИШЕК БОГУШЕВИЧ

Никогда я прежде
Его не видел,
Не сживал с ним
За одним столом,
Не беседовал с ним о жизни,
Не перевязывал его раны
У повстанческого костра,
Не присутствовал
При его конспиративных
свиданиях
С Калиновским,
С кушлянскими мужиками.

Я только слышал звучанье
Его «Белорусской свирели».
И все же
Свои мемуары
Я считаю такими же
достоверными,
Как свидетельства его
современников.

Судя по тому,
Как далеко он заглядывал,
Франтишек был на голову выше,
Чем любой из его наставников.
Судя по тому,
Как он защищал правду,
Он был справедливее,
Чем все святые
В Жупранском костеле.
Судя по тому,
Что он сумел отвалить
Глыбу могильного камня,
Под которым почти задохнулась
Белорусская наша мова,
Нетрудно себе представить,
Каким силачом он был.

Я думаю, что творец
Никогда не простит меня,
грешного.

Я подвел отцовский топор
И не стал дровосеком.
Я подвел и родительский плуг —
Не стал пахарем.
Я подвел и сельский ветряк —
Не сделался мельником.
Тем более вседержитель
Не простит мой заглавный грех —
Ведь я своими стихами
Начисто перессорил
Воду с огнем.
Правду с неправдой.
Жизнь со смертью.

Оттого я и не спешу
Явиться к нему на суд,
Хотя, признаться, повестку
Вручали мне многократно.

В счастливую пору
Даже близкие
Быстрее забывают
Ушедших.
И ежели ты
Никому не желаешь горя,
Радуйся, что и тебя
Родичи и приятели
Довольно скоро забудут.

МУЗА

Отчего-то
Ее царственное имя,
Почитавшееся в эпоху
романтизма,
Сегодня мы произносим реже,
А если и произносим,
То с изрядной долей иронии.
Критики вовсе обходят его,
Лингвисты относят к числу
устаревших понятий,
Политики — к мифологии.

С музой
Не распишешься во дворце
бракосочетания,
Ее не пропишут
В домоуправлении.
Поэтому с годами
Она все реже меня навещает.

А я без нее,
Признаться,
Не ведаю, чем завершить
И эти сумбурные строки,
Задуманные, как мадригал.

ОЖИДАЯ ТЕБЯ...

Как жаль, что мне не случилось
Опять оказаться в Дельфах,
А то бы я поподробнее
Все расспросил у пифии,
Которая предрекла,
Что я тебя снова встречу,

И только не уточнила —
На каком берегу Стикса?

Если в хлебе насущном
Больше силы, чем самого
хлеба,

А в игристом вине
Больше хмеля, чем самого вина,
Если в пламени
Больше тепла, чем огня,
А в дружеском нашем застолье
Больше друзей, чем застолья,
Пора начинать
Песню.

Если же в хлебе
Больше хлеба, чем силы,
А в искристом вине
Больше вина, чем хмеля,
А в костре разгоревшемся
Больше огня, чем тепла,
А в застолье
Больше застолья, чем дружбы,
Пора заканчивать
Песню.

Чащи,
Мартом еще заснежены,
В тишине
Предаются сну.
Но уже воробьи
На орешине
Зачирикали,
Славя весну.

И орешина,
Им поверивши,
Хоть стоит
На семи ветрах,
Пробуждается
В снежной неруши,
Отряхая
Соцветий прах.

ХИСАР

У моих друзей болгарских
Я припал к земному благу,
Из источников хисарских
Пил целительную влагу.

Помогла одна криница
Позабыть недуг постылый,
А другая — излечиться
От моей тоски по милой.

Ну, а третью источали
Все болгары и болгарки,
Их сердец живые чары,
Братски сдвинутые чарки.

Стал мне щедрою наградой,
Братски скрасил мою осень
Край долин и водопадов,
Звонких песен, тонких сосен.

Когда-то
Своими бесконечными
расспросами
Я доучал старшим.

А теперь и сам отвечаю
На бесчисленные «почему?» —
Поскольку меня донимают
Любимые внуки.
Одного боюсь —
Как бы они не смекнули,
Что я позабыл гораздо больше,
Чем знают они...

ПОД ОСЕННИМ ДОЖДЕМ

Как быстро дни и ночи
Куда-то улетают.
А ты все медлишь, медлишь,
Не едешь и не едешь...

Вот и кукушки в чаще
Уже откуковали,
Закончилась уборка,
Уплыли журавли.

Осталась на заборе
Лишь черная ворона.
Ее мы без причины
Поругиваем часто.

Хотя она, признаться,
Вернее многих птиц.
Она бессменно с нами
Зимой, весной, летом.

Лишь в этот день промозглый
Я оценил и голос
И душу этой птицы,
Что под дождем осенним
Мне нынче помогает
В нелегком ожиданье
Тебя...

Кто-то забыл ее
Или умышленно оставил
Здесь, на кладбище,
Книгу жалоб.

Всегда, навещая
Ушедших друзей,
Удивляюсь:
В любом учреждении,
В магазине,
В артели
Книгу давно бы заполнили.
А здесь, невзирая
На дождь и снег,
На запоздалые поминальные
дифирамбы,

На холод забвенья,
На тесноту и сырость,
Страницы чисты —
Ни единой жалобы...

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Через несколько дней в середине ночи он проснулся в своей мастерской от душного беспокойства, со стоном приподнялся на постели, упираясь затылком в стену, стараясь глубоким дыханием успокоить перебой сердца.

«Нет, этого я никогда не испытывал раньше,— думал Васильев.— Я просыпаюсь каждую ночь и места себе не нахожу. Но почему у меня не проходит это?.. Я был другим еще пять лет назад. Удобно жил и обманывался успе-

дождевом дне, наступило некоторое облегчение, когда все прощальные процедуры были закончены и первым уехал присутствовавший при погребении молчаливый представитель итальянского посольства, а четыре парня-могильщика в расстегнутых куртках, вспотевшие, быстро завершили работу, подбросив лопатами откатившиеся комья к продолговатому земляному холмику, выросшему на окраине ржавых оград подмосковного кладбища. Они начали устанавливать венки, сухо, жестко шуршащие искусственными цветами, и Васильев отвернулся, чтобы не видеть их пошлого грима. А вокруг голые березы, уже набухающие соками, стояли в сиреновом тумане, и черные грачи с толстыми клювами хозяйственно ходили, переваливаясь, по мокрой прошлогодней пашне, и везде был рассеянный свет ранней весны—теплое солнце угадывалось за тучами, хотя собирался дождь, и пахло недавно растаявшим снегом, сырым воздухом. Только левее кладбища расчищалось—и в ослепительном мартовском небе над крышами недалекой деревни летели белые облака, грузно наполненные, надутые, как паруса, влажным ветром. «Надо это запомнить,— машинально мелькнуло у Васильева, и он тут же с неприязнью о себе подумал, что навсегда отравлен привычной работой памяти, которую ежедневно тренировал всю жизнь до предела, изощряя ее.— Нет, это неисправимое безумие—я смотрю на каждого, и мне кажется,

косившимися оградами заброшенного кладбища на окраине Москвы, этого сельского погоста, где разрешили похоронить Илью. Щеглов с задумчивой скорбностью снял очки, беспричинно потеряв их о меховой борт печально молодящей его дубленки, пожевал губами, и вдруг здесь, на чистом полевоом воздухе, открылась старческая прозрачность, сухость его лица, жилистые складки шеи, немощные морщины близкого к небытию человека, которому давно за семьдесят, и голос его послышался неузнаваемо ослабленным, неживым, не сумев набрать обычную полновзвучную едкость, призывающую жить смеясь.

— Все грустно, грустно, и грустные для всех нас звоночки из вечности... Напоминание о том, что всем срок отпущенный дан. И там, в небесном списке, роковой крестик в один прекрасный день будет поставлен. Милостивый, пронеси, оставь меня здесь, глупого, грешного, влачить дни свои,— сказал он спустя минуту молитвенным и одновременно скептическим тоном опять взятой игры, очевидно, закрываясь и страшась выказать то панически ужасающее перед неизбежным, что против его воли неожиданно обнаружилось в его лице.— Извините великодушно, друзья, но грандиозную штуку в прискорбный час вспомнил,— продолжал он, нарочито слова растягивая, будто неунывающее смакуя их, и надел очки, выразительно собрав морщины на лбу под надвинутым, тоже молодящим его бе-

ВЫБОР

хами, любовью Маши и нескончаемой любимой работой в мастерской. Как это было мучительно и радостно—искать красоту в лицах, в руках людей, в холодном серебре летней росы на придорожных лопухах, в осеннем воздухе, в снеге тихой синей ночи!.. И что же? Нашел? Так ответь себе, что такое красота—правда? Обнаженная суть природы? Любовь? Страдание? А можем ли мы истинно знать, что для нас значит красота? Так в чем же? В чем? И опять жалость ко всем и эта мука беспокойства, как будто мы потеряли что-то и не сознаем, зачем мы все нужны друг другу. А без этого ничего не имеет никакого смысла. Нет, не в этом суть. Каждый из нас хочет жить придуманной жизнью, и мы потеряли естественность. Мы все виноваты друг перед другом. Асфальтом задушили землю... Неужели это выбор двадцатого века? О, если бы мы смогли понять суть самих себя! Нет, я должен перестать думать сейчас об этом, я должен заснуть—и в этом спасение. Ни одной мысли, и все будет легко... Это тоже выбор—не думать. Где-то здесь, на ночной тумбочке, был димедрол, я положил вечером, и вода в стакане, принять еще одну таблетку и погрузиться в сон, в сон...»

Он почти облегченно нащупал на тумбочке таблетку димедрола и так же, с ожиданием успокоения запивая ее водой, трудно сделал глоток, затем лег на спину, чувствуя холодное онемелое пощипывание на языке, где была таблетка.

«Сейчас, сейчас будет легче...»

Спасительный сон не приходил, только властная сила потянула его назад, в недавний сырой, преддождевой день, и там, в этом пред-

что угадываю его мысли и запоминаю выражение глаз...»

Раиса Михайловна, два дня больная сердечной слабостью, сердито отвергла всякую помощь Марии, неизвестно чем жестоко обижаясь, не захотела поехать на кладбище со всеми, попросила «оказать услугу» Викторю, приехала в ее сопровождении на такси, но из машины не смогла вылезти, к ней подходили с соболезнованием поочередно. Видимо, ей не хватало сил, и в момент погребения, когда уже сбрасывали лопатами землю на крышку опущенного в коричневую щель гроба, она, не отпуская растерянную Викторю, сидела за закрытым стеклом на заднем сиденье. Там виднелось маленькое, безучастное, застывшее в гордой обиде гипсовое лицо, и клоунски нелепая черная шляпка моды тридцатых годов траурно выделялась на ее седых волосах. Она уехала, не сказав ни слова, и Викторя, повернувшись к заднему стеклу, делала всем какие-то непонятные, прощальные знаки. И брови ее изламывались, как от безмолвного плача и отчаяния. И тогда Васильев вспомнил слова, сказанные ею вчера в мастерской: «Па, прости меня за глупость, прости...»

Потом молча двинулись к машинам, оставленным на проселке за кладбищем. Лопатин открыл багажник своей потрепанной «Волги», достал полиэтиленовую канистру с дистиллированной водой, и они принялись мыть руки, измазанные липкой глиной, той горстью земли, которую каждый бросил в могилу.

— Свой срок, свой срок... Все там будем,— вздохнул Щеглов, промокая носовым платком пальцы, расстроженный, ошеломленный еще не остывшими подробностями смерти Ильи, гнетущей обстановкой морга, откуда брали тело покойного, замшелыми старыми крестами, по-

ретом.— Месяца три назад хоронили старого режиссера Серебровского на Новодевичьем. Все чинно, мирно, красивые эпитеты: «выдающийся», «незабвенный», «старейший». И прочая... А когда в конце все к воротам, думая о поминках, направились, ко мне подходит молодежь из его театра, здоровенные, знаете ли, бугаи и кобылицы, и так это озабоченно спрашивают: «Ну, а ваше здоровье как?» Грандиозно и прелестно! Мм?..

— Это вы уже рассказывали. Нам что—следует улыбаться?— угрюмо проворчал Лопатин и перестал вытирать руки, покосился на Марию, задержавшуюся у могилы и торопливо раздававшую из сумки деньги четверем парням с лопатами.— Мама, лишнее! Хватит! Не развращай ребят, слышишь! С ними расплатились сполна и больше!— зарокотал он, укоризненно окая, и Васильеву особенно очевидно стало, что без энергии и помощи Лопатина невозможно было бы пройти через целый лабиринт разрешений и формальностей, согласований, бумаг и бумажек для того, чтобы похоронить на родной земле человека с иностранным паспортом.

— Странно, как странно...— шептала Мария, медленно подходя с опущенными глазами, и ее ресницы были тяжелые от слез.

Щеглов взял ее под локоть, слабо поцеловал в черную замшу перчатки около запястья и подвел к машине.

— Все странно, Машенька, на этом свете, все странно,— выговорил Эдуард Аркадьевич, потупясь, сокрушенно соучаствуя в скорбной растерянности Марии.— И странно то, родная, что после смерти человека его жизнь кажется простой штукой, как овечье «ме».

— А мне никогда этого не казалось,— возразил с хмурым преодолением в голосе Васильев.— Вы чушь, простите, сказали. Не по-

нимаю вашего нелепого остроумия и вашего неуместного веселья.

— О, вы стали ужасными! Вы оба беспощадны ко мне! И вы, Александр Георгиевич, и вы, Владимир Алексеевич! Вы стали невыносимыми! — тонко взвизгнул Эдуард Аркадьевич и заморгал, задыхался носом, всхлипнул совсем по-детски обиженно (а этого с ним прежде никогда не случалось, вроде все пружинки в нем разом сломались) и, сгорбленный, тряс головой, отчего оскорбленными кивками мотался на его голове широкий берет, на ощупь схватился за ручку дверцы лопатинской машины, с тщетной попыткой силясь открыть ее и повторяя слезными, упрекающими вскриками: — Скорее, скорее, прочь отсюда! Я прошу увезти меня домой... Боже, мое веселье! Веселье человека, которому невесело жить! Вы оба меня не любите!.. Вы меня ненавидите!.. И это чудовищно, несправедливо! Я прошу вас уважать хотя бы мою старость!

Но главное, оставшееся в памяти Васильева, был не этот нервный срыв Эдуарда Аркадьевича, а то, что потом вспоминал все эти дни в мельчайших до боли подробностях.

Едва лишь успокоили Эдуарда Аркадьевича, сели в машины и тронулись, пришлось тотчас съехать с проселка на обочину, освобождая дорогу пешей похоронной процессии, которая направлялась к кладбищу со стороны деревни.

Их шло по дороге человек десять, и мерно покачивалось впереди что-то узкое красное, сначала напоминавшее полусвернутое знамя, но затем ясно стало, что это несли красную крышку гроба, непривычно маленького, младенческого. И следом за крышкой тихой раскачкой шагал невысокий парень без пальто, в новом, стального цвета костюме, очень белая свернутая простыня была перекинута у него через плечо, а на этой повязке он нес детский гробик, придерживая его в изножье и изголовье, неотрывно глядя вниз, на то, что вплотную видел перед собой там, среди ангельски снежного, то и дело заворачиваемого ветром покрывала. Сильный преддождевой ветер забрасывал светлые волосы парня ему на лицо, загораживал соломенной завесой, — и по тому, как шел он убитой, заведенной походкой потрясенного человека, Васильев ощутил все...

Дальше в молчании двигались толпой молодые люди с набитыми авоськами, с продуктовыми сумками, неизвестно для чего взятые сюда, на кладбище, и в центре толпы, утирая распушенным платком щеки, безголосо и дурно рыдала, задирая голову, покачиваясь, распушшая, с багровым лбом некрасивая молодая женщина, которую неловко вел под локоть пожилой мужчина в ватнике. Кто она была? Мать младенца? Родственница? Сестра парня?

Они завернули налево к краю кладбища, откуда отъехали и задержались на обочине машины, пропуская похоронную процессию. И Васильев вдруг испытал такую родственную, такую горькую близость с этим потрясенным светловолосым парнем, с этой некрасивой, дурно плачущей молодой женщиной, со всеми этими обремененными авоськами людьми на дороге, как если бы он и они знали друг друга тысячи лет, а после в гордыне, вражде, зависти предали, безжалостно забыли одноплеменное единокровие, родную простоту человечности...

— Господи, — сказала Мария и, зажмурясь, прислонилась переносицей к скрещенным на руле рукам, — какие мы все несчастные...

Он молчал, хмурясь. Потом она сказала, всматриваясь в его лицо:

— Господи, как я тебя люблю. Случись что... и я тоже умру.

И глаза ее лучились влажным теплом ему в глаза, вливались, струились выражением вины, тихого позоздалого покаяния, а он через силу стал целовать ее длинные брови, ее моргающие, соленные от слез ресницы, которые во время похорон он видел разительно черными, опущенными, набухшими, и охрипшим голосом говорил ей не то, что должен был сказать:

— Я не знаю, почему все так случилось, Маша.

Но было иначе: тогда он ничего не ответил ей, не нашел воли поцеловать подставленные губы, видя, как моляще, виновато и бесправно

светились ее глаза, и плохо слышал голос Марии, а где-то рядом нарастало завывание мотора, прозвучал грубый сигнал объезжавшей их лопатинской машины, которая сразу начала набирать скорость на бугре по проселку, между полей, качая на заднем сиденье съезженную, за стеклом, жалкую и старческую фигурку Эдуарда Аркадьевича...

Голова была еще ясной, димедрол едва действовал, и Васильев чувствовал неуловимый озноб ровной тоски, как и в тот печальный день, подавленный искренностью Марии, ее вырвавшимся в машине словами («Господи, какие мы все несчастные!») и ее робким, не улыбающимся сквозь слипшиеся ресницы взглядом, пытавшимся облегчить и поправить случившееся между ними, когда у обоих уже не было сил.

И в дреме, откидывая на подушку голову, он подумал о димедроле: «Слава богу», — и скоро забрезжило круглое, заросшее камышами лесное озеро, окруженное глухим лесом, но сплошь розовое в закатном свете, угасающем над зубчатыми вершинами елей. Потом все вспыхнуло ярчайшим летним утром в уральском городке (куда он увез ее), и почему-то снизу (будто плыл под ними) он видел мокрые доски купальни, голубые щели, пронизанные сверху припекающим солнцем, а ласковая, светлая до гальки вода хлюпала, обмывала еще прохладные, заплесневелые бархатной зеленью мостки, и пахло чистой рекой и сочными прогретыми лугами... И, оказываясь, все это летнее, утреннее было радостно связано с Марией, с ее загорелым, крепким телом, пахнувшим солнцем и свежестью купальни. Но было жаль, что его возвращение в то послевоенное лето промелькнуло так быстро, обманчиво, как обманчива была почти прозрачная тающая глубина в ее, казалось, озлявших от долгого купания глазах, когда она лежала на траве и, кусая губы, глядела мимо него в высокую синеву неба, а он навсегда запомнил запах ее шоколадных плеч в сенокосном аромате млеющей травы, влажный, речной вкус ее губ и ее невнятный шепот: «Зачем же, зачем?»... И это издали возникшее слово цепочкой стало вращаться впереди, опускаться в зыбкую пустоту, и нечто расплывчатое, бархатное тревожно плавало там на черных крыльях перед глазами. А он силился понять, откуда пришла сейчас мешающая мысль, зачем она так навязчиво повторялась, беспокойно выскальзывая из тьмы и ускользая во тьму целой фразой, которую ловила и запоминала его память:

«Мы несчастны, потому что видим только поверхностный слой жизни»...

«Кто и когда сказал эти фразы? Щеглов? Илья? Лопатин? Кто недавно говорил о смысле жизни?» — хотел сообразить Васильев во сне и в то же время как бы наблюдая себя со стороны в этом мягко окутывающем его сневидении.

И он увидел маленький старинный городок с бело-розовыми стенами древней крепости, с башнями, с лазоревой окрой вокруг стен и деревянным мостом на окраине, под которым четко стояли в воде нежнейшие облака, городок весь полевой, со сладким деревенским воздухом, обещающим радость, любовь, покой, безмятежное наслаждение простотой жизни. С ощущением томительного блаженства он чувствовал этот чудесный, ничем не тронутый городок, куда приехал зачем-то, и до необыкновенной ясности видел его силуэт, купы садов, мирные крыши, купола над рекой, видел и одновременно спал на гостиничной кровати в большом провинциальном номере, пропахшем тесовыми полами, и думал с тихим восторгом:

«Как хорошо вечно жить в таком городке, в такой любвеобильной тишине и несуетливом покое. Но мне придется уехать отсюда, увозя чувство милого прошлого, молодой любви вот по такой русской реке, теплому небу и белым облакам, по вот этому существующему где-то блаженству. Нет, ведь здесь сама явь радости».

Затем очень громко раздался стук двери, послышались грузные шаги в соседнем номере, звук одежды, похожий на вязкий шелест прорезиненного плаща, и через стену проникло мученическое, хриплое мычание вместе с бегающими шагами незнакомого человека.

«Скорее, скорее, скорее!..» — вскрикивал он горловым голосом, и явно было, что человек за стеной сходит с ума, мечется по номеру, тяжелый, неодолимый, лохматый, в плаще, в сапогах, отбрасывая на своем пути мебель, мычит по-звериному, обуреваемый каким-то неистребимым проклятием: то ли любовью, то ли страхом, то ли преступлением.

И внезапно почудилось: все смолкло там, а кто-то стоит в комнате Васильева у изголовья его кровати, уже раздетый, в одном сереющем в темноте нижнем белье, стоит напряженной плоской тенью, чтобы сделать затаенное, страшное с кем-то другим, кто еле различимым силуэтом вошел следом в номер (как они попали сюда сквозь закрытую на ключ дверь?), и Васильев, охолонутый ужасом, не поворачивая головы, не открывая глаз, хорошо видел рядом этого плоского человека у самого своего изголовья, его длинное сереющее тело, его затемненное длинное по-лошадиному, без губ и глаз лицо — затемненное удлинненное платно с выражением немой угрозы.

Ему надо было подняться немедленно. Ему надо было молниеносно вскочить на кровати, чтобы предупредить чудовищное, нечеловеческое преступление, что готовилось произойти здесь с ним, но мутная дьявольская сила сдавила его в колоду, и он не смог даже шелохнуться, перевести дыхание.

Когда же наконец, как в обморочном переоборении, с ватыным, застывающим криком: «Кто здесь?» — он рванул на постели, ожидая увидеть у изголовья человека и подробно разглядеть его безглазое, безгубое лицо, в номере никого не было. Везде шуршал ночной сумрак. И придвинутая к изголовью его кровати пусто темнела чья-то вторая кровать. И ползлы тени по углам клубящимся туманом...

«Слава богу, это только приснилось мне», — весь облитый потом, подумал Васильев, сознавая, что во сне видел второй сон, который был продолжением чей-то всплывшей из памяти фразы, не имеющей никакой связи с маленьким бело-розовым городком, его стенами древних крепостей, радостными облаками в реке и длинной фигурой человека без лица у своего изголовья в номере гостиницы, — запомнить, хочу запомнить этот сон? Но где же тут разумное! — продолжал он думать во сне, ворочая голову на овлаженной потом подушке. — Кто объяснит, почему так безумны, так тяжелы были его шаги за стеной, его мычащие вскрики, не то угрозы, не то страдания, его резиновый отвратительный шелест плаща! Я боялся помочь ему, он был чужим мне, значит, я виноват перед ним. Но кто он, человек с темным пятном вместо лица, — мой враг, убийца, преступник или святой, нераспознанный брат? Ведь мы должны знать друг друга, ведь мы одинаково бессильны перед смертью... Только раз в степи я испытал чувство, равное бессмертию — веяние полынного ветра, блеск солнца, трава, тысячелетние сухие запахи, безлюдье — и ты, как трава вокруг, обласканная солнцем... И только блаженное ощущение, что именно ты травинка этой травы или одинокий теплый камень на холме, частичка прекрасного мира, — и вся философия. Да, вот оно, счастье: и мне тогда хотелось сделать этот выбор. Но был ли он по мне? Я искал другой смысл во всем. И зачем? Не искушение ли — моим человеческим бессилием познать тайну правды и красоты времени? Не отсюда ли эта повторяющаяся у меня мука вины, тоска и сожаление о том, что весь мир висит на волоске, что исчезнет что-то главное? Что исчезает? Доброта? Вера? Доверие и жалость друг к другу? Нет, не красота спасет мир, а правда равной неизбежности и понимания человеческой хрупкости каждого. Всех. Не сила, а трагическая слабость всех перед смертью. И здесь ничто не поможет. Ни талант, ни слава, ни положение. Ничто. Илья сделал свой выбор в сорок третьем году, чтобы выжить... А я после войны выбрал свой путь в искусстве к вершинам тщеславия через смирение: работать, работать, работать. Как одержимому. Значит, я был трудолюбив и удачлив — это что, счастье? Смысл моей жизни? А что же есть смерть? Самоисчерпаемость? Нет, Илья был болен, но не исчерпал себя... Неужели смерть — тоже выбор, опыт вселенской силы, которая проводит свой эксперимент над человечеством и мешает познать истинный

смысл жизни? О чем я? О чем я думаю, что я хочу осознать и объяснить? Имею ли я право? Я сплю и понимаю, что думаю во сне и переступаю какую-то страшную грань, за которой начинается бездна... Вот отчего мне душно и хочется плакать, а нет слез, и горько как-то давит... Что я хочу понять? Сделанный выбор Ильей? Марию? Викторию? Себя? — думал Васильев с закрытыми глазами, зная, что мысли были сновидением и вместе такими реальными, осязаемыми, как будто он плыл в поднебесном звездном пространстве ночи под контролем чужого, наблюдательного и жестокого разума, не дающего ему полного забытья. — И все-таки я хочу понять: есть ли единый смысл жизни? Есть ли единый смысл смерти? Неужели я хочу понять что-то запредельное, мистическое, непознаваемое? Нет, не волю придуманного бога, а высшую силу Вселенной, ее разумную энергию, что, может быть, проводит над нами опыты, как убежден был Илья. Неужели она обманывает нас и правдой, и ложью, глупой надеждой на вечное здоровье, на помилование смертью и испытывает даже умопомраченной любовью... И разбивает общность духа. Так ли это? Но если все так, то нет единого смысла жизни и нет единого смысла смерти. Значит, на земле тысячи смыслов и тысячи выборов — и что же тогда? Может быть, поэтому я замечал, как логична и красива ложь и как неуклюжа, нелогична правда. Но невозможно согласиться с этим и невозможно сделать выбор второй моей юности и второй моей судьбы, потому что это единственное и началось давно, в другой, сказочной жизни, на другой, счастливой планете, где был прекрасный смысл всего мира — в бессмертии фиолетовых студеновских вечеров в Замоскворечье и юной бессмертной прелести Марии...

Но тогда, очень и очень давно, была зима, непроглядные бураны, заносы на трамвайных линиях, жесточайшая стужа, а он томительно подолгу ждал ее вечерами возле деревянных ворот, космато залепленных многонеднейной метелью, часами мерз на углу в переулке, который из конца в конец сумеречно синел огромными сугробами, и сыпалась, сверкала изморозь в конусах света фонарей. Она, улыбаясь ему, сияя глазами, выходила в белой меховой шапке из дома, царственно брала его за руку, и они бежали по красным квадратам окон своего заснеженного переулка, добежали до Шлюзовой набережной, окутанной морозным паром, потом катались на заледенелых дорожках вдоль тротуаров близ маленьких магазинов и угловой аптеки на Зацепе, всегда изнутри ярко желтеющей мерзлыми стеклами, обросшими сплошь алмазно переливающимся инеем.

Он помнил, как в этой игре она останавливалась перед ним, по-мальчишески возбужденная, и, смеясь, тянула его к мерцающей ледком, раскатанной полосе, с задором предлагая:

— Ты разбегись и попробуй на одной ноге. Ужасно хорошо! Или я разбегусь, а ты стань в конце дорожки, чтоб я не упала!

И он ловил ее в конце дорожки, а она как бы в безгрешной игре весело падала, разбегавшись, прокатясь по льду, ему в объятия, хваталась за его плечи, пар их дыхания смешивался, и он чувствовал ее грудь под пальто упругими бугорками.

Раз в конце ледяной полоски, под самыми окнами аптеки, она с разбегу столкнулась с его грудью как-то особенно плотно и, вся отжимаясь, закинув голову, прикусила губы, а он тогда с туманным головокружением прощептал ей нечто отчаянное и нежное и испугался ее гнева, впервые в этой игре увидев, как исчезало смеющееся выражение на ее лице.

— Да? — пряча подбородок в мех воротника, переспросила она, в то же время ее глаза увеличивались, расширялись, росли, в них блестящими запятыми стояло удивление. — Ты? Меня? Любишь?

До сих пор он до конца не мог объяснить причину той решительности Маши, почему она так вызывающе откинула нагретый дыханием мех воротника и подставила ему улыбающийся рот, говоря прерывающимся шепотом:

— Хорошо. Я согласна. Ты умеешь?

Он наклонился к ее поднятому в ожидании лицу, поцеловал робко и неуклюже влагу ее раздвинутых губ, а она с легкой капризной гримаской сказала еле слышно: «Я замерзла почему-то», — и, поеживаясь, попросила проводить ее домой.

В молчании они дошли до освещенных фонарем ворот, забытых снегом, и здесь, не прощаясь, ничего не объясняя, она рукой в варежке потянула его во двор своего дома. Он послушно пошел за ней, и только у двери на втором этаже она зашептала, что мама из театра придет поздно, в квартире же по коридору надо идти на цыпочках, тихонько-тихонько, чтобы, упаси боже, какой-нибудь дурацкий велосипед или глупое корыто соседей плечом не задеть. Она осторожно открыла дверь английским ключом. И, оглядываясь с озорной таинственностью, приложив палец к губам, всколыхнула первой в налитанную теплоту печей полутьму коридора общей квартиры, по которому они воровски добрались до двери ее комнаты. И тут, вторично щелкнув замочком, она втянула его в сплошную душистую темень, почти горячую с мороза, приятно повеявшую по лицу запахом духов, сладкой ковровой пыли.

— Раздевайся, — приказала она шепотом.

И тотчас вспыхнул свет в середине большого розовато-лимонного абажура, низко висевшего над столом, покрытым красной бархатной скатертью, и он в первый раз увидел эту удивительную комнату, где она жила с матерью, актрисой московского театра. Все было здесь уютно, старинно, мягко, на полу лежал толстый ковер, пленительно поблескивала фарфоровая посуда за узорчатым стеклом буфета, и необыкновенной величины овальное зеркало висело меж темноватых картин на стене, отражало в своих манящих просторах туалетный столик (заваленный разнообразными флакончиками, костяными щеточками, пудреницами), приоткрытый книжный шкаф и половину широкой софы, зеленеющей бархатом, где удобно и как-то по-восточному покоились плюшевые подушки с лохматыми кисточками.

— А я вот здесь лежу, читаю и думаю, — сказала она, перехватив его взгляд, и с тихим смехом упала спиной на софу, свесив ноги, болтая неснятыми ботами. — Помоги же мне, — приказала она негромко и подозвала возбужденными глазами, осветившими его прихотью королевской власти. — Расстегни, пожалуйста, и сними боты, если ты рыцарь. Да не так, не так это надо делать, ты порвешь застёжки, неловкий какой! — сейчас же проговорила она и капризно оттолкнула его. — Уходи немедленно, вот туда, в кресло. Сиди и пока не смотри на меня. Возьми альбом, вон там, на тумбочке. Он интересный, там всякие забавные актеры и актрисы двадцатых годов, с кем мама когда-то начинала. Все надутые какие-то и очень серьезные, как будто все на луну улетать собирались...

И он неловко утонул в кресле, чувствуя, что не может перебороть дрожь, сбивающую дыхание, взял с тумбочки увесистый, в бархатной отделке альбом, сурово звякнувший серебряной застёжкой. Он наугад развернул альбом на коленях, смутно различил на добротных листах прочный глянец с золотым тиснением фотографий — солидные, бородатые, чистоплотно бритые лица, старинные сюртуки, белые бабочки под высокими воротниками, внушительные, дородные фигуры мужчин и женщин в буденновских шлемах на фоне неубранных декораций.

Туманно и невнимательно он глядел на фотографии и в те секунды, завороченно подчиняясь ей, опасался пошевелиться, взглянуть на нее, случайно увидеть, что она делает за туалетным столиком, а когда, наконец, услышал голос: «Пожалуйста, теперь можешь смотреть», — и поднял голову, она подошла к нему, чутко улыбаясь, уже успев что-то женское, колдовское сделать у столика: глаза стали еще больше, страшнее, загадочнее, мохнатые ресницы чернее. Он смотрел ей в глаза, ослепленный, а она продолжала улыбаться, проникая взглядом в глубину его зрачков, словно спрашивала этой длительной улыбкой: «Ну, что, правда, я красива?»

— Иди сюда, оставь в покое дурацкий альбом и эти несносные декорации, — сказала она, вытаскивая его за рукав из кресла, потом за-

смеялась, повлекла его за собой, садясь на ковер между покрытым бархатной скатертью круглым столом и изразцовой голландкой, от которой обволакивающей волной опануло сухое тепло. — Садись вот сюда, здесь будет отлично. Я ужасно люблю сидеть здесь на полу, греться у голландки и смотреть книги. Слушай, у меня есть одна противная книга. Я как-то нашла ее в маминном шкафу. Но там какие-то восточные гаремы и очень красивые женщины, просто красавицы. Интересно, скажи, какая тебе понравится? Ты не покраснееешь? — сказала она с пылливой насмешливостью, и он под ее взглядом, едва удерживая дрожь зубов, начал осторожно листать гладкие, атласные страницы книги с цветными рисунками, которые были вклеены между текстом под папиросной бумагой. Кажется, это было описание на английском языке мусульманского Древнего Востока, его быта и нравов, и на иллюстрациях изображались беспечно богатые под лазурным небом дворцы, пальмы, танцы крутобедрых полунагих красавиц перед возлежащим на коврах соколиноглазым бородатым повелителем, ленивые позы томных молодых женщин со сливовыми глазами, мечтательно и влюбленно разглядывающих в бирюзовой воде мраморного бассейна отражение узенького вечернего месяца.

— Ну и что же? Тебе что-нибудь понравилось из этих ста красавиц какого-то султана или шейха?

— Вот эта ничего... на ступеньках... — выговорил он, наверно, лишь для того, чтобы не показать жаркое оцепенение, овладевавшее им, как дурманный июльский зной, как медовый яд, который она разрешала ему пить в своем присутствии.

— На ступеньках? Покажи, пожалуйста, — серьезно сказала она, на коленях подползла к нему, села рядом на ковре и, стыдливо закрыв глаза растопыренными пальцами, сквозь них совсем кратко взглянула на рисунок. — Глупость! Еще говорит — «ничего»! Что ты вообще понимаешь в женской красоте? Оставь сейчас же книгу, это тебя развратит! Ты лучше, знаешь что? Ты хочешь меня поцеловать, но боишься? Да?

Она с веселой насмешкой выхватила у него книгу, захлопнула, бросила ее в сторону софы, и с замиранием он встретил ее глаза, раздвинутые, огромные, как-то порочно очерченные ресницами; переливающая радуга страшно приближалась к его зрачкам, и страшно приближались ее улыбающиеся губы, чуть вздрагивая нежными уголками.

Он и сейчас помнил упругую мягкость ее губ, сначала холодных с улицы, еще пахнувших свежим снегом, затем теплых, влажных, то разомкнутых, шевелящихся в скользком неутоленном соприкосновении, то непроницаемо сжатых, как будто в обморочном забытии она переставала дышать, чувствовать его, будто в этот момент его не было рядом, а она пыталась вспомнить и сравнить что-то тайное, скрытое, неизвестное ему...

Потом она медленно легла спиной на ковер, ладонью закрыла глаза, сказала слабым шепотом:

— Обними меня так... Ложись же...

И на всю жизнь он запомнил, как лежали они на ковре подле голландки в той уютной, натопленной комнате, где овеивало пряными духами, старинной, тоже душистой пылью бархатной скатерти, свисавшей в тень из розоватого, мягчайшего света абажура, помнил, как у него и у нее стучали зубы, как они оба оглохли в пьяном тумане и уже не слышали ни звуков соседей за стенами, ни дальнего шума трамваев на Новокузнецкой, ни вечернего зашумевания метели, ни скрипучих шагов прохожих за окнами. Они оба, отделенные от земли, вжимаясь губами друг в друга, плыли в раскаленном и неоглядном звездном мраке Вселенной, изнемогая в невозможной телесной близости, жажда последнего, что должно было сейчас произойти между ними, но страх обоих и ее стыд разрывал, преграждал их сближение и мешал последнему...

В забытии он с ненасытностью впитывал в себя мучительный акус ее губ, уже распухших, не утешающих его, а она, обессиленная, изнеможенная его поцелуями, внезапно с трудом перевела дыхание, легонько потянула его руку к своему бедру, задохнувшимся шепотом

попросила помочь ей расстегнуть жавшую на правом чулке пряжку,— и этот шепот ее искристой пылью посыпался из черноты Вселенной, золотой россыпью мелькнул над ними, и ему почудилось на миг— знойной силой понесло, повлекло их обоих в пылающий хаос на край пропасти, где все кончалось, гибло во мраке и все начиналось заново в жарком светлом огне...

— Ну, что ж ты... что ж ты...

Он не знал, сам ли сумел расстегнуть пряжку на ее чулке, шерстяном, плотном, еще немного хранившем холодок улицы, только впервые в жизни он увидел так близко обнаженность ее бедра, его женственную полноту, и ощутил телесное тепло ее кожи, сразу покрывшейся мурашками, возбужденно озябшей.

— Ну что ж ты... Ну, быстрее, быстрее!— повторяла она, и было в ее словах нетерпеливое, безумное разрешение, но когда он почувствовал содрогнувшееся ее тело от тихого плача, обжигающего горячими слезами его подбородок, когда решился наконец посмотреть ей в лицо, она лежала, стиснув зубы, закрыв глаза, в ресницах ее стояли, на капливались слезы, скатывались по щекам.

А он, ошеломленный тем, что произошло между ним и ею, ее юной открытой наготой, уже не защищенной стыдом, от которого только что у обоих холодели в ознобе зубы, готовый ради мгновения быть с ней пойти на любую казнь и тоже готовый плакать от незавершенной нежности, целовал ее маленькую грудь, как бы омытую летней прохладой утреннего леса, земляничной свежестью, наталкиваясь на ее ослабленно загораживающие пальцы, почти не разбирая ее шепот, ветер-

ком плывший из звездных бездн, и повторял с отчаянной свободой:

— Я люблю тебя, Маша...

— Если бы... если бы узнал Илья, что бы он подумал... Он удивился бы... Правда? Правда?

Вместе с ее голосом над ними окольной стороной проходили тугие порывы поднявшейся к ночи метели, ее хлопающий гул, ветер, ударявший по крышам, по стеклам снаружи, протяжный скрежет мерзлых ветвей во дворе, донесенные поверх заборов издали звонки трамваев, заблудившихся в снегу завьюженного замоскворецкого вечера. А его окутывало домашним жаром голландки, шерстяным запахом согретого ковра, на котором они лежали, в забытии касаясь друг друга, и было ощущение, что он летит куда-то в бездонное сияние апрельского неба, обещающее вечную весну, бессмертие, любовь навсегда.

— Отпусти меня, отпусти... Я не могу больше. У меня губы уже не шевелятся...

— Маша, я люблю тебя... Ты понимаешь, как я люблю тебя?..

В полночь он вышел в ненастный переулок, мокро хлестнувший пресным холодом, колючестью вьюги по разгоряченному лицу. Фонари, опутываясь крутящимся дымом, горели белыми пятнами. Он взглянул на окно, розовеющее в снежном дыму, задернутое шторой, где сейчас оставалась она, снова почувствовал вдруг такую ликующую нежность к ней, такую растерянность между бедой и надеждой, такое свое радостное одиночество в окружении этих дымящихся сугробов, заснеженных заборов, мутных фонарей, что неожиданно перехватило дыхание в горле...

Она целую неделю не ходила в школу; но когда он увидел ее на перемене, она отвернулась быстро, лицо было бледным, измученным; затем, вызываясь откинув голову, она подошла к нему, сказала со смехом: «Здравствуй, Ромео, запомни, что никакого свидания с Джульеттой у тебя не было и никогда не будет. Надеюсь, ты благородный рыцарь и забыл все...»

Он ничего не мог забыть, и поэтому боль была долгой, жестокой, непроходящей, порой мучившей его даже на войне.

«Может быть, ради этой боли стоило родиться на свет... Нет, среди тысяч смыслов и выборов есть один— великий и вечный...»

И он застонал во сне, очнулся, открыл глаза, испытывая смутное состояние молодой, неизбывной радости, молодой надежды, той своей бесконечной влюбленности, похожей на счастливую гибель, и спазма сдавленных рыданий мешала ему дышать, как когда-то очень давно, в снежную и метельную полночь его далекой юности.

— Маша,— позвал он ее тихо из темноты, тускло отсвечивающей красками картин, и, не услышав ответа, зная, что ее нет здесь, проговорил шепотом: — Маша, я люблю тебя... Что же мне делать, Маша?..

Стояло глухое безмолвие в потемках мастерской.

За окном влажно шумел и шумел деревьями ветер, по карнизам звонким непрерывным дождем стучала капель, зеленая весенняя одинокая звезда дрожала на мокром стекле, и было три часа самого пустынного и безнадежного времени мартовской ночи.

Таким будет памятник Н. С. Лескову в Орле (фрагмент). Скульпторы Ю. Г. и Ю. Ю. Ореховы.

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. С. ЛЕСКОВА

СОЗВУЧ

Исполнилось 150 лет со дня рождения замечательного русского писателя Н. С. Лескова, одарившего нас «Левшой», «Очарованным странником», «Соборянами», «Тупейным художником».

Его произведения — целый мир неповторимых образов, сверкающей фантазии и красоты — истоком своим выходят из орловской земли. В эти дни наш корреспондент А. ЕФИМОВ побывал на родине писателя и беседовал с секретарем Орловского обкома КПСС А. И. БАЧУРИНЫМ.

— Лесков родился в Орле. Какое значение, Александр Иванович, имеет его творчество для вашего города, как Орел готовился к юбилею?

— Для нас, орловцев, Лесков особый писатель. Читая и перечитывая его произведения, мы можем зримо представить себе повседневную жизнь нашего города в давние времена, как бы увидеть ее вблизи. Артистизм русского человека, богатство языка и разнообразие говоров, яркие черты быта и нравов, поэтичность народного мирозерцания — все это встает перед нами со страниц лесковских произведений. В последние же годы, особенно в преддверии 150-летия со дня рождения Лескова, интерес к его творчеству еще более возрос.

В январе 1980 года по решению обкома КПСС и облисполкома был создан оргкомитет по подготовке к юбилею Н. С. Лескова. Предусмотрена большая программа — проведение в Орле и области специальной литературной недели с участием крупнейших писателей, литературоведов, критиков, литературные вечера, читательские конференции, циклы лекций о жизни и творчестве Лескова, демонстрация фильмов и спектаклей по его произведениям, открытие художественных выставок... Собираемся установить памятные знаки в местах, связанных с пребыванием на Орловщине Лескова, благоустроить эти места. Сейчас мы можем подвести итоги и сказать: многое из того, что было запланировано, выполнено или близко к выполнению.

Большой резонанс в культурной и научной жизни города вызвала проведенная в октябре 1980 года научная конференция, посвященная творчеству Лескова и его 150-летию юбилею. Надо сказать, что конференции, посвященные Лескову, проводятся в Орле уже не впервые. Особенною последней был высокий уровень ее представительства, участие ученых из многих республик нашей страны.

Особый успех выпал на долю выступлений академика Д. С. Лихачева, члена-корреспондента АН УССР, доктора филологических наук Н. Е. Крутиковой, старших научных сотрудников Института мировой литературы имени М. Горького АН СССР И. П. Видуэцкой и В. Ю. Троицкого, доктора филологических наук, профессора Орловского государ-

А. БАСМАНОВ

ХУДОЖНИК РУССКОЙ ДУШИ

1.

В 1928 году М. Горький писал о Н. С. Лескове: «Это вообще отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель, все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой». А один из героев «Жизни Клима Самгина» скажет более определенно: «Лесков пронзил всю Русь». И еще слова Горького: Лесков, говорил он, «прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется «душою народа»... Он любил Русь, всю, как-то она есть, со всеми нелепостями ее древнего быта, любил затрепанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ и вполне искренне считал его «способным ко всем добродетелям», но он любил все это, не закрывая глаз...» В каждом рассказе чувствуется, что

его основная дума — не о судьбе лица, а о судьбе России. Остановимся на этих словах. Они сказаны о писателе, работавшем во время, когда творили Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин, — рядом с ними Лесков сумел обрести собственный голос, настолько самобытный, что Л. Толстой, далеко не склонный к комплиментарности, назвал его «писателем будущего».

Быть может, великий художник увидел это будущее в той героической тенденции, которой наследовал Лесков у классиков русской литературы, и в первую очередь у Гоголя, находившего положительные идеалы и в «бедном неярком мире нашем». Душевная красота и романтика «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Тараса Бульбы» в другую, послегоголевскую эпоху отразились в произведениях

Лескова, который «как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь...» (Горький).

Безмерный в своей любви-ненависти писатель не создал ни одной «равнодушной», холодной книги. Его взлеты и его падения — это жизнь первостепенного таланта русского, отразившаяся в его романах, повестях, рассказах, публицистике. Страстная социальность Лескова не поддается вульгарному социологическому анализу — ее сложность в многомерности и диалектичности таланта художника, — поэтому-то мудрому Горькому и приходилось, по сути, защищать Лескова против некоторых горе-толкователей, противопоставляя узости их взгляда продуманную концепцию: «Как художник слова Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священной писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».

Поиск идеала, проблема положительного героя заставили Лескова обратиться к жизни народа — среди простых русских людей нашел он истинных героев, «богатырей духа», подлинных выразителей русского национального характера. Именно на этом пути обращения к жизни народа создаются в 70-х годах повести «Соборяне», «Запечатленный ангел», «Несмертельный Голован», «Очарованный странник», «Левша», «Тупейный художник».

«...И пошел я искать праведных... но куда я не обращался, кого не спрашивал — все отвечали мне в том роде, что праведных людей

НО НАШЕМУ ВРЕМЕНИ

ственного пединститута Г. Б. Курляндской, члена Союза писателей СССР А. Д. Романенко, преподавателя Ленинградского университета, кандидата филологических наук И. В. Столяровой...

Мы, орловцы, считаем, что и впредь Орел будет тем центром, вокруг которого станут собираться со всех уголков нашей страны и из-за рубежа ученые, посвятившие себя изучению творческого наследия нашего земляка.

— На всю страну известен ваш замечательный Орловский литературный музей и его филиал — дом-музей Лескова. Пожалуй, не-сколько слов о нем.

— Можно сказать, одним из самых действенных средств пропаганды творческого наследия Н. С. Лескова, приближения его к нашим дням, к современности является работа музея, открытого в июле 1974 года в мемориальном доме, где прошли детские годы писателя. Экспозиция музея рассказывает о жизненном и творческом пути Лескова, практически полностью воспроизводит обстановку его кабинета. За эти годы в музее побывали тысячи посетителей, и в книге отзывов теперь можно найти восторженные оценки как экспозиции, так и содержательного и эмоционального рассказа экскурсоводов. В преддверии юбилея музей пополнился многими новыми экспонатами.

Свой вклад в пропаганду творчества Лескова вносит и школьный музей, созданный в лесковских местах, в селе Гостомль Кромского района. Его работа еще раз убеждает нас, что «не зарастет народная тропа» к этому самобытному, поистине национальному писателю.

— Всем любителям литературы хорошо известно, что «народная тропа» не зарастает и в творчестве других замечательных орловцев. Расскажите, как живет город под их «созвездием».

— Орел — литературная жемчужина России, один из центров культуры русского народа. «Орел воспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город», — писал в свое время Н. С. Лесков. В Орле родились И. С. Тургенев и Л. Н. Андреев. Здесь провели свои детские и юношеские годы Н. С. Лесков и П. И. Якушкин, жили И. А. Бунин, А. Н. Апухтин, М. А. Вилинская (Марко Вовчок), А. А. Фет, Д. И. Писарев, Ф. И. Тютчев, А. М. Жемчужников, Т. Н. Грановский, М. М. Пришвин, И. А. Новиков. Орловцы с гордостью называют имена своих прославленных земляков.

В городе и области ведется значительная работа по увековечиванию памяти писателей, жизнь и творчество которых были связаны с нашей землей.

Традиционными стали праздники поэзии, посвященные А. А. Фету, многочисленных почитателей таланта Тургенева, привлекают литературные праздники, проводимые на родине писателя.

В 1918 году, в столетие со дня рождения И. С. Тургенева, в Орле был открыт его музей. Есть глубокий символический смысл в том, что летопись одного из первых литературно-мемориальных музеев Страны Советов, Государственного музея И. С. Тургенева, берет свое начало от Великого Октября.

Фонды музея насчитывают свыше сорока тысяч единиц хранения, научная библиотека — около 60 тысяч изданий. Многие коллекции вошли в золотой фонд мировой культуры, стали источником для изучения творческого наследия И. С. Тургенева советскими и зарубежными литературоведами. Далеко за пределами нашей Родины известно Спасское-Лутовиново — Государственный заповедник музей-усадьба И. С. Тургенева, 60-летие которого будет отмечено в этом году.

Больше двадцати лет назад в Орле был открыт музей писателей-орловцев. Это мемориальные библиотеки Н. С. Лескова, П. В. Киреевского, книги из личных собраний А. А. Фета, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, М. М. Пришвина, И. А. Новикова, их автографы, рукописи, иконография, документы, личные вещи. А в новой литературно-мемориальной экспозиции музея писателей-орловцев, открытой в июле прошлого года, посетители увидят мемориальные вещи А. А. Фета, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, М. М. Пришвина, И. А. Новикова. «Спасибо вам всем за бескорыстную любовь к тем людям, которых вы делаете живыми и реально живущими с нами, в современности». Эти строки из книги отзывов — справедливая оценка успехов наших музейных работников. Теперь мы планируем отреставрировать Спасский парк и пруд, флигель, в котором жил И. С. Тургенев во время ссылки, а также мемориальный дом Т. Н. Грановского, где будет создана экспозиция, посвященная Т. Н. Грановскому, Д. И. Писареву, П. В. Киреевскому, П. И. Якушкину, М. Вовчок.

— И последнее. Будет ли увековечен образ Николая Семеновича Лескова?

— Да. Памятник подготовлен к открытию. Его установят в одном из красивейших мест нашего города, вблизи излучины реки Орлик, недалеко от гимназии, где учился Лесков, вблизи тех мест, где проходили события многих его произведений.

По замыслу авторов памятника — известных скульпторов Ю. Г. и Ю. Ю. Ореховых, архитекторов В. А. Петербуржцева и А. В. Степанова — бронзовый Лесков окружен своими персонажами. Думаем, что эта композиция станет не только хорошим памятником Н. С. Лескову, но и украсит наш город.

не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей... знавали. Я и стал это записывать».

И вот с некоторою даже театральной яркостью, держась за руки, выходят поклониться нам: чистая душа Овцебык, нигилист Ван-скок, очарованный Иван Флягин, аскетический подвижник Голован, скomorох Памфалон, Левша-мастер, миссионер Кириак, великомученики любви из «Тупеяного художника». За ними же, чуть поодаль и на теневой стороне сцены — сам Лесков: грузный, со страданием и желчью во взоре, в странном, черном, до полу запашном одеянии — азяме, закрытом «под душу», но дающем свободу вздоха, ибо постоянная, почти непрекращающаяся боль сердца «не переносит никакого плотного прикосновения к груди».

Боль сердца называлась «жабою», и она люто терзала его последние годы до момента исхода, каждый раз принося тот неописуемый смертельный страх, какой должен ощущать лаяк, «подающий во фраке чай на бале и вдруг чувствующий, что у него подтяжки лопнули и панталоны спускаются». При этих-то судорогах плоти он, уже разрушенный мучительной болезнью, писал «Загон», «Продукт природы», «Заячий ремиз» — свою лебединую песнь, историю Оноприя Перегуда из Перегудов, того, кто защитился от болота окрестной жизни тихим безумием и ушел в желтый дом, как в монастырь.

Оноприй Перегуд — последнее живописное пятно в лесковском мире, который Горький (его бесконечный почитатель и ученик) назвал иконостасом святых и праведников, тем, что должно было воодушевить вечно измученную и голодную Россию, «страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными», — проклятую страну, которую надо любить и почему-то необходимо любить так, что-

бы сердце каждый день и час кровью пладало от мучений этой любви, столь похожей на пытку невинного...»

Вот и Лесков говорит о любви, о тяге к тому, что оскорблено и унижено, об образовании чудесной неизъяснимой силы, называемой литературой, силы, которая «бьет прямо в жилу, и сейчас оттуда руда мечется наружу, и хочется плакать, и хочется помогать, и становится стыдно и гадко о себе думать».

Это — о совести, о том единственном, что спасает. Он и был спасателем — всегда рядом с Достоевским и Толстым, чуть, правда, в стороне (то как бы отставая от них, то забегая вперед), неоцененный и непризнанный до конца дней, поскольку на тяжелой дороге любви мешал ему (и в личном тоже) собственный темперамент: во всем «аффектация и пересол», торопливость и горячность самовыражения, во всем и всему — противоборство. На небосводе же русской литературы одинокая звезда его, наверное, ближе всего сошла к звезде Александра Николаевича Островского.

Символичным стал лесковский образ русского уельца, мастера Левши. Тенденции изображения положительных типов, намеченные в «Очарованном страннике», развил здесь писатель с поистине небывалой силой художественного обобщения. Критика уже отмечала, что трагический образ механика-самоучки Кулибина из «Грозы» Островского подсказал Лескову лейтмотив повествования о гибнущих талантах. Фольклорные традиции сюжета «Левши» дали возможность Лескову решить, интересующую его тему в традициях народного лубка, с фантастическими преувеличениями, комическими отступлениями, глубоким подтекстом. Сам же Левша олицетворяет национальный характер — он скромный, бескоры-

стен, неисчерпаемо талантлив и исполнен чувства собственного достоинства. Но писатель понимает, что его мастерство бесцельно, — бессмыслица окружающего мастера мира показана Лесковым с гениальным сатирическим проникновением. Финал Сказа красноречив — патриотизму Левши противопоставлено равнодушное и пустота правителей страны. И наряду с А. Н. Островским вспоминается здесь Салтыков-Щедрин, который, говоря о «даровитых русских натурах», замечал, что «при известной обстановке самая жизнь замечательная и разнообразная в конце концов истрачивается на пустяки». Но Лескову нельзя было отказать в оптимизме во взгляде на соотечественника. «У нас есть люди, — писал он, — которые в буквальном смысле совершали и совершают чудеса, свидетельствующие о необычайной способности русского человека устроить изумительные дела не только без всякого содействия властей, но даже при самом старательном их противодействии».

2.

Он говорил о работе: «Постановка голова у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтистов на басы. В себе я старался развивать это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, мужики — по-мужицки, высочки из них и скomorохи — с выкрутасами и т. д.». Где же, когда ж началось это чуткое подслушивание, это жадное подглядывание? Ответ: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной ланинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги...» Тут появляется уже тема правды.

Он, внук священника и купчихи, он, сын чиновника и дворянки, замешал в себе кровь сразу четырех сословий, осененных, как бывало в России часто, пятым — крепостной нянькой, ее бывальщинами, которые обращались в зависимости от интонации и случая, «то сладкою сытой кисловатому киселю жизни, то — полезной горчицей жирному свинству ее». Происхождение Лескова — вот ключ к его крутости, прододушию, сладкоречию, народности, упрямству, духовности, усидчивости, правдивости, не-воздержанности. Происхождение Лескова — ключ и к его писательской интонации, теме и провинциальной географии сюжетов — всему тому, что впиталось в сознание и душу, стало ими с первых глотков памяти:

«Мое детство прошло в Орле. Мы жили в доме Немчинова, где-то недалеко от «маленького собора». Теперь я не могу разобрать, где именно стоял этот высокий деревянный дом, но помню, что из его сада был просторный вид за широкий и глубокий овраг с обрывистыми краями, прорезанными пластинами красной глины. За оврагом расстился большой выгон, на котором стояли казенные магазины, а возле них летом всегда учились солдаты. Я всякий день смотрел, как их учили и как их били. Тогда это было в употреблении, но я никак не мог к этому привыкнуть и всегда о них плакал».

Здесь — русский классический образец письма: плавность лада, необычайная сгущенность чувств, сгущенность самой прозы и пронзительная нота любви и жалости. К кому? К чему? Это из «Пугала», написанного уже в конце жизни. Тут замыкание ее кольца, возврат к истокам всей «одухотворенной песни», многоголосью («Тулейный художник», «Грабей», «Соборные», «Мелочи архиерейской жизни», «Несмертельный Голован») орловских мещан, дворян, священников, чиновников, мошенников, злодеев, юродивых, правдолюбив, за которыми встает его Россия. Эх, кабы знать, что так будет, — ведь до тридцати лет и не помышлялось о писаниях, а после тридцати...

Лучший миг его жизни был киевский. Он приехал сюда восемнадцати годов не за литературным, а лишь за чиновничьим счастьем, но здесь, здесь именно мир впервые оборотился к нему своей ярко красочной стороной, здесь была (хоть и «разбившая на одно колено») первая любовь, здесь получилось оплодотворение творческой силы.

Ни Петербург следом, ни даже Париж не поразили Лескова так, как после бледной Орловщины. Кром и Собанина этот падающий и взлетающий по холмам златоверхий город, колыбель России; для него же — озарение личного счастья и свободы, первый шаг к писательству.

Впечатление от южного красноречия, живописи без полутонных явится в зрелости тем важнейшим для литературы, что зовется стилем и, быть может, решительно скажется на феномене его своеобразной, парадоксальной (одновременно создающей и дробящей искусство) художнической манеры.

Украинская служба в губернской канцелярии (вицмундир, медалька) и вольная воля добытчика при Шкотте — процесс рождения звезд Лескова. Он взял много, этот процесс — лучшее десятилетие, на излете которого тронулось вдруг и пошло писательское перо. Но все началось с драмы, даже трагедии.

К добру ли покинулся милый Киев? Петербург же приветствовал его зыбким туманом, угольными вздохами, звуком железа по железу, газовым светом, затхлостью узких дворов и муштрованными дворниками, красными воротниками и чиновничьими шинелями, фабричными гудками, всеми своими восьмистами тысячами пролетариев, мастеровых, студентов, кухарок, прачек, бездомных и нищих. То был Петербург Достоевского.

И Лесков, классический провинциал, кровь с молоком, обветренный, опаленный солнышком землепроходец, то на купеческих барках вдыхавший полной грудью волжский воздух, то пробивавшийся на тряских бричках чрез лесные дебри, разом попал в водоворот политических событий, публицистических течений, борец идеологических лагерей, взглядов и страстей, когда кружилась голова лишь от одних имен: Чернышевский, Добролюбов, Достоевский, Писемский, Аполлон Григорьев, Аксаков, Толстой, Тургенев.

В этот период общественно-политические взгляды Лескова были крайне путаными. Лесков бросается, например, в полемику с революционно-демократическим журналом «Современник». Спустя два десятилетия он с болью вспоминал ошибки тех лет, когда от молодого журналиста отвернулись многие.

Лесков уезжает за границу и в Париже пишет подряд два толстых антиинициалистических романа — «Некуда» и «На ножах». Вещи были сделаны так скверно, наскоро, до смешного мрачно, неумно и бессильно (точно Лесков хотел доказать, что иногда злоба бывает еще более жалкой и нищей духом, чем глупость»),

что Достоевский, у которого до того были схожие литературные замыслы, переменял их.

«Посленекудовские» дни, вернее, долгое «посленекудовское» время было самым тяжким. А потом вдруг, как прорвало нарыв — обернулся на Орел, к чистоте и свободным чувствам, к влечениям своего детства: «Я блуждал и воротился, стал сам собою — тем, что я есмь». Здесь миг поднятия занавеса.

«Большой мальчик вздрогнул и опустил на колени книжку, когда к нему в третий раз вошла Катерина Львовна.

— Что ты, Федя?

— Ох, я, тетенька, чего-то испугался, — отвечал он, тревожно улыбаясь и прижимаясь в угол постели.

— Чего же ты испугался?

— Да кто это с вами шел, тетенька?»

«Леди Макбет Мценского уезда» — самая жестокая и все же самая совершенная и красивая вещь Лескова. Призывавшие его к лпидарности должны почтительно остановиться: убавить здесь нельзя ни строки. По нервической же напряженности ей равняется разве что напряженность самого Достоевского. Последний, к слову, восхищался правдивостью, точной зримостью каторжного этапа, описанного человеком, который никогда там не был.

«Леди Макбет» необычна для Лескова, рука которого тут на редкость свободна и раскована: быть может, такая ее легкость — результат дорогого и редчайшего визита гения. Но Катерина Львовна Измайлова вместе с тем и трещина на зеркале лесковского мира, зигзаг молнии в лазури, ведьма в храме. Она загадка его, неожиданно преклонившего колени перед страстью, темной ее силою, «тусклым огнем желанья».

3.

То был 1864 год — год, прошедший под знаком любви. Ее начало: июль, дача под Киевом, воздух земляники, дымка и сосновой смолы, разноцветные стекла веранды, крахмальная скатерть и самоварное, стеариновое свечой оплывающее отражение: край его охотничьего френча, ее размытая рука, кружевной манжет... Потом и ему и ей память до конца жизни оставит картинку: он, в цвете молодости и красы, похожий на аристократа и попа-расстригу вместе, вдруг пружиной (роняя плетный табурет) вскакивает от стола, хватая свою даустволку, начинает всаживать в ворота дробовые заряды: мальчишеский, счастливый миг сердца, переполненного любовью...

Катерина Степановна Савицкая: выбор казался безошибочным, чувство проверенным, благополучие обеспеченным. Через тринадцать же лет, следом за развездом, вспоминали: бочка с порохом стояла всегда открытой, достаточно было случайной искры. Да и с кем у него могло состояться счастье, когда он сам знал, что никому и ничему, кроме искусства, не может отдать душу? Позже говорил сыну: «У нее нет фантазии. Это ужасно — человек без фантазии... Не рисует картин — и потому сам не впечатляется. Это страшно». И вдруг записал на бумажке почти шекспировским слогом: «А жить вдвоем и врознь желать и порознь думать, и вечно тяготить друг друга, и понимать все это — еще тяжелее. Союз хорош, когда одна душа святит собой другую».

Теперь он способен был освящать ритуалом художества только листы белой бумаги и созидать на них новые души, воскрешать старые, сцеплять их вместе, образовывать лишь ему (и нам) принадлежащий союз, целый мир («У меня есть свои святые люди, которые пробудили во мне сознание человеческого родства со всем миром»), где каждый имеет право быть понятым, утешен и облакан, где каждый должен научиться утешать и ласкать, ибо несть числа и никогда до конца света не уменьшится

ся «множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды».

«Соборные» так и были поначалу названы — «Чающие движения воды», то есть ожидающие и верующие во всеобщее духовное исцеление, которое придет вместе с чувством любви. Вот его капитальная, его главная (смыкаемая с лучшим в России: Гоголем, Достоевским, Толстым) нравственная задача — родство со всем миром.

В конце, когда он стал ждать смерти — этого страшного шага, этого «интересного дня распрями и вывода из оглобей», им, строптивым, было пересмотрено многое. Что такое простить? — спрашивал он, бывало, себя и отвечал: нужно не прощение, даруемое как милостыня, а честное восстановление мира.

В старости, наоборот, в тот час, как взмошел к нему кто-то из злейших врагов и гонителей, увидал смысл именно в прощении, и два старика опустились друг перед другом на колени, обнялись, расплакались... «Думаешь, византизм, лицемерие? — оправдывался он перед сыном. — Может, и так, а все-таки лучше помириться, чем продолжать злобиться...»

Он знал определенно, что ничего и никогда себе не выкраивал из-за карьеры, прибытка или тщеславия, что никогда не был «скорохвотом и волшебным стрелком» от литературы, но всю жизнь положил на то несказанное, где «мысль и музыка сошлись». Теперь же он с ужасом и удивлением смотрел на молодых людей без огня, идей и страдания, с гладким и в любую сторону покладистым пером: «Что их влечет, и кто их гонит? Через это они уповают сделаться более знаемыми и крепче припаять себя к литературе, но они ошибаются: расчет их неверен, и в приеме их есть нечто от них отталкивающее». И добавлял: «Кто не хочет благородно страдать за убеждения, тот пострадает за недостаток их, и это страдание будет хуже».

Но светился и горизонт, нечто обнадеживающее — Чехов, предупреждая которого (финал «Трех сестер»), Лесков интуитивно отыскал еще в «Зимнем дне» знаменитую интонацию новой надежды: «Полноте, ma tante, что это еще за характеры! Характеры идут, характеры зреют, — они впереди, и мы им в подметки не годимся. И они придут, придут! Придет весенний шум, веселый шум!» Здоровый ум придет, ma tante! Придет! Мы живы этою верой!»

Здесь — симптом раскола, свежий ветерок с залива, предчувствие багровых зарниц, несомых новым столетием. Но смерть подступила к Лескову уже вплотную. На лестнице суворинской типографии он узнал от кого-то об аресте шестого, только что отпечатанного тома собрания своих сочинений, и вдруг пришел приступ «безысходного гнева», и он начал делать какие-то особые, судорожные движения, высвобождая шею из крахмального ворота рубашки, грудь заходила ходуном...

К часу исхода, когда «жаба» подвела под его телесной жизнью жирную черту, он ощущал уже наврное, что истина при нем, что литература — «это как бы дыхание, носящееся поверх хаоса, который она отражает, но сама не пачкается в его тине» и что дело существования ее деятелей не в стремлении к чинам и обелискам. И потому в завещании из двенадцати пунктов приказал в трех: похоронить его по самому низшему разряду и не ставить на могиле «никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого, деревянного креста», а также просил прощения у всех, кому был неприятен, кого когда-либо оскорбил, горчил или обидел.

Остальные пункты посвятились судьбе некой Вари Долиной — сироте, сожальной и воспитанной в лесковском доме с двух лет: в этом своем распоряжении умирающий видел нравственной пользы больше, чем от пространных рассуждений о смысле жизни. Смысл несут его праведники, юродивые, одиодумы и очарованные странники, простые русские талантливые люди, бессменно стережущие душу России. Им он веровал и старался служить истинно, побеждая в себе страх перед соблазнами и укрепляя себя любовью.

Н. С. Лесков. Портрет работы художника В. А. Серова. 1894 год.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В музее Лескова ● Личные вещи ● Дом в селе Горохово, в котором родился Н. С. Лесков. Акварель К. Шульца. 1888 год ● Книжный шкаф ● Часы. ● Кабинет писателя.

Фото М. САВИНА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА

Лесков был одним из самых гуманитарно образованных и культурных писателей своего времени. Он хорошо знал древнерусское искусство и литературу, устное народное творчество; он лучше многих был знаком с литературой славянских стран. Его творческие связи с самыми разнообразными писателями, деятелями культуры были чрезвычайно широки. Среди выдающихся современников Лескова, с которыми переписывался писатель, был и известный русский историк профессор В. О. Ключевский, выдающийся знаток древнерусской литературы. Ему и написал писатель в 1891 году письмо с просьбой помочь в розысках, связанных, как можно предполагать, с подготовкой материалов для художественной обработки легенд старопечатного Пролога, содержащего жития святых и эпизоды из их жизни, распределенные по месяцам и дням года. Пролог, бывший, можно сказать, настольной книгой древнерусского читателя, издавна служил источником сюжетов для многих писателей. Обращался к нему и Лесков. Из Пролога заимствовал он материал для художественной обработки своих легенд «Лев старца Герасима», «Сноморох Памфалон», «Асиалонский злодей», «Невинный Прудеций» и др. Работу над созданием «легендарных характеров» Лесков не оставлял и в последние годы жизни. В это время писатель работает над созданием художественных очерков о женских характерах древности. Об этих очерках писал он в 1892 году редактору «Русского обозрения» Д. Н. Чертелеву: «На всякий случай приговлю Вам «Женские типы по Прологу», — это любопытно и не острее статей Ключевского «Жития святых как исторический материал»... Работая над этой серией очерков, Н. С. Лесков и обратился к В. О. Ключевскому со следующим письмом:

«6 декабря 1891 г.

Достоуважаемый Василий Осипович!

Не раз передавали мне достойные доверия люди, что будто Вы относитесь ко мне с благосклонным расположением, и я хочу этому верить

и испытать Вашу приязнь. Мне нужна Ваша помощь в нижеследующем случае: давно когда-то я читал где-то — не то в Прологе, не то в Четьх Минеях повесть о мучениках, которые не хотели воевать и предпочли быть замученными за это. Помнится мне, что к<ак> б<удто> это были мученики «Севастийские», но в нынешнем Единоверческом Прологе нет этого о мучениках Севастийских. А я знаю наверно, что я это читал, и что там стояло именно то, что я помню, т. е. что они не хотели сражаться и предпочли быть казненными (утоплены в озере)... Ошибаюсь я или нет, и если я верно помню, то где мне следует искать эту историю? Потом: Фомаида или Таисия была так неприступна со стороны своего аромата, что мужи (василей) от нее же следовали? В Прологе и о той и о другой ничего этого нет, а я опять помню, что это было.

Пожалуйста, пособите мне, чтобы я мог добыть себе сведения, которые мне нужны.

Ваш слуга и почитатель
Николай Лесков».

Н. С. Лесков известен как автор многих блестящих стилизаций. Он, как никто другой, мог почувствовать и передать и букву и дух времени, отраженного в исторических документах. Высоко ценили языковое мастерство писателя и его современники. В связи с этим небезынтересно привести отрывок из неопубликованного письма Лескова его доброму знакомому, редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому от 31 марта 1893 года:

«...Окажите мне приятельскую услугу, — просит Н. С. Лесков, — черкните адрес И. Ф. Горбунова и С. В. Максимовича... У меня сего-

дня (30) был незнакомый генерал во всем параде с просьбою военного совета «составить присягу для военных чинов»; согласно моим замечаниям, напечатанным в «Руси» (которые отбросил Суворин). Надо ее составить в старинном русско-библейском стиле. Я указывал на Победоносцева и Аксакова, как на мастеров сего дела, но генерал сказал, что «совет именно просит меня». Я не сумел отказать и попросил себе неделю на размышление. Мне надо о стиле попросить совета у Максимовича и Горбунова, а каково их сыскать...».

Человек серьезный по натуре, Лесков остро чувствовал и любил юмор, любил шутить. В шутовом духе писал он иной раз письма своим близким друзьям, используя стиль древнего «плетения словес». В одном из таких писем, адресованных С. Н. Шубинскому, Лесков сообщает, что намеченная встреча у писателя С. Н. Терпигорева в связи с болезнью Шубинского откладывается:

«5 гена<аря> 1888 г.

Известившись из письма Вашего о приключившемся превосходительству Вашему, рассудилось нам яко и смирению нашему в тожде поспешать непристойно есть, ибо не снеди ради и пития текохом, но слышания ради словес разумом каплющих и вся сладости беседныя. А того для послали есте мы от смирения нашего исавянину (?) Тер-Пигорю отчетный лист, дабы брашна и питий не изводил, доколе полегчает превосходительству Вашему и вси в ту пору воспоследует радующеся и хваляще здравие подающему Богу Ему же и ныне слава и во веки.

Смиранный Ересирх Николай рукою властно».

Среди фотографий Н. С. Лескова есть одна, которая интересна уже потому, что более других нравилась самому писателю. Снимок сделан, вероятно, весной 1884 года. На экземпляре, подаренном С. Н. Шубинскому, надпись: «29 апр<еля> 84 Спб. Доброму, испытанному другу Сергею Николаевичу Шубинскому Н. Лесков» и приписка: «Удачнее этого портрета с меня не было».

Среди фотографий Н. С. Лескова есть одна, которая интересна уже потому, что более других нравилась самому писателю. Снимок сделан, вероятно, весной 1884 года. На экземпляре, подаренном С. Н. Шубинскому, надпись: «29 апр<еля> 84 Спб. Доброму, испытанному другу Сергею Николаевичу Шубинскому Н. Лесков» и приписка: «Удачнее этого портрета с меня не было».

Публикация В. ТРОИЦКОГО, кандидата филологических наук.

ЛЕСКОВ И МИНАЕВ

Начало пути в литературе во всем обещало успех. Н. С. Лесков, «публицист обеих столиц», был замечен. Его корреспонденция начала 60-х годов, передовицы в газете «Северная пчела» вызвали отклики и споры в газетно-журнальном мире. В эти годы Лесков выступает в печати как публицист, очеркист, экономист, этнограф. В одной из самых злободневных статей этой поры, «О рабочем классе», он открыто провозглашал свою литературную программу: «Пора нам отвыкнуть от мысли, что предметом литературы является что-либо ОСОБЕННОЕ, а не то, что всегда перед глазами и от чего мы все страдаем прямо или косвенно». В эти годы молодой публицист собирался принять участие в издании артельного журнала «Век»; его талант отметил (хотя и не без некоторой доли извительности, которая более относилась к характеру умеренно-либеральной газеты «Северная пчела») автор «Внутреннего обозрения» журнала «Современник»...

К этому времени расширился круг петербургских знакомых, с одним из которых в начале 60-х годов Н. С. Лесков снялся вместе на фотографии. Снимок этот привлекает внимание многих посетителей Дома-музея Н. С. Лескова в Орле.

На фотографии — молодые Н. С. Лесков и Д. Д. Минаев, известный поэт-искровец. В артистических позах снявшихся угадывается легкий вызов и ирония заранее, вероятно, продумавших эту фотосценку друзей. Фотография

была хорошо известна современникам. Хранили такие снимки и Минаев с Лесковым.

Но... После полемических заостренных выступлений Лескова, его романов «Некуда» и «На ножах» и особенно после уничтожающего замечания Д. И. Писарева в статье «Прогулка по садам российской словесности» многие из прежних знакомцев Лескова и даже друзей отвернулись от него. В их числе был и Д. Д. Минаев, стыдившийся даже фотографии, на которой они снялись вместе.

Понадобились годы «облужданий» и возвращений, понадобились годы для понимания истинной гражданственности Лескова его современниками.

Незадолго до своей смерти Д. Д. Минаев, изменив свое отношение к Н. С. Лескову, прислал ему последний свой фотографический снимок со следующим стихотворением:

Тому назад лет двадцать пять
Снялись на карточке мы оба,
Хотя приятельская злоба
Меня старалась осмеять.
И снова, через четверть века,
Вполне успев тебя понять,
Как гражданина, человека,
Я сняться рад с тобой опять.

Л. КАМЫШАЛОВА,
научный сотрудник
Дома-музея Н. С. Лескова

Орел.

Из материалов, предназначенных для 95-го тома «Литературного наследства».

Дом Н. С. Лескова в Орле, где он жил с 1831 по 1839 год. ● Научные сотрудники музея Н. С. Лескова [слева направо]: Лариса Сергеевна Камышалова, Людмила Евгеньевна Уракова, директор музея Раиса Митрофановна Алексина, Людмила Николаевна Коньшева.

«В Туркменской ССР... продолжить строительство Каракумского канала. Ввести в эксплуатацию 90—93 тыс. гектаров орошаемых земель».

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

тоит заговорить о Средней Азии, как у иных людей, никогда там не бывавших, возникают в воображении экзотические картины... Кобра, вылезающая из-под койки геолога, пауки-каракурты, сражающие наповал могучих верблюдов, зыбучие барханы, поглощающие целые караваны... Ни о чем таком дикий человек не буду. Хочу просто рассказать о милом моему сердцу крае — об «азиатском Египте», туркменских сухих субтропиках, раскинувшихся в Приатрежье, в Мешед-Мессерианской долине. Эта долина, укрытая хребтами Копетдага, омываемая седым Каспием, как говорится, словно у бога за пазухой.

Наш вертолет держал путь в легенду, на юго-запад республики, где некогда благодаря мягкому климату зародилась одна из древнейших цивилизаций. На борту комфортабельного «МИ-8» нас трое — Владимир Николаевич Чавыкин, начальник технического управления «Главкаракумстрой», Владимир Аркадьевич Акопов, ведущий специалист проектного института «Туркменгипроводхоз», и я.

Слева тянулись пологие вершины Копетдага, справа в серой дымке затаилась пустыня, под нами голубая стрела Каракумского канала. Тот богат, у кого вода, — истина старая как мир. К рукотворной реке сбегали зеленые квадраты хлопковых полей, садов, виноградников, разливы желтого жнивья, а по серым лентам дорог давили машины с щедрыми дарами туркменского лета. Встречались отары пуливых овец, стада степенных верблюдов, табуны резвых коней, спешивших на водопой, к каналу, на его озера, поросшие камышом, тамариском, на озера, где и летом встречаются косяки диких уток, облюбовавших зеленое царство в Каракумах. Не чудо ли: перелетные птицы изменили свои извечные маршруты, чтобы «прописаться» здесь?

Не перестаю восхищаться животворящей силой воды, вдохнувшей жизнь в бесплодную землю, преобразившей мертвый, желтый цвет пустыни в живой, зеленый. А ведь всего несколько лет назад тут простиралась голая, иссушенная суховеями степь. Точно такая, какая лежит и сейчас за Кызыл-Арватом, где на тысячном километре обрывается пока лента Каракумского канала.

За Казанджиком вертолет взял курс вдоль долины, образованной хребтами Кюрендаг и Малые Балханы. Причудливые конусообразные красноватые взгорья сменяются фантастическим нагромождением потрескавшихся камней. Лунный пейзаж. Ни кустика, ни травинки.

— Отсюда, от Казанджика, возь-

мет начало юго-западный канал четвертой очереди Каракум-реки. Он приведет большую воду в субтропики. — Чавыкин, сидевший рядом со мной, нехотя оторвался от иллюминатора, видно, тоже зачарованный необычным зрелищем. — Правда, пока это на бумаге, по проекту. — Он шутиливо кивнул на Акопова, главного инженера проекта будущей стройки. — Одни на ватмане строят, другие на земле.

...Владимир Аркадьевич, с аккуратностью, свойственной проектировщикам, молча разворачивал чертежи, цветную карту, на его лице играла мягкая улыбка: он не стал «пикироваться» со своим тезкой и однокашником — лет двадцать назад учились они вместе в институте, на факультете гидрометеорологии. Только один из них стал специалистом по проектированию гидротехнических сооружений, а другой воплощает в жизнь замыслы товарища. Уж кто-кто, а Чавыкин знал, каково пришлось Акопову, когда он «на ватмане строил» сто восемьдесят километров будущей реки. Безлюдные места, проплывавшие внизу, Владимир Аркадьевич излазил вдоль и поперек — на машине, верблюде, а то и пешком, в летний зной и в зимнюю распутицу. Надо было исследовать не только водную трассу, но и будущую зону орошения, переворочить горы архивных материалов, встретиться со специалистами, учеными, даже с местными старожилами. Это поистине титанический труд, хотя на ватмане все кажется просто...

Владимир Аркадьевич, иногда косясь за борт, водил по карте пальцем, приводил технико-экономические показатели, сыпал цифрами, фактами... Беден Мешед-Мессериан влагой, зато это настоящий клад земель, пригодных для орошения: более миллиона гектаров. И главное, весь гигантский массив, орошавшийся в далеком прошлом, не требует планировки, эту работу за нас сделали наши предки. Земли древнего орошения продолжают сохранять в себе все ценные свойства, а потому осваиваются легче, чем такырные, и урожаи дают большие.

Диву даешься: ни века, ни песчаные смерчи, пронесшиеся над равниной, не разрушили структуры ее почв. Природа как бы накинула на Мессериан непромокаемый плащ, покрыв верхний слой земли плотной коркой, предохранившей ее от выветривания. Дай сюда воду, и земля родит ценнейшие сорта тонковолокнистого хлопка. Климат тут столь благодатный, что можно выращивать субтропические культуры, цитрусовые, даже сахарный тростник. Здесь самая теплая и короткая в

стране зима — почти 350 безморозных дней в году.

На карту, лежавшую перед нами, проектируемый канал нанесен извилистой красной чертой, с условными обозначениями — водохранилища, мосты, плотины... Голубым прямоугольником помечено Данатинское водохранилище, проплывшее за иллюминатором чуть заметной вытянувшейся впадиной.

Я взглянул вниз: пейзаж, унылый и серый, сменился вдруг зелеными островками — лужайки, ложбины, узкие суходолы, поросшие травой. В них скапливаются осадки, выпадающие здесь почаще и обильнее, чем в других районах Средней Азии. Мы летим над знаменитым Мешед-Мессерианским плато.

Приземляемся в Мадау, приютившимся у высокой песчаной гряды, где намечается строительство еще одного водохранилища. Едва спустились по трапу, видим, со всех сторон несутся к нам подростки, юноши, взрослые — на велосипедах, мотоциклах, мопедах, «Жигулях». Ребята настырно норовили заглянуть внутрь салона — до сих пор вертолеты им доводилось видеть лишь в воздухе.

Любопытствующих урезонил молодой мужчина, рослый человек — настоящий атлет. Знакомимся: учитель местной средней школы Алты Нуркулиев. Он пригласил нас к себе отдохнуть с дороги. Пока шли, вновь засеяло дождем, с Каспия повеяло прохладой.

В доме Алты разговор опять пошел о воде; кстати, чай, который мы пили, вскипячен из дождевой воды. Здесь дорожат каждой каплей влаги — в Мадау на семьдесят дворов один колодец.

— Мадау, словно в издевку, переводится «Хранилище воды», — усмехнулся Нуркулиев. — Когда-то, может, ее и было в избытке... Аульчане мечтают о большой воде. Стар и млад, все Приатрежье с нетерпением ждут прихода Ка-

ракум-канала. Приезжайте к нам весной, — прощаясь, приглашал учитель. — Шампиньоны тут отменные. В любое время года приезжайте. Летом у нас прохладно, зимой — тепло.

И вот мы снова над неоглядными просторами Мессериана. Развалины городов, поселений, замков, цитаделей, караван-сараяв... Эта степь видела людей эпохи поздней бронзы и раннего железа, слышала поступь античных центуристов. Тут жили народы высокой культуры, соперничавшие с Римом, отважившиеся скрепить мечи с непобедимыми легионами Александра Македонского.

Мешед-Мессериан — столица Дахистана, или Дехистана, страны дахов, воинственных скифских племен, — возник в начале II века. Дахи занимали всю территорию южной Туркмении. Страна дахов процветала до VIII столетия, пока ее не разорили завоеватели.

Пролетая над дельтой Сумбара и Атрека, видим, как по ней веером расходятся древняя ирригационная сеть. В районе Чата, где сливаются эти реки, когда-то был огромный каменный акведук. Вблизи городища Мессериана обнаружили древний шлюз-регулятор, пропускавший до одного кубометра воды в секунду: стояло получать каких-то тридцать лет назад многотысячный Ашхабад.

Но откуда же брали воду древние дахи? Одни ученые утверждают: ют: из Сумбара и Атрека, в ту пору полноводных. Другие считают, что наши предки умели строить крупные водохранилища, способные улавливать большие количества селевых вод. Пусть спор решают исследователи — им виднее. Однако доказано самое важное — в этом краю история поливного земледелия насчитывает четыре тысячелетия. Археологи отыскали здесь древние зерна риса и пшеницы. Равнина, по которой проходили караванные пути из Индии, Китая, Египта, была богатой хлебной житницей.

Подлетаем и развалинам Мешед-Мессериана. Средневековые путешественники красочно описывают, какой неповторимо красивой была столица древнего Дахистана, занимавшая около двухсот гектаров. И сейчас город зримо хранит следы былого величия.

С волнением ходили мы по развалинам древнего городища, по его крепостным валам, взбирались на цитадели с сохранившимися бойницами, любовались минаретами, выложенными из звонкого кирпича, не могли наглядеть-

Древние минареты и портал мечети.

Фото С. Корытникова

Рахим ЭСЕНОВ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

СУХИЕ

ся на могучий портал мечети с прекрасной узорчатой цветной вязью. Видели мы и следы трудов археологов, которые раскопали жилища, ритуальные помещения, колодцы, искусно выложенные кирпичом. А в школьном музее села Мадау нам показали гончарные изделия, украшенные орнаментом, божков, светильники, причудливые стеклянные сосуды, серебряные и бронзовые монеты, найденные на Мессериане. Мастерством своих ремесленников-оружейников, ювелиров, металлостов, гончаров, чеканщиков славился этот древний город.

Мы с легкой грустью покидали Мешед-Мессериан, кто-то бросил в гулкую пустоту древнего колодца монету. Надо было спешить обратно, чтобы засветло вернуться в Ашхабад.

Вскоре я вновь побывал в Приатречье. Два здешних района — Кизыл-Атрекский и Гасан-Кулийский издавна занимают животноводство и растениеводство. Местное растениеводство (за исключением богарного зерноводства) — убыточное. Причиной всему — безводье. Зато животноводство, особенно каракульское, прибыльно, и даже покрывает убытки растениеводства. Однако животноводам тоже достается, особенно в год засушливый, когда воду приходится доставлять на отгонные пастбища. Разумеется, влетает такой водопой в копеечку — кубометр влаги стоит девять рублей, потому и себестоимость продукции высока. Ни три водохранилища, собирающие все вместе лишь 30 миллионов кубометров влаги, ни пробуренные скважины не могут утолить жажды сухих субтропиков, где всего-то орошается шесть тысяч гектаров...

Тридцать с лишним лет назад в долине реки Атрек была создана опытная станция субтропических культур.

Вместе с Союзом Баллыевым, директором станции, мы ходили вдоль рядов вечнозеленых кипарисов, олив, любовались огненными шарами гранатов, увесистыми гроздьями винограда, щедро уродившимися миндалем, инжиром, финиковыми пальмами. Кстати, в Советском Союзе финиковые пальмы плодоносят только здесь. За тридцать лет ученые убедительно доказали, что на туркменской земле можно возделывать ценнейшие субтропические культуры. И, конечно, хлопчатник, причем отменные тонковолокнистые сорта, урожайность которых на опытном поле составляет 30—33 центнера с гектара!

Доказано, что в Приатречье только за счет повышения сортности хлопчатника можно каждый год получать дополнительно около 60 миллионов рублей дохода. Установлена и весьма существенная закономерность — по мере продвижения посевов хлопчатника на запад улучшается качество волокна, заметно возрастает выход первого сорта. Туркмения — родина тонковолокнистого хлоп-

чатника и в то же время одна из ведущих в стране республик по производству этой ценной технической культуры. Выгода от тонковолокнистых сортов неоспорима: тканей из него изготавливают в полтора раза больше, чем из средневолокнистого, да и качество их гораздо лучше. Словом, все говорит за то, что надо вести на юго-запад амударьинскую воду.

— Не земля родит, а вода. — Союз Баллыев словно читал мои мысли. — Будь ее вдоволь, зеленеть бы по Приатречью оливковыми рощам. Маслине цены нет! Это не только прованское масло, но и бальзам от многих недугов. Еще Авиценна больных лечил. Мы выявили сорта оливок, приспособленные к местным условиям, высокоурожайные. В позапрошлом году сдали 56 тонн маслин. Изучили миндаль, гранаты, многие их сорта уже давно плодоносят в садах колхозов и совхозов юго-запада. Доказано, что здесь прекрасно возделываются цитрусовые. Успешно выдержали экзамен наши сорта винограда, яблоны, груши, айвы, персики, хурмы, абрикосов, черешен. Кроме того, на станции испытывалось более трехсот видов древесных и кустарниковых растений не только для украшения городов и поселков, но и для защиты полей и пастбищ от губительных суховея. Рекомендовали мы производству сосну эльдарскую, тую восточную, эвкалипт, пальму финик канарский, кипарисы...

Итак, сделано уже многое — подготовлены конкретные рекомендации для наиболее рационального использования новых орошаемых площадей, разработана технология возделывания пока еще непривычных для этих мест растений. Выходит, дело только за водой. Надо вести сюда канал.

— Проектировщики предлагают на первом этапе оросить тридцать четыре тысячи гектаров, создать четыре хлопководческих и два субтропических совхоза, — рассказывал начальник Главкаракум-строя, депутат Верховного Совета СССР Ата Чарыев. — Сооружение новой водной магистрали обойдется не дороже уже построенных. Канал будет самотечным и не потребует мощных насосных станций, электроэнергии для подачи на поля воды. И на планировку затраты будут минимальными — Мессериан ровен, как гигантский стол.

Не за горами время, когда вода Амударьи придет в субтропики. Но все ли готово тут к ее приходу? Рачительный хозяин разбивает сад прежде, чем строит дом. Пока возведет жилье, глядишь, уже деревья плодоносят.

— К сожалению, такая забота о субтропиках пока не проявляется, — с огорчением говорит заместитель директора Туркменского НИИ земледелия, кандидат биологических наук Р. В. Кошелева. — Уже в 1981 году Казанджик ожидает прихода амударьинской воды. Оттуда недалеко и до юго-запада. А посадочный ма-

териал пока не готов. Например, олива растет медленно, значит, уже давно пора создать в Кизыл-Атреке специализированный плододопитомник. У объединения «Туркменплодоовощпром» в Кара-Кале плододопитомник есть, но там из культур субтропических размножают только гранаты...

Кстати, в технико-экономическом обосновании строительства канала приводятся расчеты на создание 184-гектарного питомника, который должен вырастить 8 миллионов саженцев субтропических культур и винограда. Только с таким количеством посадочного материала можно обеспечить рациональное использование ценнейших земель. Но когда в субтропики придет вода, не поздно-ли будет?

И еще: со временем субтропики станут снабжать фруктами города и рабочие поселки западной Туркмении. Возможно, эта благодатная долина когда-то и будет садом всесоюзного значения. Так почему бы часть плодов не перерабатывать на месте? Сейчас в республике всего четыре мало-мощных фруктовоконсервных заводов, но и их продукция далеко не субтропическая. Почему бы уже сейчас не построить в Кизыл-Атреке опытный цех по переработке маслин, чтобы затем на его базе создать завод по консервированию субтропических культур? Работникам опытной станции приходится отвозить урожай маслин на завод за пятьсот километров.

...Мы ходили по опытным делянкам станции, и мне представлялось, что такими же стройными рядами раскинутся в Приатречье массивы оливковых рощ, зацветет миндаль, станут плодоносить финиковые пальмы. И долину преобразит не только вода, но и человеческий ум, энтузиазм.

Об этом мы говорили с Союзом Баллыевым, ехавшим вместе со мною — ему надо было по делам в Ашхабад.

По дороге мы останавливались у древних крепостей Рустем-кала, Йыланлы, бродили по заброшенным кладбищам, пытаясь прочесть эпитафии на иссеченных дождями и ветрами могилах камнях. В этом крае более ста уникальных исторических памятников. К сожалению, все они дышат на ладан, их никогда не касалась рука реставратора. Может быть, с приходом Каракум-реки творения древних зодчих станут ближе к Ашхабаду, и их еще удастся сохранить.

...Ведомо ли вам чувство, когда вроде все знакомо — я здесь бывал и прежде, — но настроение такое, словно все вижу впервые. Поражаюсь филигранной кладке портала мечети Мессериана, глазурированной вязью которой изумрудом переливается на солнце, будто только вышла из-под кисти мастера. А вот этой древней арке, опоясывающей могучий стан минарета, по крайней мере лет восемьсот, не взяла ее века, не источили прожорливые термиты. Под ногами — узорчатые черепки древних кушинов, какие-то необычные квадратные кирпичи. На них пыль веков, от них веет таинством далекой истории, хранящей в себе колдовское очарование. Но поче-

Ветка оливы.

му я все-таки волнуюсь! Может, оттого, что вспомнил народное предание, будто в этих местах похоронен легендарный герой восточного эпоса «Героглы» и в одной могиле с ним покоится его крылатый Гырат — конь-ветер. И Союз меня уверял, что его отец сам видел надгробный памятник с изображением лошади. А ведь и великий Махтумкули Фраги тоже родом из этих мест. Я невольно огляделся по сторонам, будто хотел увидеть следы, оставленные им на этой земле.

Слева от мавзолея вилась дорога, по которой в древности путники следовали в далекую Хиву. Наверное, по ней шагали и юный Махтумкули в знаменитое медресе Ширгази. Кто знает, может, Фраги и отдыхал на этих древних валах, обдумывая здесь свои гениальные творения. В Индии и Азербайджане, в Персии и Афганистане великий сын своего народа тосковал о родине — о Дехистане.

Мне родимые холмы.
Дехистан увидеть хочется.

Это Союз Баллыев читает стихи Махтумкули, затем он запел негромко, потом снова перешел на стихи — классиков, современных туркменских поэтов, свои. Как же я мог забыть, что ботаник Баллыев — поэт! Его имя нередко встречается на страницах местных газет. А сейчас он подготовил к изданию свой новый поэтический сборник.

Так незаметно, с песней и стихами, мы добрались до Казанджика. Под Кизыл-Арватом гидростроители прокладывали русло Каракумского канала. Отсюда взял начало и мощный трубопровод, который доставит воду в Небит-Даг, столицу туркменских нефтяников. Пустыня жила своей жизнью. Пчеловоды грузили ульи на машины — отцвела медоносная верблюжья колючка, и пчелы переезжали на новые «квартиры» — на цветущие хлопковые поля, люцерники. По автодороге сновали машины, они везли нефтяникам и химикам овощи, фрукты, выращенные в зоне канала. И чем ближе к Каракум-реке, тем жизнь становилась заметней и хлопотливей. Что ж, оно и понятно — вода в пустыне это и есть жизнь.

УБТРОПИКИ

Мастер—золотые руки В. Л. Киселев.

Н О В О Е В

Бригадир, Герой Социалистического Труда М. А. Боголюбова принимает юных гостей комбината в музее Трудовой славы.

Н. БЫКОВ

Фото М. САВИНА

Отделать под орех — кого из строителей или новоселов не посещала эта заветная мечта. А под дуб не желаете? Даже под мореный можно... Да где их нынче взять, орех тот или мореный дуб, — размах строительства жилья, культурно-общественных и спортивных центров таков, что никаких дубовых или ореховых рощ на планете не хватает. А хочется «под орех»... И потребители — строители и новоселы — получают требуемое. К их услугам — индустрия комфорта! Стоит только раскатать рулон декоративной отделочной пленки из — простите за инопланетный язык органической химии — из пластифицированного поливинилхлорида... и пред вами полированная поверхность дуба, ореха, вяза со всеми присущими этим породам сучками и задоринками. Но — по порядку.

Центр индустрии комфорта волею судеб и страстной целенаправленной деятельности энтузиастов-специалистов по строительной синтетике и эстетике возник и упрочился в Мытищах под Москвой. О прошлом нынешнего производственного объединения «Мосстройпластмасс» напоминает лишь адрес: Мытищи, улица Силикатная. Да, кирпич, чуть позже силикат были когда-то почти единственной продукцией завода в Мытищах. Глина, песок, известь. Копай, замешивай, обжигай. Быстрее, еще быстрее — страна нуждалась, всегда нуждалась в строительных материалах.

Но с годами с ростом потребностей и вкуса заказчиков на улице Силикатной поселилась волшебница синтетика. И началось: пенопласт, пластик, линолеум, пленка самоклеящаяся декоративная, полиэтиленовые меш-

Оператор В. Б. Афонин и технолог Н. И. Винская с эскизом рисунка для нового линолеума.

МЫТИЩАХ

Елена Панова с готовой продукцией.

ки и амфоры, «полидекор» и «полиформ», «герлен» и тафтинг-ковер, а еще ковроплен... Глаза у строителей разбегаются, а уж о новоселах и говорить нечего. Мы привыкли к отделке салонов, лифтов, арен, холлов, которую называют современной. А ведь все это химия, синтетика, продукция волшебников из Мытищ. Свыше ста видов полимерных материалов получают сегодня от них строители нашего жилья, культурных и промышленных зданий. Широкий ассортимент, но требования к отделке и отделочникам прямо-таки ужесточаются. И со стороны все более культурных заказчиков, которые хотят делать свое дело в атмосфере элегантных кабинетов, лабораторий, и со стороны домохозяек, которые потрясаясь осведомлены в открытиях химиков-органиков и вообще хотят «жить красиво» — можно, кстати, без кавычек. Индустрия комфорта на то и создана в Мытищах, чтобы люди жили именно красиво — красотой окружаемые!

Когда этот номер выйдет в свет, в торговую сеть поступит новинка: цветные виниловые обои с широким выбором прекрасных рисунков. Это подарок партийному съезду. К дню открытия на головном предприятии объединения «Мосстройпластмасс» смонтировали, отладили, пустили универсальную автоматизированную линию. Нескончаемая лента — шириной в два метра — поливинилхлоридного линолеума со вспененным слоем и декоративным покрытием. Таков уж язык эпохи синтетики! Новый вид линолеума не просто отделочный материал, но и теплый; он заметно улучшает звуковую изоляцию, очень красив. Печатные рисунки имитируют натертый паркет. Богато и рельефное тиснение...

Линия, которой отдано столько сил, вре-

Новые Мытищи.

Любимое место отдыха.

Аккумулятор здоровья — профилакторий.

В тиши библиотеки.

мени, конструктивной выдумки, универсальна,—благодаря умению и энтузиазму специально созданной инициативной группы она претерпела модернизацию уже по ходу ее монтажа. И теперь способна выпускать еще и небумажные обои. Такие обои — мечта любой хозяйки. Они моющиеся. Их можно не только протирать влажной тряпочкой, но запросто помыть. А рисунки — листаешь альбом образов и попадаешь то в осенний лес с золотой листвой, то в межзвездное пространство, то в мир забавных игрушечных зверей, то каких-то наяд и златоволосых русалок... И такие обои, каким нет еще названия (конкурс в коллективе давно объявлен), станут одевать стены новых квартир. Понятно, потребуется время, чтобы щедрая автоматическая линия удовлетворила желание если не всех, то многих и многих нетерпеливых домохозяек и понимающих толк в бытовой эстетике отцов семейств...

Сейчас, в канун съезда партии, в ордена Трудового Красного Знамени объединении «Мосстройпластмасс» с гордостью произносятся имена победителей социалистического соревнования, выполнивших личные обязательства: мастер Владимир Михайлович Брыкин, оператор печатной машины Вячеслав Борисович Афонин, технолог Нина Ивановна Винская, строитель с первого дня Вячеслав Петрович Санферов, энергетик Вадим Георгиевич Дмитричев, заместитель главного инженера по внедрению новой технологии Владимир Яковлевич Пороцкий, мытищинский «Левша» — слесарь-инструментальщик Виктор Леонидович Киселев...

Два микрона — предел колебания толщины самоклеящейся пленки. Это вам не кирпич... «Сварить», составить клей — проблема, да еще какая. И в какой бы цех ни зашел — повсюду царит аптекарская точность в движениях рабочих. Люди знают, что в эпоху синтетики есть один нелицеприятный контролер — эталон мирового стандарта. Вот и пошли мытищинцы на творческий спор, на конкуренцию с зарубежными фирмами. Пятнадцать институтов помогают объединению решать проблемы, связанные только с разработкой аналогов зарубежного сырья.

Объединение выполнило пятилетку с лихвой — это определяет отличное настроение в коллективе перед XXVI съездом КПСС. Почти в полтора раза возрос объем производства — прекрасный трудовой финиш. Большой энтузиаст всего нового и стратег индустрии комфорта — Григорий Иосифович Зохин, генеральный директор производственного объединения «Мосстройпластмасс», заслуженный строитель республики, лауреат Государственной премии СССР. Мощное современное объединение многих заводов полимерных стройматериалов — его детище в буквальном смысле, а ведь неугомонному Григорию Иосифовичу считай что семьдесят лет. Но он весь в буднях одиннадцатой пятилетки:

— В нынешнем году дадим продукции на сорок миллионов рублей, в том числе пять миллионов квадратных метров декоративного линолеума на вспененной основе — это вместо полутора миллионов прежнего...

Генеральный директор рассказал, что внедрена технология столь долгожданного труднотогощаемого пластика для отделки, например, кинозалов, спортивных залов, гостиниц. Теперь каждый год строители будут получать не менее двух миллионов квадратных метров этого огнестойкого пластика. Велик еще спрос и на дефицитную декоративную самоклеящуюся пленку, однако ее будет с каждым днем больше — проектная мощность завода уже сегодня стараниями рационализаторов и конструкторов перекрыта более чем вдвое! И еще одна новинка — в годы одиннадцатой пятилетки в Павшине поднимутся цеха нового комбината, который вместо отжившей свой век сухой штукатурки будет выдавать гипсовые панели «декорт». Это желанный подарок строителям. Декоративные, конструктивные, армированные, звуконепроницаемые, теплоудерживающие — что еще? Как воскликнул генеральный директор, долой мокрые процессы при штукатурке! Долой штукатурные ручные работы! Смерть звуку, который нынче гуляет сквозь стены квартир! И да здравствует заводской способ строительства!

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Д. МОРДВИНОВА

Нина ВЕЛЕХОВА

Тысяча девятьсот двадцать пятый год. Еще мало известный режиссер Юрий Завадский объявляет набор актеров в свою студию. На экзамен приходит молодой волжанин — рослый, широкоплечий, черноглазый. Называет себя: Николай Мордвинов. Держится строго, замкнут. Одет, как все в те годы, крайне скромно. Комиссия просит Мордвинова прочитать то, что он приготовил.

Абитуриент выходит на середину зала, вернее, холодного полупустого помещения, несколько напоминающего заброшенный сарай, — и читает. Члены комиссии к нему не расположены. Говорят, что читает плохо, с избытком пафоса. И стихи им не нравятся — не первого порядка. Но Завадский предлагает «провалившемуся» остаться после экзамена; у него в руках книжка «Макар Чудра» Горького, он протягивает ее Мордвинову: «Читайте это». И вдруг Мордвинов, взглянув в книгу, запекает! Поет он удивительно — не в эстрадной и не в камерной манере: так поют в степи, так поют цыгане, пересекая просторы долгими дорогами. Голос звучит мощно, заполняя высоту и как будто изгоняя из холодного дома леденящий воздух. Завадский не останавливает черноглазого певца, слушает. Поражен. Пение вдруг обрывается и переходит в сильную, волевою, напряженно-страстную речь — речь Макара Чудры.

Не знаю, как читал тогда Мордвинов эту легенду о Лойко Зобаре, убившем любимую им Радду. Но когда слушаешь теперь ее запись, сделанную много позднее, испытываешь прежде всего удивление перед натиском темперамента, перед атакой чувств актера. В них и глубокая сила сожаления, и сочувствие, и вместе с тем — осуждение жестокости, бесчеловечной гордости, погубившей самих героев. Макар Чудра в этом чтении становится центром произведения, оттесняя и Лойко и Радду.

Талант актера не вошел, а именно ворвался в молодой советский театр (хотя сам актер был человеком отнюдь не воинственного характера), он сразу дал о себе знать силой и яркостью духовного пламени. Конечно, Завадский интуитивно понял, почувствовал это и ввел молодого Мордвинова в свою студию, а затем посвятил его и в свои замыслы. Мордвинов стал актером студии и ее главной опорой. И хотя здесь было немало талантливых молодых сил, Мордвинов был уникален. Повторить его, заменить его не смог бы никто. Первая же роль — белогвардейский офицер Соболевский в «Рассказе о простой вещи» Б. Лавренева — доказала его дар овладевать зрительским вниманием и чувствами. В сцене допроса в контрразведке на одном из спектаклей на сцену бросился из зала человек с наганом, поверивший в реальность того, кого играл Мордвинов... Да, Мордвинов играл, как те легендарные актеры, которыми крепка любовь народа к театру, но он был при этом совершенно, абсолютно современен. Зрители окружали его обожанием, товарищи уважали и любили. Да он и сам был редким товарищем для всех.

Театр-студия играла на Сретенке, в подвальчике Пименовского переулка... Потом театр уехал в Ростов-на-Дону. Николай Дмитриевич Мордвинов никогда не оставлял свою труппу,

АКТЕР

как бы ни менялись ее состав, название и место, куда бы ни бросала судьба...

Мордвинова все любили в Москве и полюбили в Ростове. Мордвинов на сцене не признавал полчуства, не терпел будничных красок, заурядности и холодноватой температуры, ненавидел мещанство и мелочность душ на сцене и в жизни. Вел за собой зрителя в мир поэзии, фантазии, насыщенной художественной атмосферы, огромных конфликтов. Идеалом для него был Микеланджело с его титанической духовной силой. Таким же мыслил себе Мордвинов настоящего актера. Сам он отличался мощным темпераментом, прекрасно развитой пластичностью движений, могучим голосом, неожиданностью, легкостью переходов из одного состояния в другое. Он мог пересечь сцену в одно мгновение, мог прыгнуть, сгруппировавшись, как молодой барс. Так он прыгал из окна на стол, появляясь в доме своего умершего отца в одной из сцен спектакля «Ученик дьявола»... Лицо его ежесекундно менялось, отражая внутренний огонь, покоряя выразительностью и яркой резкой силой, с которой он проводил каждый акт спектакля.

Мордвинов будто не чувствовал усталости — вел спектакль всегда на повышение темпа, к высшей точке напряжения.

Было время, когда драматурги несли пьесы в этот театр именно для Мордвинова. Режиссеры звали Мордвинова в свои театры, а кино предлагало ему сценарии. Он играл, поднимая на уровень больших коллизий и Огнев в «Фронте», и Григория Котовского в фильме «Котовский», цыгана Юдко в «Последнем таборе» и секретаря горкома Петрова в пьесе «В одном городе», Ваграма, героя гражданской войны. В последние же свои годы — рабочего Забродина в пьесе Штока «Ленинградский проспект» и многие другие роли.

Художника всегда хвалят за то, что он не удовлетворен достигнутым, но вряд ли кто-нибудь мог превзойти в этом Мордвинова. После смерти остались его дневники. Записи в них представляют собой сплошную цепь исканий совершенства во всем — даже в том, что уже было сделано, одобрено, собрало потоки зрителей. Сколько лет перед каждым спектаклем «Отелло» Мордвинов обсуждает в записях сам с собой свою работу? Год, два? Нет. Двадцать два года играя Отелло, он терзает себя новыми и новыми исканиями мотивов, мыслей, решений, способов проникновения в душу образа, казалось бы, давно завершенного, отшлифованного во всех деталях. Двадцать два года он отдает своему Отелло без всякой бережливости весь запас душевных сил, но ему все кажется, что сделано мало. Сколько раз его сердце вместе с сердцем Отелло почти переставало биться. Не от этого ли оно в конце концов слишком рано застыло навсегда...

— Он был трагиком, — говорил о нем Юрий Александрович Завадский, — а это мало кто может.

Мордвинов умел — и любил — разгадывать то, что трудно постижимо. Например, такие сложнейшие художественные фигуры, как Арбенин в лермонтовском «Маскараде». Снявшись в этой роли в кино, он заново готовит Арбенина, когда Завадский решает поставить «Маскарад» в Театре имени Моссовета. Совершенно потрясенным был финал этого спектакля, когда Арбенин, поняв всю меру своего заблуждения и ужас вины, бросал свое проклятие богу: «Я говорил тебе, что ты жесток!»

Действительно, мало кто смог бы решить это так, как Мордвинов...

Мордвинов в роли Арбенина.

Фото В. Петрусовой

У Мордвинова была редкая любовь к слову: он чувствовал глубину и многогранность тающей в нем мысли. Потому он особенно любил стих и знал — опять же один из немногих, — как играть спектакль в стихах, роль, написанную стихами. При этом Лермонтов был его главной любовью. Актер понял и еще более сложное — конфликт лермонтовского Демона. Эту поэму он читал с эстрады.

Проникнуть в замысел «Демона» нелегко. Еще труднее воплотить этот загадочный образ. Мордвинов же в противоречиях Демона увидел противоречия реальные. Он увидел душевные борения лермонтовского человека, двойника самого поэта, который восстает против бога, против несовершенства мироздания, отрекаясь от дара жизни, если эта жизнь так дурна и обманчива, какой открылась она великому русскому поэту.

Мордвинов в чтении увлекал своей способностью создавать картины для нашего умственного и духовного зрения. Он как будто выпускал на волю образы, закованные в книге стихов или прозы. Себя он не демонстрировал: он становился тем, о ком читал. И такая

реалистическая точность была у Мордвинова, когда он живописал словом быт Кавказа, сборы к свадьбе, путь жениха Тамары в дом Гудала, его гибель на всем скаку от предательской пули!

И какой при этом диапазон душевных актерских красок, если после «Демона» актер перебрасывал нас в совершенно иные стихии человеческой жизни, когда начинали звучать строки «Песни про купца Калашникова». Виртуозно разрабатывал Мордвинов картину Московской Руси, жестокий характер царя-деспота, которому подвластны и жизнь и смерть человека. И лермонтовская мысль о добре и зле, о праве и бесправии, о безответных людях, протестующих своей смертью против несправедливости, объединяла всю поэму, а гуслар становился лирическим героем поэмы.

Мордвинов и здесь замечательно пел, неизменно как постигнув совершенно забытый, уникальный стиль гусларской запевки: может быть, изучал ее у специалиста, а может быть, истинному дарованию открыта тайна искусства прошлого, — кто знает...

Он любил природу и любил русскую песню за то, как она наполнена природой, дышит ею. И не случайно именно ему пришлось играть в радиоспектакле Василия Андреева — известного собирателя народной музыки, композитора с глубочайшей страстью к русской музыке. В финале Мордвинов пел под оркестр «Дубинушку». В студии до сих пор рассказывают, что во время записи, когда Мордвинов окончил песню, все оркестранты радиокомитета, аккомпанировавшие ему, встали и молча, не сговариваясь, по зову души, долго аплодировали необыкновенному артисту.

Смотреть его на сцене было радостью. В чем бы он ни играл, он никогда не играл плохо. Никогда не играл «средне». Ему подвластны были и темные страсти и глубокие падения человеческого духа. Как же бы иначе он мог сыграть продавшего свою совесть Михаила Ярового, бывшего эсера, запутавшегося в им же расставленных сетях... Любовь Яровую играла Вера Петровна Марецкая, его постоянная партнерша. Мордвинов придумал выразительную деталь для облика Ярового — неподвижная рука, которая ему не повиновалась, мертво повисала вдоль тела. И была эта рука в черной перчатке. Казалось, что это — начало омертвения.

А ведь был яростный и комический дар Мордвинова и его острый сарказм. Как громогласно хохотал его ренессансный Петруччо в «Укрощении строптивой», как весело торжествовал он свою победу над Катариной — В. Марецкой и как добродушно соглашался со своим подчинением ей.

Но, вспомнив эту роль, ее солнечный колорит, выводишь в светлую полосу памяти другого пленника проснувшегося чувства: усатого Кавалера ди Рипафратты из «Трактирщицы», объединенного Мирандолиной вокруг пальца и оставленного с носом... Веселую, умную, кокетливую Мирандолину играла тоже Вера Петровна Марецкая.

Мордвинов владел многими дарами сцены, как художник владеет красками и светотенью, как музыкант — мелодией. Он был частью большой театральной эпохи. И потому перед умственным взором тех, кто видел артиста, будет еще долго витать его дух, воплощенный в сотни бесконечно разноликих образов. Я вспоминаю истину, гласящую, что суть творчества — самоотдача. Лучшего определения для личности Мордвинова не найти. Он был из тех актеров, которые жаждут воплощения своего дара, своих чувств, мыслей, жизненной силы... Потому они и остаются вне забвения. Остаются бессмертными.

БУРИ И НАТИСКА

Ш Л А В Н И

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

До крупной «сушки», где разместился штаб полка, полоска дороги в камышах была смесью воды и грязи. По этой полоске, чмокая сапогами, два солдата тащили носилки с Пышкиным, а тот не открывал глаз, снова напрочь был без сознания, но дышал. Ася часто проверяла это, догоняя носилки, вытирала Пышкину лоб и мячики подбородков, из которых одна была кроваво-рассечена дочерна. Однажды она сделала Пышкину укол кофеина, как велел военфельдшер, когда показалось, что сердце у раненого пропало, не вынеса этой дороги, по которой даже кухни сюда не доезжали.

Поначалу, еще весной, три храбрых грузовика, спутав плавни с распутицей, словно бы зажмурились, ринулись вперед напропалую, но превратились, и то ненадолго, лишь в площадки для передышки, где можно было посидеть подносчикам, вваливавшим на свои горбы боезапас и термосы с едой. Какое-то время поторчали под солнцем три кузова с откинутыми бортами, опустившись в топь как раз настолько, что залезать не надо, просто присаживаясь и кури, но после первого же майского ливня из диких, рычащих туч не стало видно ни кузовов, ни даже крыш от кабин. И подносчики если и устраивали короткие перекуры, то уже на ногах.

Два солдата несли Пышкина, не отдыхая.

В районе полкового медпункта Асю ждала подвода. Стали быстрее отставать не только гнилые испарения, в которых таяла земля, но даже и комары, различные теперь поодиночке. А ведь там они отовсюду сыпались на тебя крупной, как манна небесная! На ветру, не процеженном камышами, непривычно высохла гимнастерка. А там, в плавнях, ткань, напитавшись парами болота, не бывала сухой. И ни могил, и ни следа, одна вода, одна вода...

В станицу, казалось, въедут, едва отгорит закат, но въехали далеко за полночь, на отвердевшей дороге ездовой удерживал коней от торопливого шага: берег Пышкина. Сдала его Ася в медсанбат живого, он стонал, когда снимали с подводы, но ни одного слова так и не сказал. Романенко через военфельдшера передал Асе, чтобы расспросила об Агееве и Марасуле. Кого? И как? Почему-то скорее захотелось увидеть Зотова, и на улице она даже сказала ездовому:

— Теперь можно подогнать!

Двор слепого старика она знала, жила там с комбатом в сарайчике, затиснутом в угол и полном запаха здешних луговых цветов, лезущего во все щели. А еще быстрее она нашла двор по кроватной спинке, державшейся вместо калитки за тонкие железные трубы на краю дороги. Ни дома, ни сарайчика уже не было — все сгорело, Ася поняла это в темноте, когда прошлась по золе. Сле-

пого старика тоже не было. Но из темноты вдруг спросил голос, прозвучавший с соседнего крыльца:

— Кто там шастает?

И хотя голос звучал ворчливо, будто сонный хуторянин выбрался на ступени, Ася сразу узнала его и откликнулась:

— Это я, Лаврухин!

И голос тотчас стал ласковым:

— Панкова! Здорово! — и уже подходя, поинтересовался: — Что у нас там нового?

— Агеева убили.

— Е-мое!

— И Марасула.

— Вместе? Где?

— В разведке.

— Хотя бы уж скорее твердая земля...

— Будто там убивать не будут!

— А все же! Проводить к нашим?

— Нет! — вдруг запротестовала Ася. — Помоги ездовому, чтобы в канаву не завернул. И заberi его с собой. А я тут переночую, во дворе, на подводе. Жарко.

— Тепло, конечно, — согласился Лаврухин.

— А где они?

— Лейтенант?

— Нет, все. В доме?

— Тут их нет. Наши дальше. А я бревна караулю, вон, на золе. Заготовили. Завтра шабашим.

Почему же она отказалась от немедленной встречи с Зотовым, с Пашей? Свернувшись калачиком под плащ-палаткой и уложив под голову ватник, который принес ей заботливый Лаврухин, она долго не могла объяснить чувства, похожего на испуг, хотя потом поняла: ближе встреча, ближе и разлука, встреча — на минуты, а разлука — навсегда, вот и не хотела. Понять нетрудно, если упростить. Надо все безжалостно и бесстрашно упростить.

Недавно она укоряла про себя комбата за то, что он часто и быстро говорит: «Понятно». А он и прав. Все проще, чем мы выдумываем. Какая еще любовь? Откуда он ее взял, этот мальчик? Ася, и правда, чувствовала себя гораздо старше Зотова и уже понимала, что на свете все проще. Думая так, Ася становилась сильнее, ближе к привычной отрешенности от немислимых и ненужных забот, от всего, что мешало делать свое дело, есть и спать. В дни работы в госпитале, а потом и на земле, называемой полем боя, Асю учили за всем видеть жизнь, пахнущую теплом, хлебом и обязательно радостями. И за последними глотками воздуха, который втягивали в себя раненые, умирая на ее руках, и за обугленным камнем домов, от многих из которых остались лишь печные трубы, покрытые языками копоти, и за обгорелыми вишнями, которые когда-то цвели невинными белыми лепестками.

Эта жизнь была лишь в воображении, а воображение уставало, как устала сегодня она сама, и недаром ей давно казалось, что душа покинула этот мир...

6

Разбудила Асю заря, которая на стыке воды со степью была голубей, чем всюду.

Ася сама взнуздала коней, чему весело научилась девчонкой, во время командировок с песнями на урожай, и пустила своих отдохнувших сивок чуть ли не галопом по станичным улицам. Через полчаса подвода была уже завалена медсредствами, пакетами и бинтами в мешках. Неожиданно ее охватила злоба на одну себя. Она все делала, чтобы оттянуть встречу с Зотовым, а ничего не могла сделать. Деться некуда. А если не встречаться, и все? Да, не встречаться! Поехала!

— Куда спешишь? — спросил Лаврухин, когда она попросила разбудить ездового.

— Домой.

— Не пустим одну. Нет! Вдруг застрянешь и будешь маяться, пока помогут. С нами поедешь.

— У меня ездовой!

— Дай ему поспать. И коней не гоняй. Наши далековато, но не так уж, чтоб ехать. Сейчас попросим посмотреть за твоим грузом и — шагом арш!

Если бы не Лаврухин, она и впрямь уехала бы. Ни за что не пришла бы сюда, где заставила себя продирать глаза сквозь боль и тоску. Дом, на котором, видно, когда-то густо селились птицы, еле сдерживал от падения почерневшие стены, а крыши не было. Только на дальнем углу висело ее рваное крыло. Поэтому и гнезда, прилепившиеся к верхним краям стен, обнажились. На задворках косилась сараюшка, точь-в-точь как у слепого старика, который пропал. И возле нее странное дерево, прочно запаканное в сухую корку с трещинками, тем не менее развесило вокруг себя кучи мелких листьев.

— Там, — показал Лаврухин на сараюшку. Всю дорогу она пыталась вооружиться ненавистью к этому лейтенанту — за ложь, за неуместную правду, чтобы найти в себе хоть какую-то опору, но пришла невооруженной. Тронула и рванула дверь сараюшки. Думалось, как все косые двери, и эта отойдет лишь чуточку, а она вся распахнулась и оставила ее у порожка, высвеченной утренним солнцем. Зотов, протиравший лохматой тряпкой сапоги, распрямился и ахнул, вернее, глаза его ахнули, потому что сам он молчал.

С детских лет он считал себя человеком, принимающим решения один раз. Он не вслушивался в беседы, возникавшие иногда, но краем уха невольно улавливал короткие фразы об Асе и комбате. Много о Романенко говорить не рисковали. Но и это казалось ему мужской сплетней, небезыцей. Почему? Наверно, потому, что так думать было легче.

Мама ему сказала как-то перед выпускным вечером в школе:

— Ну, вот, Паша, ты выходишь в жизнь.

— Помолись за меня. Ты ведь, как все мамы, беспокоишься: как-то она встретит моего сыночка, эта самая жизнь, которую взрослые слишком часто называют проклятой.

— Не смейся, — попросила мама. — Приготовь себя к тому, Паша, что далеко не все будет так, как представляется.

— А как?

— Труднее. Жизнь обманет не раз. Так тебе будет казаться, доводя порой до отчаяния. Но это вовсе не обман.

— А что?

— Жизнь.

Может быть, он не хотел верить в куцые рассказы об Асе и Романенко, потому что ставил его себе в пример и даже восхищался им? А может быть, ты все еще мальчишка, Павел Зотов? И тихое решение опустилось на дно сердца: прощай, Ася! Это было самое страшное, живому человеку сказать: «Прощай!»

И вдруг распахивается дверь, и у порожка сарая стоит Ася. И какое-то время он молчит остолбенело, а потом улыбается, как самый счастливый человек на этой земле, и шепчет:

— Ася!

Рука его потянулась к шее и застегнула пуговку на воротничке. «Ну, вот, — неожиданно и насмешливо подумала Ася, — проблеял и ни с места. Подошел бы да поцеловал. И не надо слов». Наконец, сама ответила, у нее выходило в таких случаях бравое:

— Я на коротко! Что это вы — отдельно и в таком дворце?!

— Да солдаты пожалели! Не переносу я храпа!

— Демобилизовать! — прыснула Ася.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—6.

О. Лошаков. Род. 1936. БОЛЬШОЙ КОРАБЛЬ. 1980.

О. Филатчев. Род. 1937. МОИ СОВРЕМЕННОКИ. 1979.

— Что там у нас?
Она рассказала про разведку.
— Добыли вам лодку, а сами...
Он вспоминал Агеева, его спину в ремнях, его слова: «Когда в последний раз вы слушали стихи?»

— Жаль.
— Всех не пережалеешь, — сказала Ася.
А в душе ее, как магний у фотографа, вспыхнул немой крик: она не хотела, чтобы ее убили. Казалось, дожидая до полного безразличия к этому и вот впервые за много месяцев войны подумала о себе, и хоть сейчас-то, наконец, возненавидела до бешенства этого лейтенанта. И повторила:

— Не пережалеешь всех!
— Ася! — спросил он. — Что с тобой? Ася!
— Я сейчас уеду.
— Поедем вместе. Приказ будет такой...
— А чего это вы мне приказываете?
— Как старший по званию.

Он велел ей отдыхать на старой кровати, втащенной в сараюшку. Кровать была вдвое шире и к тому же на сетке, в тысячу раз мягче подводы.

— А я отправлюсь по делам.
И растолковал, что сегодня они закончат заготовку и подготовку бревен, и не к вечеру, а ровно к пятнадцати ноль-ноль.

— Ну, какая точность! — съехидничала Ася.
— Так артисты же!

Оказывается, к пятнадцати ноль-ноль настоящие артисты прикатят в станицу, чтобы выступить перед ее разнородным гарнизоном. В бывшем вишневом саду колхоза, где деревья в оцепанной зелени растут через пятое на десятое: добрую половину их захватчики зимой порубили на дрова. Там уже сколотили помост, огромный, как сцена. Вчера весь день стучали молотки.

— Артисты-то откуда?
— Из Москвы!
— Не врй!

Он поклялся, что не врет. Колпак уже наметил все точки для последней заготовки бревен. А ей пока — спать. И она ответила: ладно, раз московские артисты, она останется. И тут же вспомнила, что не для того приехала и пришла сюда.

Он уже снял с гвоздика свою пилотку, а она окликнула его с кровати, на которую успела присесть:

— Паша! Я тебе расскажу...
— Потом, а? — попросил он, то ли спеша, то ли догадавшись, о чем она, и враз испугавшись, как еще не пугался. — Что ты мне рассказываешь?

— Такое, что песенка, спетая тогда, в камышах, цветочком тебе покажется. Слушай, лейтенант.

— Не хочу! — оборвал он властно, так, что она даже вздрогнула и возмутилась:

— Что значит — не хочу? Хочешь!
— Времени нет, Асенька! — прикрикнул он.
— Ах, времени нет! — раскричалась Ася. — А когда будет?

— Никогда, — спокойно ответил он, и это было его последним решением, которому по армейским порядкам надо подчиниться, как последнему приказу.

Но она вспомнила слово, брошенное на Протоке, и снова из последних сил крикнула: — Заткнись! Благороднейший! Уж очень у тебя все просто.

— Конечно, проще пареной репы, — согласился он и по поясу передвинул кобур с бока на живот. — Вот пистолет. И еще хоть слово об этом — застрелю. Молчи. Я люблю тебя.

— Тут война, а он влюбился!
— Не железки ж воюют.

— К черту твою любовь! — набрав голоса, прохрипела она, но на этом голос и кончился, и она прошептала: — Очень уж нежная это штука. Совсем не для войны.

— Дурочка, — сказал он, надевая пилотку, — это война не для любви.

— Ишь ты! — снова зашла она так, что даже закашлялась. — Перевернул!

— А как же! Эта нежная штука посильней войны.

— Почему? — неожиданно засмеявшись, спросила Ася.

— Ну... хотя бы потому, что вечная. А война вечной не была и не будет... Оставить табачку?

Ася помотала из стороны в сторону головой.

— Спи, — сказал он и плотнее придвинул за собой жидкую дверь.

— Паша! — позвала она, но он уже ушел. Где-то в глубине еще хотелось обидно смеяться над ним, но почему-то вдруг самой себе улыбнулась от счастья, как полоумная.

До сих пор огромная земля вращалась в реве океанов, в безмолвии ледников, в хрустящем гуле землетрясений, в грохоте войн, совсем не подозревая, что придет этот час, ну, не час, пусть одна минута, Асина минута! Ася вдруг перестала бояться слова «любовь». Это выше неба? Чепуха! Это здесь, на земле.

Зеленели вокруг деревья. Такие же кудлатые, как у этого сарая, они во все стороны разбегались по станичным улицам. И трава. Она простегала тонкие полоски на месте павших заборов. Когда приезжаешь с передовой, да еще из камышей, окруживших тебя не на один день, даже хуторок кажется неправдой, полной жизни. А станица всегда казалась ей большим городом. Но сейчас ей словно подарили целый мир...

Да, она существовала отдельно от всего, а теперь сама стала и деревом и травой. Пусть одной веткой, одним цветком, который когда-то раскроется на этой ветке. Тьфу, тьфу, тьфу! Так же о мертвых говорят. А ей, дурочке, жизнь увиделась в этом... Да просто она воскресла! Нужно свернуться калачиком, сцепить зубы и заснуть...

Через несколько часов, открыв глаза, она испугалась, что и в помине не осталось ничего от острого чувства, которое овладело ею. И в которое другие не поверят, если им сказать. Да сама и нужды в таком чувстве не подозревала. А может быть, подозревала когда-то, но забыла. Ася прислушалась к себе. Все было на месте, а может, стало еще острее.

Она воровато огляделась, боясь, что сейчас новое чувство легко разрушится отчего-то. Со всех сторон сарай изрезало щелями, и в них бил свет. Напротив кровати прямоугольником стояли пустые полки из неоструганных досок, лишь на верхней лежала чистая ложка, которой, наверно, ел Паша. В углу к ведру с водой приткнулась табуретка, а на ней — зубная щетка и порошок в железной коробке. Ася встала, почистила зубы пальцем, представляя себе будущее богатство: две щетки рядышком и красивый умывальник. На стене висело маленькое зеркало, в которое он глядел, когда брлся. Ей до зеркала не дотянуться — какой он длинный! Смешно.

Ася подскочила, попробовав увидеть себя, да не увидела. Залезла на табуретку, подставив ее поближе к зеркалу, и рассмеялась. Давно она не встречала такой растрепы!

Когда Зотов вошел, она лежала под простыней — над ушами и на висках бантики из бинта. Закрутила волосы в кои веки!

— Пора, — сказал он.

Она лежала, не шевелясь. Оказывается, он есть...

— Все — на концерт, а я за тобой... Чего ж ты?

— У меня часов нет.
— Ну, я выйду, а ты одевайся.

Не шевелясь, она лежала, как прежде, и он услышал в тишине ее дыхание.

— Я выйду, — повторил он, но вместо этого сел к ней, а когда дотронулся до нее боязливыми руками, она высвободила из-под простыни свои тонкие руки и обняла его так крепко, что у него закружилась голова.

Все вокруг закружилось. А голову она держала в своих руках и целовала его в щеки, в нос, в глаза, но это так, касаясь их по пути, а искала и находила губы. Или он находил ее губы, с которых почти смахнулась нежная корочка, а она его не отталкивала.

— Паша, — звала она, — Паша...

Потом, откинув голову с остатками забавных бантиков из бинта, большинство которых осыпалось и разлетелось, и поспеиваясь, Ася затылком изо всех сил прижимала его руку к тощей подушке и просила:

— Ну, помечтай о чем-нибудь. Хоть капельку!

— Вслух?

— А как же я иначе услышу?

— Зачем себя обкрадывать?

— Не понимаю.

— Все равно будет лучше.

— Что это? — спросила вдруг Ася о другом.

Рев самолета начал оседать с высоты и скоро заполнил сараюшку, разрастаясь. Ася не сразу поняла, что самолетов было много. И вот уже их рокот перешел в длинный свист, незатихающий, а вырастающий тоже. Все выросло. Не заставил себя ждать и грохот бомбовых разрывов. Земля, принимавшая удары, затряслась, во всяком случае, здесь...

Ася быстро одевалась, сдергивая с себя и разбрасывая по земляному полу последние бантики.

— Это в той стороне, где сад, — лихорадочно говорил Паша.

Она схватила свою санитарную сумку.

...И на Кавказе и на Кубани Ася нередко попадала под бомбежки, а такое и она видела первый раз. Десять — пятнадцать «юнкеров», развернувшись хвостами, улетали серой облегченной стаей, сопровождаемой клубочками зенитных вспышек. Низкорослые вишни, укутанные дымом, где горели, поддавшись огню без спора, а где пока пустили его лишь ползком карабкались по тонким стволам и срывались. Глаза выхватывали в дымящих ветвях человеческую руку, горстью к небу, кусок одежды с болтающимся погоном...

Убитых увозили на грузовиках, которые, возможно, не так давно привозили сюда живых. Этих грузовиков не хватало для всех. Десятки недавних зрителей ложились в неподвижный строй у дороги, пока не подкатила цепочка новых грузовиков, а может быть, и первые вернулись, кровь на откинутых бортах выдавала их.

Треща и расшвыривая искры, пылал сбитый вчера помост, недолгая сцена для артистов, из которых многие уже никогда не подымутся на другую. Ася пробежала мимо, согнутой рукой прикрывая глаза от искр.

— Туда! — крикнул ей встречный голос, направив за длинный бугор, похожий на кусок железнодорожной насыпи.

Тут опускали раненых в некошеную траву, и трава прятала их искаженные лица. Луг за насыпью стонал разными голосами. Персонал из окрестных медицинских точек прибывал, но все равно рук было мало, и Ася тут же оказалась нужной. Для быстроты рвала бинты зубами. Над третьим или пятым раненым, разведя руками траву, чтобы проверить, жив ли этот тощий солдат с большими кулаками, застыла и тронула его лоб:

— Герасим, миленький! Колпак!

Ася позвала Зотова, но лейтенант пропал в поисках своих. А Колпаков как-то мучительно, не с первой попытки, чуть приподнял дрожащие от напряжения веки.

— Ася? — вопросительно прошипел он.

— Миленький, молчи, — уговаривала она, разорвав на нем издырявленную осколками гимнастерку от воротника до низу и отхватывая от нее мешающие куски садовым ножом — да, его так и называли «садовым», острый и кривоватый нож санинструктора, уж очень похожий на мирный садовый нож, который, наверно, за жизнь подержал в своей руке Колпаков.

Столько было ран в его теле, жилистом, но таком небольшом, что на него и половины хватило бы! Иные кровоточили, как старательные ключи. Жгуты, жгуты сначала, чтобы остановить кровь. И резиновый и матерчатый... И шины...

— Палки! — крикнула Ася.

По лужайке бегали солдаты, помогая санитарам, раздавали сломанные или срубленные с вишен ветки для шин. Чего только не подкладывала Ася под сломанные солдатские кости! Иногда шла и винтовка раненого с ее широким ложем.

Понимая все, в том числе и бесполезность ее неразумного отчаяния, и желая ее утешить, Колпаков виновато выдохнул:

— Вот...

А она врала, разливая спирт и бинтуя раны, неуверенная, слышит ли ее Колпаков, но просто так самой было легче:

— Письмо тебе пришло! Жена жива, и дети здоровы. Вся рота привет тебе передала.

Она знала по опыту: с тяжелыми ранеными, перевязывая их, говори и говори, не давая забыть. Случалось, говорила уже с мертвыми. Но Колпаков еще дышал, прихлебывая воздух.

— Сказали все, очень ждут, новые стихи послушаем.

— А стих... его,— с облегчением ответил Колпаков,— Зотова...

Бинты кончились, и Ася выпрямилась на миг, стоя на коленях в траве, глянула в сторону дороги: нет ли на виду санитарной машины—и только тогда сообразила, что сказал Колпаков. Обычно она почти не вслушивалась в бессвязный ответный лепет раненых. Но сейчас до нее дошло. Она повернулась к Колпакову, он что-то еще пытался прошептать. Асю охватили сразу и гнев на жизнь, где все так перепуталось, и досада на свою беспомощность, и желание плакать от этого. Она наклонилась, чтобы вытереть Колпакову лицо с морщинками, в которых собрались капли холодного пота. Хилая грудь его недолгой, летучей дрожью вздрогнула, как от ожога, и он разметал по траве свои несуразные кулачки.

— Ася!— послышалось с другой стороны. За спиной возник Зотов, она подняла глаза, чтобы увидеть его, но сначала увидела Лаврухина— шагах в пяти дальше.

— Наши в станице,— сказал Зотов,— Лаврухин нашел меня...

— Мы сзади были, как пришли. Как попали, так и были,— прибавил Лаврухин, подходя.—

Там щели старые, в них много укрылось... А Колпак сказал, я ближе, мне, мол, там место заняли, шутки ладил... Белгородский Емеля!— и отвернулся, елозя тылом пухлой ладони по губам.

— Принесите мне бинты,— не поднимаясь с колен, велела Ася.— А его можно взять... Они принесли бинты и подняли Колпакова.

— Подождем у дороги,— обронил Зотов. Уложили Колпакова на свою подводку и, дождавшись Асю, повезли потихоньку. Она еле перебирала ногами, хватаясь то за лейтенанта, то за Лаврухина. Где-то, втянувшись в шаг или отдохнув, вдруг вспомнила:

— Он сказал про стихи...

— Это неважно!

— Но все же... Для чего?

— Для меня. Он сам предложил. Вот увидите, говорит. Я не решился бы прочитать. Ни за что! А он записал и выучил!

Ася глянула на лейтенанта, пугаясь, что это он мог лежать, покрытый плащ-палаткой, и радуясь, что это не он и не она, что они спасли друг друга и теперь шли и говорили.

— Не смей никому, Ася, про стихи.

Она кивнула.

— Я много напишу и буду читать одной тебе. А это... Вспомнится, и вспомним его.

В середине станичной улицы встретили слепого старика, которого считали пропавшим, а вот он, нашелся! Тогда, на отдыхе, Ася спросила его: «Отчего глаза-то, дедушка? Может, фрицы древесным спиртом угостили, а вы отведали?» «Я жизни отведал!»— сказал он. Но, видно, не всего еще. Оглушило небывалой бомбежкой.

— Господи! Накажи их!— бормотал он.

Опираясь на винтовку, неподалеку торчал солдат, какой-то странно новенький, наверняка если не с призывного пункта, то из каптерки, к старику вроде бы непричастный.

— Где живете, дедушка?— спросила Ася.

— Хату сжег «горбыль» одной зажигалкой, где-то забыл метнуть, донес до меня. Теперь я с солдатами. У дороги на Гастагаевскую. Выхожу, Валюху жду-встречаю... Везете кого?

— Колпакова. Может, помните?

— Памяти-то уж нет почти. Кого, сказали? Колпака?— Старик шагнул к подводке и остановился, как споткнувшись.— Справный солдат...

— Был.

Вскинув руку, старик хотел что-то сдернуть с головы, но она была непокрытой, и он опу-

стил пальцы на лысину с седым, как на одуванчике, пухом и повторил:

— Господи! — И перекрестился.

— Идем, что ли, старый черт, — вдруг позвал его солдат. — Затаскал меня! Вожу, вожу.

— А куда ты его? — удивился Зотов.

— В комендатуру.

— За что?

— Нас привезли в станицу, разослали по всем концам — задерживать таких. Думаете, так просто налетели? Им сигнал был по радио о здешнем мероприятии!

— Да он же слепой! — воскликнула Ася.

— Разберутся. Мое дело — привести. Велели в комендатуру, а никто не покажет, где она. Спрошу, привожу — нет!

— Старика мучаешь.

— Говорю, он меня заматал.

— Ну, и мало тебе, умнику. Этого слепого все знают.

Солдат не обратил серьезного внимания на слова лейтенанта.

— Слепой! Как скажут, где комендатура, он бежит туда шибче зрячего. И без палки. Вот что подозрительно.

— Да он родился здесь, вырос и всю жизнь провел!

— Каждую канавочку знает, — добавила Ася.

— Привезу в город, где родилась и выросла, завяжу глаза, скажу — ведем в комендатуру, посмотрю, как побежишь!

— Я не знаю, где комендатура.

— А я знаю, — сказал Зотов. — Двинулись. Разберутся.

— Факт, — сказал солдат, приободрившись.

Навстречу попались подводы с тяжелыми минометами. Бомбежка, конечно, разыгралась, потому что допустили беспечность, прозвали «юнkersы» и возможных наводчиков. Так мало этого! Теперь в открытую везли солидные стволы, заранее говорящие о многом, а солдат попусту таскал слепого старика...

Возле калитки из кровати спинки старик остановился:

— Вот моя хата...

Подвода с Колпаковым свернула и поехала по мягкой золе. Требовалось найти хоть старые доски и сколотить гроб.

— Я сделаю, — сказал Лаврухин.

— А тем временем мы вернемся. Идем, Ася? Или сил нет? Я хотел бы, чтобы ты глянула. Там бугор с тополями. На бугре и положить бы Колпакова.

— А комендатура где? — напомнил о себе конвойный.

— Рядом. Знаете, дедушка, бугор и на нем — четыре тополя?

— А как же! Я их и сажал. Тогда глаза мои чуток понимали.

— И комендатура точно там, товарищ лейтенант? — опять спросил солдат для надежности.

— Там, там. Еще не дадут вырыть могилу по соседству с собой.

Тополя уже открылись — стояли не в ряд, а кучкой, листьев было много, и зеленая их гуща трепетно шелестела. Зато комендатуры рядом опять не оказалось, и упрямый солдат увел старика, а Зотов удивился:

— Мне же сам Колпаков сказал! Я боялся, что бревен не наберем, и велел ему эти тополя свалить, еще с дороги заметил их. А он вернулся и доложил: «Там комендатура». «Где?» «Возле самых тополей. Рубить — ни-ни!» «Хорошо, свой же комендант, договоримся». «Нет, плохо. Он молодой». «Как молодой, так плохо? Молодые полвойны на своих плечах везут!» «Кто спорит? Но, бывает, кричат. Вот и вы уж кричите». «Для дела бревна нужны, а не тополя». «Их дело — расти. А бревна будут». И нашел ведь. А тополя спас.

— От тебя? — удивленно спросила Ася.

— От меня. Без комендатуры.

— Он был сам себе комендант.

— Четырех тополей.

— Хотя бы.

— А может, и пора уж думать о тополях? — спросил лейтенант, и ей хотелось согласиться и даже сказать «пора», но это было так ново и смело, что она не решилась, а лишь прошептала:

— Ты лучше знаешь...

Окончание следует.

ЗАПАДНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ СЕГОДНЯ

«Духовный кризис буржуазного общества и кино» — прочитав такой подзаголовок книги В. Баснакова «Противоречивый экран», понимаешь, сколь непростую задачу взял на себя автор. Ибо понятие «духовный кризис» требует четкого, и притом весьма конкретного, анализа, обоснования. Читателя не убедишь расплывчатыми, голословными суждениями и умозаключениями, тем более когда речь идет об одном из самых популярных видов искусства — кино. И к тому же в данном случае кино американском, французском, итальянском, всегда встречающем самое заинтересованное и внимательное отношение со стороны советского зрителя.

Надо сразу отметить, что В. Баснаков взялся за свою тему. Благодаря глубоко, деталь-

В. Баснаков. «Противоречивый экран». М., «Искусство», 1980, 224 с.

ному знанию предмета, о котором он пишет, автор свободно справляется с нелегкой задачей. С первых же страниц книги он последовательно вскрывает сложность, противоречивость буржуазного кинопроизводства, исследуя и подвергая острой критике разные эстетические и социологические концепции, теории, которые пытаются влиять и на весь мировой кинопроцесс.

Работа В. Баснакова увлекательна; при всем том, что книга написана доктором наук Баснаковым и потому в ней неизбежно встречаются сугубо научные термины и выводы, а то же время она опирается на живые, жизненные примеры. Тут есть и рассказы о творческом пути отдельных режиссеров, таких, как Пазолини, Феллини, Антониони... Тут автор книги ярко, подробно, можно даже сказать, зрелищно представляет нам фильмы, в свое время ставшие событием, а то и целой эпохой в искусстве. Причем авторский анализ отличается истинной объективностью: В. Баснаков никогда не забывает отметить — даже при негативном отношении к киноленте — ее положительные, гуманистические стороны; не забывает оценить по достоинству создателей таких, к примеру, фильмов, как «Двадцатый век», «Полуночный ковбой», «Телесеть», «Крестный отец», и других.

Но тем не менее, будучи критиком, в полной мере осознающим масштаб и силу воздействия кино на людские умы и сердца, автор не прощает некоторым прогрессивным мастерам их попыток «протащить» в своих работах (как правило, в завуалированном виде) ту или иную реакционную идею; так же как не может простить приспособленчества иным известным режиссерам, их уступок кинобизнесменам, требующим и добивающимся выхода в свет определенных, ловко одурманивающих массы киномоделей. Это ленты ужасов и порнофильмы, или «антифильмы», или картины «ретро»...

Как видим, В. Баснаков привлек в свою книгу богатейший и разнообразнейший материал. Не очень большая по объему, она исследует многие явления современного кинематографа.

Весьма интересны противопоставления и сопоставления социалистической и буржуазной кинематографий — в идеях, в творческих методах, в отношении к жизни... Кроме того, что этот прием сделал для нас особо наглядным всю противоречивость буржуазного кино, он еще и отразил процесс прогрессивного воздействия социалистического искусства на мировое художественное развитие.

Н. АЛЕКСЕЕВА

ВАРЬКИНЫ ЭКЗАМЕНЫ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Героине нового телевизионного фильма «Тростинка на ветру», поставленного по одноименной повести Георгия Маркова, семнадцать лет. Возраст, как известно, прекрасный, но трудный и сложный: это пора поисков и обретения своего «я», время открытий, познания мира; время, когда надо выбрать свой жизненный путь и решать свою судьбу.

От того, каким будет начало взрослой жизни, как проявит себя человек в эту пору, зависит многое в его будущем. Закончились для Варьки школьные экзамены. Но, быть может, только начались, да и никогда не заканчиваются экзамены на высокое звание — Человек... Об этой сложной поро, о первых шагах становления личности рассказывает фильм, созданный по сценарию Г. Маркова и Э. Шима режиссером В. Аристовым.

...Нельзя сказать, что эта самая взрослая жизнь показалась Варе привлекательной: весь класс пошел было в колхоз, но руководство побоялось доверить технику недавним ученикам. Повздорил с хорошим парнем, Мишкой Огурцовым, к которому, что греха таить, была далеко не равнодушна. Да и в родном доме перевернулось все вверх дном: разошлись родители, прожившие вместе более двадцати лет... Ну, что остается делать человеку?.. Собран нехитрый узелок с вещами, и катит Варька в попутном грузовике к сестре в город, еще толком не представляя, что ждет ее там.

Время, прожитое в городе, многом потом научит, о многом заставит и задуматься, взглянуть на многие вещи новыми глазами. Но становление человеческого, глубинное — оно для Варьки еще впереди...

Когда смотришь этот фильм, невольно думаешь о том, что бывают же вот такие удачи,

такие совпадения, такое точное попадание актрисы в роль, как это произошло в данном случае. Трудно представить кого-либо другого в роли Варьки, кроме Оли Мелиховой. Временами даже кажется, что перед нами будто вовсе и не актриса: настолько органично вошла юная выпускница Ленинградского института культуры в роль, настолько естественно и убедительно выглядит она в каждом эпизоде. Думается, в этом немалая заслуга режиссера.

Счастье Варьки в том, что она стремится к добру, справедливости. И это стремление поддерживается в ней благодаря многим встречам с хорошими людьми — все они оставили след в ее душе... Это и шофер попутного грузовика, и добрая, хозяйственная девушка-медсестра, мечтающая о замужестве. Это сутками пропадающий на работе муж сестры, и, конечно, самый родной из всех человек — бабушка.

Нет, никто из них не «воспитывал» Варьку, не читал ей длинных моралей и наставлений: учила сама жизнь людей, сущность их характера, доброта, им присущая. Все они запомнились зрителю.

Авторы картины не пытались устраивать своей героине какие-то особые испытания, нет. В фильме о Варьке обычные в своей правдивой простоте жизненные ситуации. Но ведь именно обычность, сквозь которую проходит каждый человек, и является самым трудным испытанием для большинства из нас.

В конце фильма Варька возвращается в деревню. Надолго ли?.. Авторы фильма не хотят подсказывать нам, как сложится судьба героини. Они говорят другое. О молодых судьбах надо думать заранее — это главная, очень важная мысль произведения.

Г. ДОБЫШ

Фаиз Ахмад ФАИЗ

ТЫ ГОВоришь...

Кончился бой уже, ты говоришь,
И никто не успел сразиться в бою,
Не смог показать всю отвагу свою,
Не поднял знамя, не встал в строю,
Чтоб показать, где бежали друзья,
Показать, где врагов затаила тишь.
Кончился бой уже, ты говоришь.
Что мы не сражались — о том молчишь!

Ты говоришь, что выхода нет,—
Опускаются руки, изранено тело,
От каменной муки душа онемела,
А горе горами встает без предела,
Кто гор тех коснется, уходит в испуге,
Отходит сразу от дела.
Разве не можем мы пыль наших улиц,
Друзья, расцветить красотой багряной,
Весной нашей крови? Разлить океаном
В ладони любимой алость тюльпанов?
Разве тут крик справедливый не грянет:
«Бери и владей!» — в громе и гуле?..

Испытание страсти, что прошло — прошло,
Много ран, много мук позади-позади,
Впереди еще большие муки нас ждут, но иди!
Столько же будет еще впереди,
Испытанья, каких не встречали, еще впереди!

НОВЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШНЯ

Нет ни буквы, ни слова, ни мысли, ни взгляда,
Нет покоя кругом — на сердце так тяжело!
Сколько весит надежда, какого цвета

отчаянье?

Не спрашивай ни о чем — на сердце
так тяжело!

Защитники сытых какого с нас, калек, захотели
богатства?

Вот оно перед вами, все, что жизнь уделила
нам наша:
Сердце, ставшее горсточкой пыли, и кровавой
печали вино.
Берите! Разжата ладонь, и опрокинута чаша!

Утро сегодня такой красоты небывалой.
Кто же легкой походкой по саду прошел?
Граната цветком закат разгорается алый.
Кто-то, пылающий жарким румянцем,
за ограду прошел...

Я не знал, что мой день опьянен красотой,
Цветником моим став, в один миг расцветет.
Все, к чему прикоснутся те взгляды-лучи,
Красотой засияв, в один миг расцветет.

Покой — и на тех, чей в страсти ворот
разорван,
Зашиты их раны иль нет, но уста отдыхают.
Весна на пороге, друзья, украсьте
наш праздник —
Раскрылись цветы или нет, но раны зияют.

В пору любви твоей тропинку благословляю,
Славлю каждую нитку, отчизна, одежды твоей.
Крови каждую каплю, пылинку благословляю,
В сердце — тюльпаново-алую рану надежды
твоей.

Рисунком каким легли улиц огни вокруг!
И желанной весны не настали ли дни вокруг?
На пиру ли, на лобном ли месте, в доме
любимой —
Всюду гибнут друзья твои, взгляни вокруг!

Перевел с урду Николай ТИХОНОВ.

ПИСАТЕ

В этот день зал Центрального Дома литераторов в Москве был заполнен представителями различных советских общественных организаций, писателями, журналистами, дипломатическими представителями и просто любителями творчества Фаиза Ахмада Фаиза, которому исполнилось в феврале 70 лет. Особенно много было пакистанцев и индийцев, работающих или обучающихся здесь, в Москве. Ведь Фаиз Ахмад Фаиз, хотя и является пакистанским подданным, принадлежит и Индии, и всему Востоку, и всему миру. Это классик современной восточной литературы, большой художник, видный общественный деятель, стойкий борец за мир, заслуги которого были отмечены высокой наградой — международной Ленинской премией мира. Именно о его творчестве и говорили в своих выступлениях на вечере, посвященном семидесятилетию Фаиза Ахмада Фаиза, видные советские литераторы.

Представители советского комитета афроазиатской солидарности, Ассоциации писателей стран Азии и Африки, Советского комитета защиты мира, Института востоковедения Академии наук и других организаций вручили юбиляру адреса, в которых отмечались его большие заслуги в сфере поэтического творчества и в области общественной деятельности.

Фаиз Ахмад Фаиз, человек крепкий, несмотря на свои семьдесят лет, неизменно добродушный, с улыбающимися глазами и неистощимым чувством юмора, с готовностью согласился ответить на некоторые наши вопросы.

— Дорогой Фаиз Ахмад Фаиз, будьте добры, расскажите, пожалуйста, об основных этапах вашего жизненного и творческого пути.

— Их было так много, что даже не знаю, с чего начать. Прежде всего самым важным фактом моей биографии было то, что я родился. Это произошло около семидесяти лет назад. Мне сказали, что в 1911 году. Но когда я спросил свою мать, когда я родился, она ответила: единственное, что она помнит, это то, что шел дождь и была зима. А день она не помнила. Путем различных исчислений мы пришли к выводу, что кто-то родился в нашей семье тринадцатого февраля. Методом исключения определили, что этим «некто» мог быть только я. Но все равно полной ясности в этом вопросе не было: то ли я родился в 1911 году, то ли в 1912-м. Я подумал, зачем терять целый год стажа пребывания на земле, и сказал, что бы меня записали 1911 годом. Это было первое значительное событие в моей жизни.

Вторым важнейшим событием явилась учеба. Мне очень повезло. Меня учил великий поэт Индии и Пакистана Икбал. Ему в то время было уже много лет, и мой класс был последним, который он вел. Заниматься с ним было очень интересно. Он учил нас арабскому языку — один за другим мы читали вслух. Если кто-то ошибался, он не наказывал. Он спрашивал: кто твои родители? Как их зовут? Как зовут деда? Откуда он? А потом говорил ученику: и не стыдно тебе? Ведь люди подумают, что ты от них унаследовал свою глупость, а ведь твои предки уважаемые люди.

Следующий этап — я поступил учиться в Лакхньюский университет и занялся поэтическим творчеством. Будучи молодым человеком, я быстро влюбился и стал писать любовные стихотворения. В общем, за год я приобрел некоторую известность благодаря своему творче-

ДЬ, БОРЕЦ, ГУМАНИСТ

ству. Однако предмет моей страсти не оценил моих усилий. Она вышла замуж за другого.

После университета я работал учителем в Амритсаре, нынешнем индийском городе. Там я встретил двух людей, которые сыграли большую роль в моей жизни. Они дали мне прочитать Манифест Коммунистической партии. И вот с тех пор я начал интересоваться марксизмом и проблемами социализма. Мы вскоре организовали ассоциацию прогрессивных писателей. Это было в 1935 или 1936 году. Первая сессия ассоциации прогрессивных писателей была подготовлена и организована мной. Она проходила в Лахоре. Затем я стал принимать участие в профсоюзном движении. Это также важная веха в моей жизни.

Началась вторая мировая война. Мы ее на первом этапе называли империалистической войной: воевали немцы с англичанами — чего нам вмешиваться? Все деятели левого направления были упрятаны тогда колониальными властями в тюрьму. Я этого избежал — меня еще мало знали. Но затем гитлеровские войска напали на Советский Союз. Мы поняли, что характер войны резко изменился и мы должны внести свой вклад в борьбу против фашизма.

Служба в армии — очередной этап в моей жизни. Я служил пять лет. Через три года после призыва стал полковником. В мою задачу входило организовывать антифашистские — антияпонские и антигерманские — ячейки в индийской армии. Я даже получил награду от англичан. Возможно, я единственный человек, который имеет орден Британской империи и международную Ленинскую премию мира одновременно.

Война окончилась. Я сказал себе: ну, что ж, дело сделано. Надо заняться чем-то другим. Мне советовали податься на стезю дипломатии и стать послом. Но я сказал: нет, это не для меня. Я отправился в Лахор и начал публикацию двух газет — сначала «Пакистан таймс» на английском и позднее на урду, а также газеты «Имроз». Издавали мы и еженедельный журнал, и, надо сказать, наше издательство было крупнейшим прогрессивным издательством в Азии. Я редактировал эти издания в течение четырех лет, а затем все-таки угодил в тюрьму. В общем-то, я не могу сказать, что попал туда вполне заслуженно. Я не принимал активного участия в сходах армейских офицеров, которые произносили речи о том, что нужно что-то сделать и что-то предпринять в стране. Я просто слушал, что они говорят. Моя вина заключалась лишь в том, что я присутствовал там. Но тем не менее меня посадили за решетку, где я и провел около пяти лет своей последующей жизни. Потом, когда меня освободили, я опять работал в «Пакистан таймс» в течение двух лет.

Вскоре в стране произошел военный переворот, к власти пришел Айюб-хан, и наши газеты закрыли. Я стал работать на поприще культуры. Музыка, театр, народные песни — все это было в сфере моих занятий как руководителя культурной ассоциации Пакистана. Потом из-за конфликта с властями вынужден был провист два года в Лондоне. После возвращения обосновался в Карачи и работал в районе трущоб, где жили рыбаки, погонщики верблюдов и всякий бедный люд. Организовывал школы, больницы для них. Вот так я и жил.

— Когда вы приехали первый раз в Советский Союз?

— В 1958 году, когда в Ташкенте происхо-

дила первая конференция писателей стран Азии и Африки. Кстати, это также явилось большим событием в моей жизни. Правда, с советскими писателями я встречался значительно раньше. В 1949 году в Пакистан приезжала первая делегация советских писателей для участия в сессии нашей ассоциации прогрессивных писателей. Тогда я познакомился с Николаем Тихоновым, Мирзо Турсун-заде, Айбеком и А. Софроновым. Но, конечно, участие в первой конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте — незабываемое событие. После возвращения в Карачи я стал вновь работать в профсоюзном движении, принимал участие в движении в защиту мира. Сейчас редактирую журнал «Лотос».

— Он издается в Бейруте?

— Да, в Бейруте, и сейчас я там живу. Журнал «Лотос» — орган Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Эта работа требует немало времени. Приходится устанавливать контакты с писателями различных стран, много ездить, принимать участие в различных семинарах. Только за последнее время я побывал в Монголии, Эфиопии, Анголе, Болгарии, и вот теперь здесь, в Советском Союзе, куда я всегда приезжаю с большой радостью.

— Что вы можете сказать об обстановке в современном мире?

— Мне кажется, следует отметить два основных аспекта. С одной стороны, как мне представляется, большим достижением наших дней является то, что почти все страны Азии и Африки освободились от колониальной зависимости. Произошло это благодаря борьбе народов этих стран за свободу, благодаря помощи и поддержке Советского Союза и других социалистических стран. Осталась в наследие от прошлого палестинская проблема, одна из важнейших проблем современности. Палестинцам необходимо вернуть их землю. Затем необходимо добиться освобождения коренного населения Южной Африки, оккупированной Намибией. В Южной Америке существуют диктаторские режимы в ряде стран, народы которых борются за свою свободу.

Мне хочется подчеркнуть, что многим народам освободившихся стран приходится и сейчас вести борьбу, я бы сказал, на два фронта: против вмешательства империалистических государств, против их экономического господства и против собственной внутренней реакции. Этим странам предстоит еще много сделать, чтобы освободиться от нищеты, невежества, экономической отсталости, от болезней.

Естественно, что в связи с этим большое значение приобретает проблема всеобщего мира. Ведь без мира на земле нельзя рассчитывать на успешное развитие — экономическое, культурное, политическое — молодых освободившихся стран.

Мир необходим всем и каждому, потому что это альтернатива уничтожению. Чтобы сохранить жизнь на земле, необходимо избавиться от угрозы ядерной смерти. И в этих условиях особой, я бы сказал, фундаментальной необходимостью является мирное сосуществование на нашей планете. Ведь все имеет цену и смысл, пока вы живете, пока существует человечество. В этой борьбе, которая идет сейчас между силами мира и силами войны, каждый решает, на чьей он стороне — на стороне мира или войны, на стороне жизни или смерти, на стороне империализма или свободы. Конечно, наиболее здравомыслящие писатели знают, по какую сторону баррикад им следует стоять.

Для нас, жителей Южной Азии, в особен-

ности Индии и Пакистана, как и для всех других, мир, естественно, жизненно необходим. Но для нас также имеет большое значение преодоление наших собственных разногласий. Империалистические государства оставили множество сложных и трудных проблем в странах, где они раньше господствовали. У нас есть разногласия, но для их решения мы должны сесть за стол и начать переговоры. Мы видим целый ряд обратных примеров, когда развивающиеся страны вступают в вооруженные конфликты между собой — как это имеет место между Ираном и Ираком. В Африке империалисты посеяли в ряде районов семена раздора и подозрительности. Все это очень печально. Ведь наше оружие в борьбе за мир, свободу и прогресс — это наше единство, которое необходимо крепить всеми способами.

— С 1958 года, когда вы побывали в первый раз в Советском Союзе, прошло уже много времени. Какие перемены вы видите в жизни нашей страны, нашего народа?

— С тех пор я часто и всегда с большим удовольствием приезжал в Советский Союз. Я побывал в различных частях вашей страны. Каждый раз я вижу большие перемены и в области экономики и в других сферах жизни. Я помню, меня поразило обилие строительных кранов повсюду над вашей столицей. Сейчас этих кранов меньше — уже построены новые здания, проложены новые улицы, и лишь на окраинах продолжается интенсивное строительство. Это то, что видишь глазом, то, что на поверхности.

Я знаю, быстрыми темпами развивается вся ваша страна. Если говорить о Ташкенте и других городах Средней Азии — Душанбе, Алма-Ате, — там перемены еще более разительные. Впечатляет неизменное повышение жизненного уровня советских людей.

Я знаю, что скоро откроется XXVI съезд Коммунистической партии. Я был здесь во время прошлого, XXV съезда. И должен сказать, что съезды КПСС — это большое событие не только в жизни советского народа, но и всего мира. Естественно, планы развития вашей страны, вся политика Советского Союза имеют большое значение и для других стран и народов и оказывают влияние на обстановку во всем мире. Одна из главных забот Коммунистической партии Советского Союза — забота о всеобщем мире, поддержка освободительной борьбы зависимых и угнетаемых народов, их освобождение от иностранного ига.

— Какие качества вы больше всего цените в людях?

— Все хорошие качества. Особенно ценю способность людей смеяться. Мне кажется, что тот, кто не умеет смеяться, не может и любить как следует. И особенно хочу подчеркнуть необходимость с юмором относиться к самому себе. Те, у кого нет этой способности, становятся, на мой взгляд, скучными, несчастными людьми. Счастливый человек должен смеяться, а для этого нужно замечать глупости не только у других людей, но и свои собственные. Нужно и других заставлять смеяться. Я считаю, что смех — это соль жизни. Юмор помогает видеть вещи в их истинном свете, реалистически подходить ко всему, видеть, что хорошо и что плохо.

В заключение я хотел бы передать большой привет всем читателям журнала «Огонек», с которым меня связывает долгая дружба. Желаю всему советскому народу счастья, процветания и долгого, прочного, вечного мира.

Беседу вел Ю. ПОПОВ.

Вячеслав
ЗАЙЦЕВ,
художник-
модельер

Искусство советского моделирования еще молодо. Но все громче и громче заявляет оно о себе на международных смотрах моды. Языком цвета, формы, орнамента советские модельеры расширяют зрению многие сокровенные тайны и законы красоты нашего такого богатого народного искусства, связывая художественное прошлое нашего народа с его настоящим. Глубокое понимание народного творчества — неиссякаемого источника творческого вдохновения, дерзание, поиск — вот, вероятно, основа успеха многих наших модельеров, не раз утверждавших русский стиль в международной моде. Думается, что наши художники-модельеры уже доказали свою состоятельность, свою способность творить, готовность отдать весь талант людям, воплотить свое представление об идеальном облике современника в конкретных образах, отвечающих его эстетическим вкусам и представлениям.

Но проблема улучшения качества товаров широкого потребления, в частности одежды, существует и стоит настолько остро, что не раз звучала она и с самой высокой трибуны. В своей речи на октябрьском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев прямо и откровенно говорил об имеющихся недостатках в работе легкой промышленности, о необходимости объединения усилий всех отраслей, от которых зависит повышение качества товаров народного потребления, об улучшении системы планирования и финансирования этих отраслей, поставив их в жесткую зависимость от торговли, от потребителя. А что видит порой покупатель? Серые, унылые, несовременные, безакусные модели, неспособные удовлетворить человека даже с самым невзыскательным вкусом.

Вот почему редакция и решила посвятить очередное заседание клуба «На «Огонек» этим вопросам, пригласив одного из известных наших художников-модельеров — Вячеслава Зайцева, человека, вот уже двадцать лет работающего в области моды, человека, чей художественный творческий почерк безошибочно узнают в его эскизах и моделях не только у нас в стране, но и за рубежом, чьи костюмы могли видеть зрители парада открытия Олимпиады, чьи восхитительные театральные костюмы изумляли зрителей. Одаренный художник, способный очень ярко и образно видеть мир, он всегда удивляет своим умением сформировать художественную идею, способностью воплотить свою фантазию в эскизах моделей одежды языком современного искусства. Талант этого художника поражает умение заглянуть вперед, угадать, почувствовать направление, движение будущей моды.

Именно поэтому, вероятно, болгарский журнал «Лада» пригласил Вячеслава Зайцева создать коллекцию для международного симпозиума моды, состоявшегося в Болгарии в 1980 году. Сюда съехались специалисты из многих стран мира — Дании, Австрии, Югославии, Венгрии, ГДР. Любопытные коллекции привезли турки, греки, художники. Безупречный вкус и мастерство продемонстрировали английские модельеры известнейшей метры моды из Франции Пьер Карден. Особенностью этого фестиваля явилось то, что здесь были представлены не страны, не коллективы, а отдельные художники.

— Тема нашей болгарской коллекции — будущее советской моды, — начал свой рассказ Вячеслав Зайцев. — Пришло время, когда в искусстве одежды, таком емком, таком многообразном, многоликом и постоянно необходимом, пора заявлять об индивидуальности. Художник-модельер должен представлять свое мастерство самостоятельно. Мы знаем имена живописцев, скульпторов, графиков, архитекторов, и единственный вид искусства — искусство одежды — у нас безымянный. Наша страна многонациональная, у нас немало прекрасных талантливых художников-модельеров, которые практически пребывают в безвестности. К сожалению, подобное «коллективное» творчество приводит иногда к равнодушию, безответственности. Потому, что конкретный модельер всегда за спинами других. Известно, что один работает хорошо, другие — хуже, а все вместе — одинаково. Отсюда появляются серость, безликость. Болгары к этому сейчас очень строго относятся. В прошлом году мне посчастливилось познакомиться с заместителем министра легкой промышленности Болгарии Лиля-

ной Васильевой, женщиной удивительной, очаровательной и вместе с тем очень деловой. Она сразу круто взялась за дело. Во время нашей встречи я был потрясен ее вниманием, ее заботой о проблемах, которые так давно волнуют и меня как художника. Болгары первыми откликнулись на эту боль души модельеров, заявив, что промышленность будет переходить на новый принцип работы — личной ответственности художника, имя его будет стоять на модели. Я считаю, что это очень правильно, своевременное. Нужно менять не только принципы моделирования, главное — найти реальные возможности проникновения наших идей в промышленность. Это — дело организаторов производства. Что касается нас, мы готовы нести ответственность за наше творчество, лишь бы нам не мешали, лишь бы чаще прислушивались, верили и помогали.

— Хотелось бы снова вернуться к вопросу о симпозиуме. В частности, интересно ваше впечатление от встречи с таким мастером моды, как Пьер Карден.

— После приветствия Нади Ганчевой — главного редактора журнала «Лада» — и ряда теоретических

докладов, открыть парад мод представили Пьеру Кардену. Конечно, он не может быть в своей стране чистым художником, он должен быть и бизнесменом высшего класса, чтобы устоять, победить в жесточайшей конкуренции, которая там существует. Он сам сказал нам: «Да, я капиталист, я бизнесмен, но я творю эстетику будущего. Мои предложения, может быть, на сегодняшний день неприемлемы. Это безусловно так, потому что мода для меня — шаг вперед, а не назад».

Сегодня Пьер Карден моделирует уже и современную мебель (на последней международной выставке его мебель была признана лучшей в мире), создает дизайн машин, самолетов, то есть теперь он проникает во все, что окружает человека. Вероятно, в этом и есть предзнаменование чего-то нового, будущего в профессии художника-модельера-дизайнера.

— Расскажите, как проходило ваше выступление.

— Поехали мы вчетвером: художественный руководитель Дома моделей на проспекте Вернадского Елена Рыбкина, две манекенщицы — Людмила Рыжухинская, Тамара Смолякова и я. В суматохе, в невероятном ритме, в котором мы всегда живем за границей, когда мы не только художники, но и гладильщики, и носильщики, и одеваляшки, то есть на все руки мастера. А ведь надо было еще выступать перед показом, говорить что-то. Плюс ко всему этому, в Болгарии, по сути дела, была премьера. Дома мы дошивали ее до последнего дня, до последнего часа, даже ночью.

Коллекция создавалась группой молодежи — вчерашними выпускниками техникумов, ПТУ, специальных швейных школ. Показано было двадцать моделей, комплектов, ансамблей. В ней представлены основные направления, пути, в которые мы вложили понятие современной моды для нашей страны.

— Есть люди, рассматривающие каждое предложение модельера буквально как некий готовый рецепт: бери, срисовывай, шей. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Художник-модельер в идеале — это как губка, которая впитывает всю информацию мира и пропускает ее через свой субъективный мир и в образах, понятных и доступных времени. К сожалению, многие недопонимают, в чем суть профессии художника-модельера.

Да если серьезно говорить, то и уровень информации о нашей работе достаточно однозначен — часто все разговоры, статьи, интервью о моде начинаются со слов «в этом сезоне модно то-то и то-то». А почему, в чем причина изменений, с чем связано появление новых цветовых сочетаний, новых пропорций в одежде, новых деталей, аксессуаров и т. д., — об этом умалчивают. Каждый художник-модельер ищет точных, разумных решений, выражая в конкретных моделях, эскизах свою интуицию, свой духовный мир, свое художественное и эстетическое представление о том, как должен выглядеть современный человек. В своей работе он выражает свое кредо, и потому каждое его предложение — это лишь отправная точка, источник вдохновения, идея, а не предмет слепого копирования. К тому же настоящий творец всегда превосходит будущее. Он острее чувствует движение вперед. А оно невозможно без по-

иска, эксперимента. Наши талантливые советские художники-модельеры доказали свое мастерство, свое умение, свою любовь к людям, которых мы хотим видеть гармонично прекрасными, было бы только желание взять наш труд и сделать для начала достоянием хотя бы небольшого количества людей. Я имею в виду малые серии по нашим эскизам, производство которых можно начать хоть завтра. Ведь ежегодно создаются прекрасные модели, прекрасные коллекции, а какова их судьба? Три года пылятся они в Доме моделей, а потом их даже уцененка не берет. А о музее современной одежды и говорить не приходится — его просто не существует, хотя этот вопрос поднимался не раз. Мы ездим по деревням, по крупнякам собирая предметы старинной одежды, а свои, порой уникальные вещи просто теряем, продаем, выбрасываем.

Сейчас вы видели очень простые по крою, но элегантные пальто, созданные на единой конструктивной основе из целого куска ткани для женщины любого возраста. Они как бы вне моды, но внимание останавливаются. А что мы видим в магазине? Саркофаг с куском дорогого меха. Извините, иначе эти пальто не назовешь.

— Разрешите мне, — вступает в разговор искусствовед Общесоюзного Дома моделей одежды Ирина Андреева. — Действительно, наша швейная промышленность выпускает безобразнейшие товары. Почему это происходит? В чем корень зла? Я считаю, что вопрос этот надо задавать не модельерам. Они работают хорошо. А «саркофаги» получаются потому, что при существующем в промышленности плане на ситцевое платье с руликом идет восемнадцать минут, двенадцать минут — без рулика и без рукавов. Больше времени нет. А то, что в нем не пойдешь на люди и что оно пойдет прямо в корзину на выброс, никого не волнует. И это в то время, когда хлопок во всем мире на вес золота. Зато мы гоним знак «И» (новинка). Знак качества и другие знаки, которыми не обманешь покупателя. И никто не задает вопрос Госснабу, Госплану, почему, к примеру, весь хлопок запарен на верхнюю одежду, даже на фартуки домашним хозяйкам, а на белье, предметы женского туалета идет синтетика. Почему шерсть идет на пальто зимние и демисезонные, которые мы носим через подкладку, через ватин, через одежду? А белье, трикотаж, блузки, кофточки — сплошная синтетика? Почему об этом никто не говорит? Зато, как только модельеры хотели поменять школьную форму, чтобы она была приемлемой, практичной, красивой, чтобы дети были похожи на детей, все воспротивились. И педагоги и гигиенисты встали на дыбы.

— Наши модельеры предложили в качестве школьной формы свитер, который каждая мать может стирать хоть ежедневно и утром надевать ребенку чистый, свежий, брюки эластичные, заправляющиеся в ботинки, не моющиеся в грязь, не мнущиеся. Это предложение сочли чуть ли не безнравственным. Зато мы разрабатываем, как встарь, формы: форма школьная, форма пионерская, форма комсомольская, форма для «Артека», форма для «Солнышка», форма для «Зайчика». В «Артеке» главный арбитр наших предложений — заведующий прачечной. Он прямо так и сказал нам: никаких деталей, никаких пуговиц, «молний» только железные, чтобы не сломались в машине. Ну уж если вам так нужны карманы — пришивайте, но застрочите сверху, чтобы не порвались при стирке. Оказалось, что все наше моделирование упирается в прачечную, вплоть до шерстяных пальто и болоньевых стеганых курток.

Вот так мы и работаем. И после этого мы еще художники, теоретики, пропагандисты новых предложений моды и культуры одежды.

— Ирина Александровна высказала боль и горечь за такое бесхозяйственное отношение и предложениям советских модельеров. В

чем же причина столь серьезного положения в легкой промышленности? Может быть, фабрики просто не способны справиться с предложениями модельеров, в частности с вашими, Вячеслав Михайлович?

— Я долго работал в промышленности да и сейчас очень тесно связан со многими текстильными, швейными фабриками. Технология большинства предприятий легкой промышленности позволяет в самые короткие сроки освоить любую предлагаемую нами новинку. И швейники очень охотно пошли бы на любую перестройку, чтобы улучшить качество выпускаемой продукции. Но между нами и фабрикой — Госплан, Госснаб, Комитет стандартов и так далее. И каждый раз это нервы, время, не дни, а годы, чтобы утвердить какую-либо новинку. Сколько билось мы за то, чтобы сделать широкие модные воротники на мужских сорочках, наконец, добились. Сейчас снова в моде узкие воротники. Думаете, отрезать кусочек ткани проще? Ошибаетесь! Есть гости, стандарты, расценки, нормы расхода тканей, не говоря уж о таком напряженном плане, при котором вообще ни о чем думать нельзя. Вот пример. Швейная фабрика получает серую ткань и зеленый искусственный мех на воротники. Склады полны, время идет, план поджмает, и ничего другого получить нигде нельзя. В результате сотни, тысячи пальто, которые никто не купит, поступят в продажу. И так, загублена ткань, загублен мех, которые в другом варианте были бы к месту.

Вы видели в моей коллекции блузоны. Это для нас супермодная форма. Раньше мы носили свитера, мини-платья, а вот таких блузонов, о которых мир уже давно говорит, у нас не было, не находилось подходящей ткани. И вдруг обнаружился на складе материал, лежавший годами как вышедший из моды, а вот в новом ассортименте он снова зазвучал. Разумным мне кажется и другое наше предложение — блузоны из бархата, шелка, трикотажа с люреком. Думается, что эта форма одежды с узкими брюками или юбкой подсажена самой нашей жизнедеятельностью. Женщины в таком мягком блузоне испытывают удобство, раскованность, которой порой мешает облегающая одежда. Такая форма одежды приемлема для женщин с любой фигурой и любого возраста.

А взять кримплен, которым все «объелись», который уже никто видеть не может. А он очень удобен, жизнеспособен, не мнется, хорошо держит форму, хорошо стирается. Надо только обновить его, вдохнуть новую жизнь в старую ткань. Вы видели, как с помощью трех цветов — белого, красного, черного (это, кстати, мои любимые цвета) — можно по-новому решить одежду из надоевшего кримплена.

— Очень многим хотелось бы приобрести вещи из вашей коллекции. Возможно ли это?

— Да, это станет возможным, я надеюсь, когда наконец будет открыт Дом моды на проспекте Мира. Подробную информацию об этом Доме вам могли бы дать в Управлении пошива и ремонта одежды по индивидуальным заказам населения, в системе которого я и работаю сейчас на девятнадцатой фабрике.

— Что же такое наш девятиэтажный Дом моды, который строится вот уже восемь лет, но сейчас уже, кажется, на подходе? — начала свой рассказ главный инже-

нер управления Нина Ефимовна Семихина. (Этот разговор, происшедший уже не на встрече в редакции, а непосредственно в управлении, мы включили в наш репортаж). — Это — предприятие нового типа, с организацией услуг высшего класса, где под руководством главного художника Вячеслава Зайцева будет изготавливаться оригинальная женская и мужская одежда в ансамбле с трикотажем, головными уборами и другими дополнениями модного ассортимента. У нас можно будет заказать, а возможно, и купить готовую уникальную авторскую модель. Будем выпускать мы не только изделия острой моды, но и умеренного стиля одежды. У нас же можно будет заказать и головной убор, купить альбомы с фотографиями модных моделей, посмотреть выставку, побывать в демонстрационном зале на показе новых коллекций. Главная же новинка нашего Дома в том, что человек может одеться «от и до», кроме обуви, в едином стиле. Мечтаем мы создать у нас своеобразный театр моды, где будет слияние всех эстетических начал — цвета, формы, пластики, музыки. Такова идея, задумка, надеемся, что мы ее осуществим. Во всяком случае, закуплено все необходимое оборудование, мебель, подготовлена даже фирменная одежда для работников Дома по эскизам Зайцева. Есть, конечно, и нерешенные проблемы. Взять, к примеру, пуговицы, пряжки и прочую фурнитуру. Это поистине неразрешимая проблема. Добиться пуговиц одной фактуры и цвета, но разной величины, как это необходимо на женском и мужском костюмах, пока, к сожалению, невозможно. Наши модели можно совершенно безошибочно узнать по пуговицам. Это просто камни преткновения для нас, швейников.

— Последний вопрос. Мы тут много, взволнованно говорили о проблемах легкой и швейной промышленности, отмечали, что уровень того, что предлагает нам торговля, еще очень низок. Что, на ваш взгляд, тут самое важное?

— За двадцать лет работы в индустрии моды сложилось определенное представление о принципах, на которых должна строиться эстетика одежды.

И мне кажется, что сегодня необходимо выбросить на рынок огромное количество прекрасного, разнообразного ассортимента одежды, уже проверенного, подтвержденного любовью покупателей, заказчиков, — это блузы, юбки, свитера, пуловеры, жилеты, жакеты, цветные чулки, гольфы, носки, трикотажные головные уборы, мягкие сумки, то есть все то, что хочет иметь в своем гардеробе любая женщина.

Фабрики должны иметь ассортимент, утвержденный художником, человеком, который обладает подлинной компетентностью и правом создавать и утверждать эталоны прекрасного.

Когда мы сможем обеспечить наши магазины одеждой, отвечающей понятию хорошего вкуса, можно будет потихоньку маленькими партиями предлагать и остроумные образцы одежды.

А для того, чтобы не оттолкнуть покупателей от модных предложений, необходимо, чтобы их вкус был уже сформирован. И я думаю, что на сегодняшний день нам в первую очередь надо заниматься воспитанием вкуса, культуры одежды.

Заклучая эту встречу, хочется обратиться к руководству Министерства легкой промышленности СССР, Министерства бытового обслуживания населения РСФСР, то есть ко всем тем, от кого зависит, как мы выглядим, как одеваемся сегодня, с просьбой высказать свое компетентное мнение по всем затронутым вопросам.

Встречу вел В. МОРОЗОВА.

Леонид НАУМОВ

ФЕЛЬЕТОН

Вздорная семантика

В толковом словаре русского языка глагол «брать» означает «захватывать рукой или принимать в руки» и совершенно не связан с глаголом «воровать», интересующим в основном юстицию и близким ей институты.

Так что, собственно говоря, к слову «брать» можно отнести со всей терпимостью, да и вообще нам без него на свете прожить было бы трудно.

Однако некоторые весьма почтенные и вполне уважаемые люди взяли за моду трактовать глагол «брать» по-своему, пользуясь несомненным полустительством со стороны семантики, которой положено заниматься смысловым аспектом языка.

Однажды мы обратили внимание, как уважаемый сотрудник, служащий солидной конторы, аккуратно укладывал в свой портфель пачку писчей бумаги, бутылку чернил для авторучки, коробок со скрепками и кнопками, папки с зажимами стоимостью по одному рублю за штуку.

— В командировку собираетесь? — поинтересовались мы. — Неужели там канцтоваров нет? Охота вам тащить такую тяжесть!

— С чего вы взяли? — удивился тот. — Никуда я не еду. Дочь дипломную работу пишет. Просила принести эту ерунду, чтобы не бегать по магазинам и не тратить время.

И возразить вроде бы нечего. Время действительно следует беречь, а не разбазаривать на всякие пустяки!

Сосед по лестничной клетке, очень милый молодой человек, работающий в ремонтной мастерской, любезно одаривает жильцов нашего дома сверлами, молотками, напильниками, шурупами, плоскогубцами, паяльниками. Денег за подарки он вроде не берет, разве что иной раз соглашается пропустить стаканчик, если в какой-нибудь квартире сильно настаивают. Угощающий тоже можно понять — кому хочется прослыть неблагодарным!

— У нас на производстве этого барахла навалом! — объясняет сосед доверительно. — Хотите, дряль принесу? Очень полезная в быту штука. У меня дома, знаете, целый заводик, хоть трактор делай. Одно плохо — жена ругается. Завалил, говорит, всю квартиру своими железяками, повернуться невозможно...

Бестолковая жена попалась че-

ловену! Не первый, между прочим, случай.

И вообще-то, если не завязывать глаза полотенцем, а, наоборот, раскрыть их пошире и внимательно поглядеть по сторонам, то кое-кто иногда кое-что на работе берет. Для дома, как говорится, для семьи! Особенно хорошо, как утверждает неофициальная статистика, расходятся по квартирам душевые установки, электролампочки, оргстекло, белила, телефонный кабель, кисти, ватман, паркет, краски, линолеум, замки, облицовочная плитка, ножницы, фанера, посуда и многое другое.

А собственно, почему не взять? На предприятиях и в учреждениях всего в избытке, функционируют отделы снабжения, грузовики ежедневно привозят разные материальные разности, аж глаза разбегаются. Велика ли беда, если кто и возьмет ничтожную малость?

Какой-то крохобор-любитель, наливаясь желчью, насчитал убытков в тысячу рублей, если только сто человек растащат в течение года всякой мелочи на десятку каждый.

Другой скопидом из неврастеников, учитывая сожженный бензин, износ узлов машин при поездках сотрудников на служебных автомобилях по личным надобностям, потерянные часы рабочего времени, переводил все в рубли, в общем, занимался разными глупостями. И получались у него огромные цифры!

Пусть считают, раз делать нечего! Они, кроме арифметики, и знать ничего не знают!

Им, неучам, невдомек, что во всем виновата семантика, о которой они и слыхом не слышали. Да-да! Та самая часть языкознания, которую мы довольно изящно покритиковали выше!

Кто должен следить, чтобы глаголы «делать», «доставать», «покупать», «продавать» не гримасничали? Семантика, конечно. Кто же еще! Кто взвалил на плечи глагола «брать» половину обязанностей глагола «воровать», — опять же она, семантика!

Что же это за легкомыслие в конце концов? Как прикажете понимать вздорное поведение дочери столь уважаемой и серьезной науки, как лингвистика?

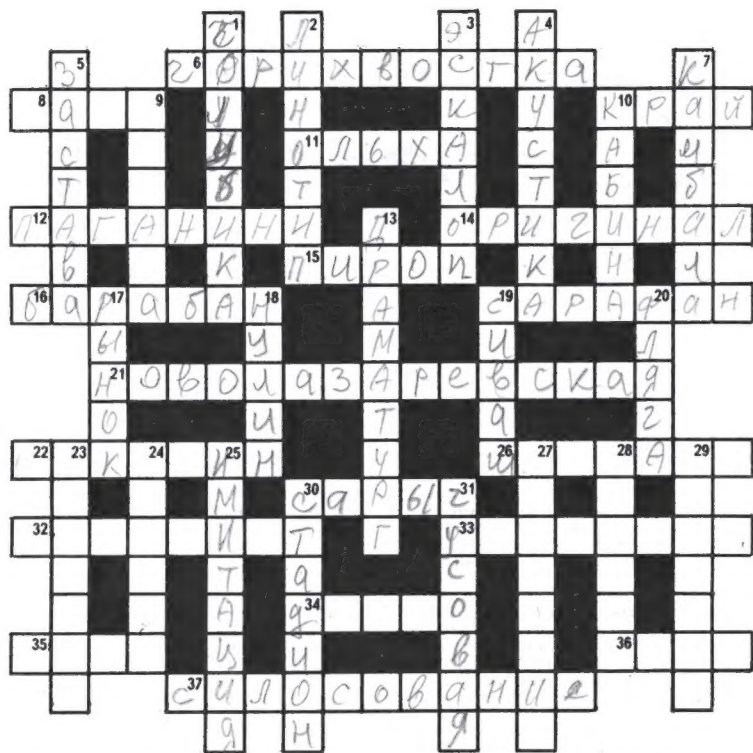
Пора, давно пора этой самой лингвистике поставить лингвистическое чадо в угол, дабы оно поразмыслило, прекратило озорство и исправилось.

Пока еще не все, извините, разобрали.

— А мы к вам по обмену опытом.

Рис. Н. Малова

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Певчая птица семейства дроздов. 8. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 10. Административно-территориальная единица в СССР. 11. Лиственное дерево, кустарник. 12. Выдающийся итальянский скрипач и композитор. 14. Подлинник. 15. Минерал, спутник алмаза. 16. Ударный музыкальный инструмент. 19. Женское платье без рукавов. 21. Советская научная антарктическая станция. 22. Скульптор, автор проекта памятника «Тысячелетие России», воздвигнутого в Новгороде. 26. Порода кроликов. 30. Птица семейства ястребиных. 32. Картина В. А. Тропинина. 33. Балетмейстер, народная артистка СССР. 34. Дирижер и композитор, автор балета «Арлекинад». 35. Река в Таджикистане. 36. Повесть А. А. Караваевой. 37. Способ заготовки сочных кормов, заквашивание.

По вертикали: 1. Северная ягода. 2. Типографская наборная машина. 3. Жаркое. 4. Раздел физики, учение о звуке. 5. Подразделение пограничных войск. 7. Промысловая морская рыба. 9. Симфоническая поэма В. Сметаны из цикла «Моя Родина». 10. Специальное помещение в самолете для пилотов. 13. Автор пьес. 17. Место розничной торговли, базар. 18. Главное действующее лицо поэмы А. С. Пушкина. 19. Система мелких заливов в Крыму. 20. Походная плоская бутылка. 23. Центр добычи нефти в Башкирии. 24. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 25. Искусное подражание. 27. Водный раствор, не замерзающий при низких температурах. 28. Электрическая лампа. 29. Советский писатель. 30. Комплекс спортивных сооружений. 31. Приток Камы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 7. Новороссийск. 8. Персик. 9. «Отелло». 10. Лист. 12. Парнас. 14. Арфа. 16. Бронетранспортер. 17. Арка. 19. Алушта. 22. Ада. 26. Баланс. 27. Проект. 28. Альтернатива.

По вертикали: 1. Индекс. 2. Иваси. 3. Кряква. 4. Основа. 5. Айбек. 6. Окуляр. 10. Ложбина. 11. «Темнота». 12. Пантера. 13. Стулица. 14. Антраша. 15. Америка. 18. Клапан. 20. Ласкер. 21. Топчан. 23. Доклад. 24. Вальс. 25. Рошин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Коммунисты колхоза имени XXII партсъезда Джамбулской области Казахстана посылают делегатом на XXVI съезд КПСС свекловода Жамал Омарову. (См. в номере материал «Здравствуй, поле!».)

Фото Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели Вячеслава Зайцева. (См. в номере материал «Как мы одеваемся».)

Фото И. Кункова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.01.81. Подписано к печати 10.02.81. А 00330. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 521. Заказ № 3563.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Приглашаем посетить музей истории фотографии.

СХАДЫБА МУЗЕЯ

«...Это одно из самых радостных и достойных восприятия открытий нашего времени... У Дагера можно видеть изображения... большей частью на металле... Все они подобны тончайшим гравюрам по стали коричневатого-серых бисерных тонов, воздух ощущается всегда печальным и размытым». Так писал великий немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт.

Фотография, изобретенная французами Ж. Н. Ньепсом и Л. Ж. М. Дагером более 140 лет назад, прошла сложный и большой путь. Она стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, самостоятельной областью искусства, науки и техники.

Человек не обладает способностью фиксировать и воспроизводить с полной достоверностью факты, события, ощущения. К тому же человеческая память сугубо индивидуальна, а со временем зрительные образы искажаются или просто стираются. Фотография дала нам возможность запечатлеть мгновение, достоверно и точно воспроизвести события, образы, факты. Фотография чрезвычайно многообразна — трудно сравнить великолепные пейзажи А. Адамса с фотографией, запечатлевшей последние минуты жизни Сальвадора Альенде, или фотомонтажи Д. Хартвиля с полными пафоса снимками 30-х годов Манса Альперта. Как искусство, фотография отражает многообразие явлений окружающей нас жизни, преломляя их через призму воображения, восприятия и таланта фотографа.

Как средство массовой информации, фотография стала мощным идеологическим оружием. Еще В. И. Ленин писал: «Нужно показывать только кино, но и интересные для пропаганды фотографии с соответствующими надписями». Советские фотожурналисты и фотохудожники активно участвуют в созидательной жизни нашей страны. Строительство БАМа, полеты в космос, Олимпийские игры — все многообразие жизни нашего общества находит отражение в произведениях советской фотографии.

Фотография стала частью нашей материальной и духовной культуры, она несет в себе информацию и эстетическое наслаждение, заставляет нас думать, сочувствовать, радоваться, а иногда и ненавидеть. В десятках музеев хранятся произведения живописи, графики и скульптуры. Но где же можно увидеть шедевры мирового и советского фотоискусства? В музее истории, искусства и техники фотографии. Да, такой музей существует в Москве. Приходите, и вы увидите удивительные вещи.

Уникальная пятнадцатикратная фотокамера. Вставляете фотопластинку — получаете сразу пятнадцать кадров размером с почтовую марку. У одной из стен стоит необычный осветительный прибор. Громкая тысячеваттная лампа вставлена в обыкновенное ведро, и это приспособление укреплено на деревянной стойке. Такой примитивной лампой-ведером пользовались замечательный советский фотопортретист М. Наппельбаум, создавший целую галерею прекрасных портретов деятелей революции. Он сделал один из первых после революции портрет В. И. Ленина.

В одной из витрин стоит скромная фотокамера размером 9х12. Это один из первых советских фотоаппаратов «Арфо».

27 августа 1919 года В. И. Ленин подписал декрет «О переводе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению». Были национализированы частные фотокинопредприятия и кустарные оптико-механические мастерские. Но трудности первых лет Советской власти не позволили сразу приступить к выпуску отечественной фотоаппаратуры.

Не хватало средств, сырья, квалифицированных специалистов. Но трудности были преодолены, и в 1931 году ГОМЗ приступил к серийному выпуску аппаратов «Фотонор-1». Одновременно с ГОМЗом фотокамеры выпускала фабрика ФТЗ («Фототруд»). В самом начале 30-х годов эта фабрика и выпускала камеру «Арфо». Экспонаты музея — вехи истории, замечательной истории нашей страны.

Здесь вы можете увидеть портрет М. Горького, фотографии первого космонавта Ю. Гагарина, снимки блокадного Ленинграда и портреты наших современников. В музее хранится более трех тысяч экспонатов.

Создателем, единственным хранителем и экскурсоводом этого музея является удивительный человек — фотохудожник Е. С. Бялый. Более шестнадцати лет Е. С. Бялый занимается собиранием предметов фотографии. Скромная коллекция вскоре переросла в небольшое музей. Научно-исследовательский институт бытового обслуживания выделил Е. С. Бялому небольшое помещение. Появилась возможность показать экспозицию любителям фотографии. Росла известность музея, увеличивалось количество посетителей, появлялось все больше экспонатов — люди присылали и приносили в дар предметы техники, снимки, книги, семейные альбомы. Музею опять стало тесно. Бялый добился, чтобы ему выделили другое помещение — побольше. Сам его отремонтировал, перенес экспонаты. И опять стали приходить посетители, и снова интересно и вдохновенно рассказывает им о фотографии Е. С. Бялый. Да, музей фотографии существует, но лишь благодаря усилиям одного человека. Нынешнее положение вызывает тревогу.

Хочется верить, что соответствующие компетентные органы найдут возможности и средства, чтобы создать государственный музей истории, искусства и техники фотографии.

Г. СТРЕЛЬНИКОВ
Фото автора

Дагерротип сороковых годов XIX века.

Старинные фотопринадлежности.

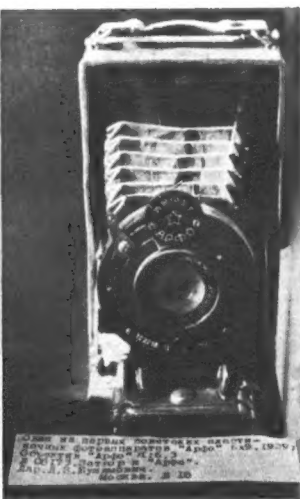
ПОВЕСТКИ

РЕДАКТОР
ФЕДОРОВ
ФОТОГРАФИ
ОБЩЕСТВО
В МОСКВЕ

Год 2-й
№ 1
АВГУСТ 1870

ПЛАСТИНКИ ИСТМЕТЬ
ЛАНДШАФТЫ,
РИСУНКИ,
ПОРТРЕТЫ
ИЗ МОСКВЫ

Одна из страниц фотографического журнала «Повестки», выходившего в Москве в начале века.

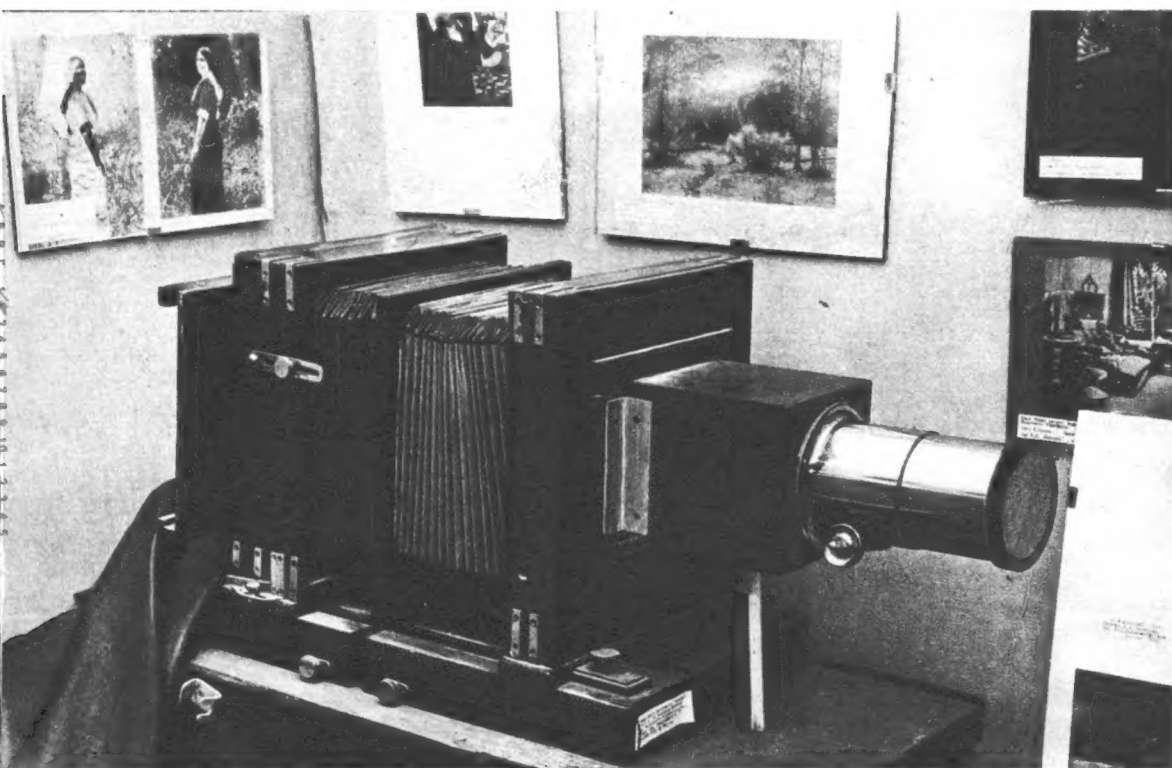

Один из первых советских фотоаппаратов

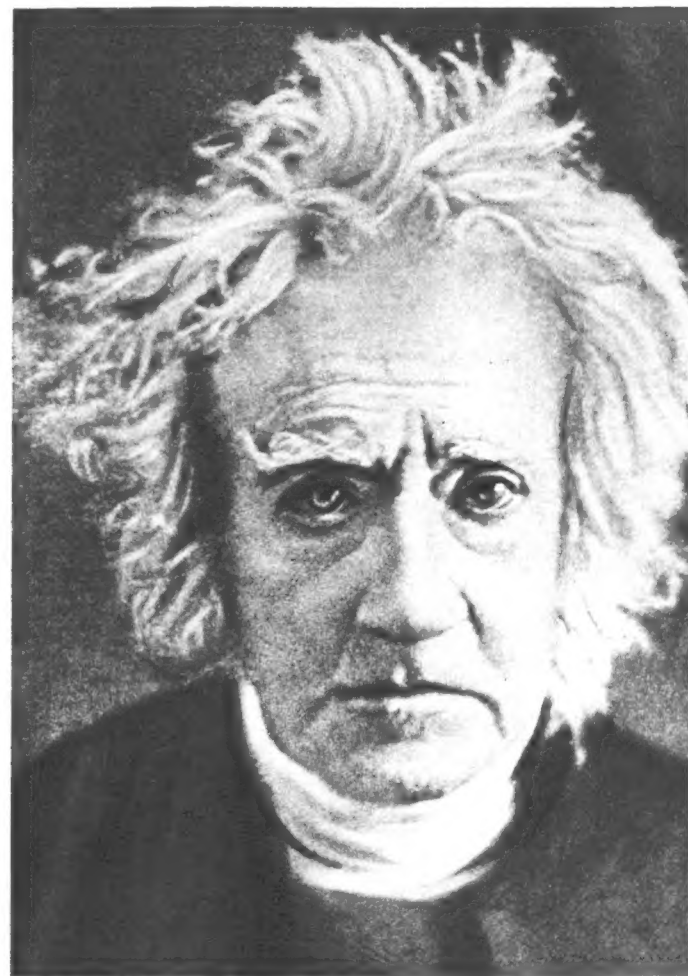
Коллекция значков.

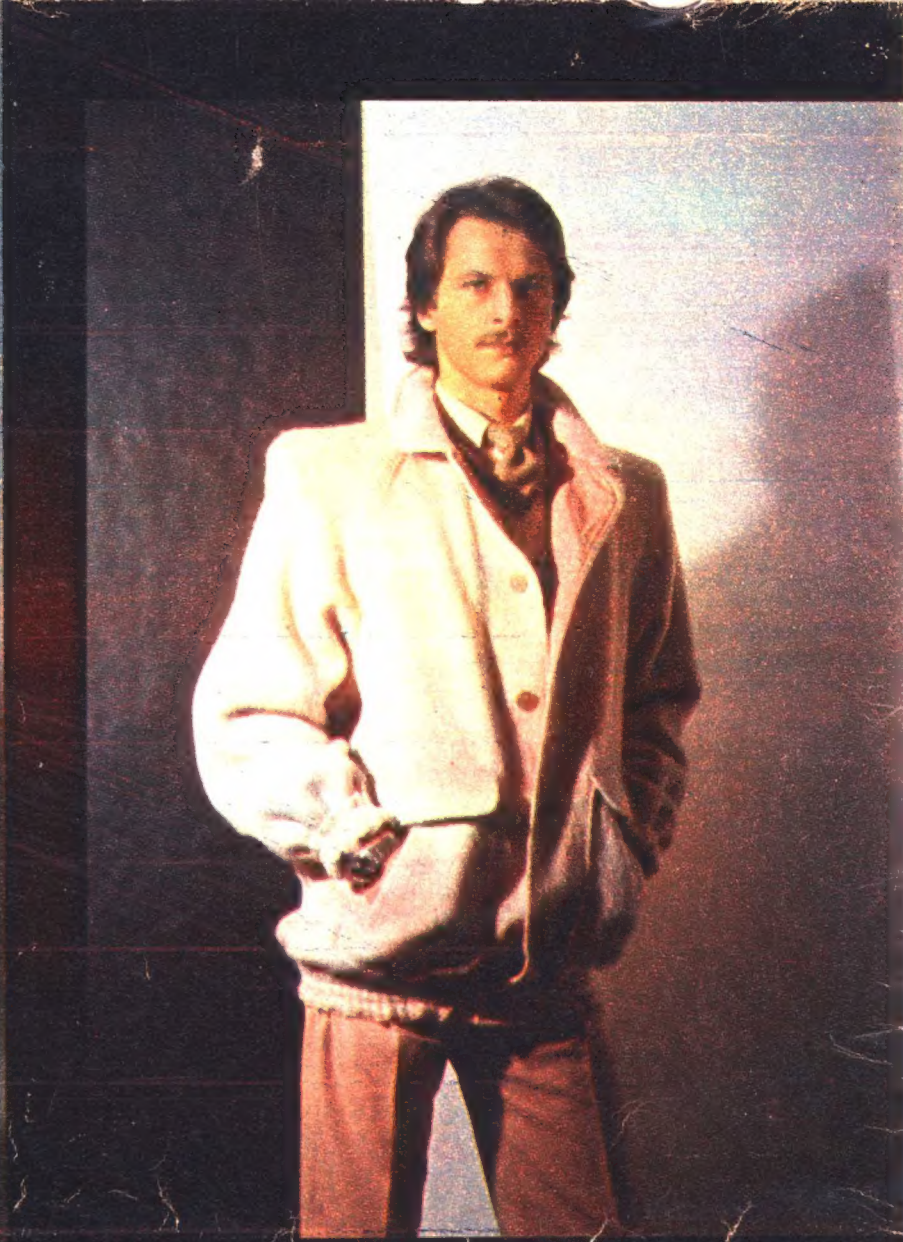
Фотокамера «Глобус».

Посетители музея.

Портрет.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663